

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVIII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 9–10 декабря 2022 г.)

Материалы и доклады

Самара
2023

УДК 94
ББК 63.3
ПЗ7

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

ПЗ7 **Платоновские чтения:** материалы и доклады XXVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9–10 декабря 2022 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. – 222 с.

ISBN 978-5-6049622-0-6

В сборнике представлены статьи участников XXVIII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 9–10 декабря 2022 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, истории взаимоотношений власти и общества, международных связей, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и повседневности России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6049622-0-6

© Авторы, 2023
© Самарский университет, 2023
© Центр периодических изданий Самарского университета; Самарская гуманитарная академия, оформление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

XXVIII Всероссийские Платоновские чтения — 2022 г. 9

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

- Тягун Диана Борисовна.** Наследие святителя Гермогена и его образ в источниках конца XVI — начала XVII вв. 16
- Налейкин Илья Александрович.** «Псковский Экскалибур»: довмонтов меч и проблемы его атрибуции 19
- Кулыгин Леонид Андреевич.** Конфликты между посадским населением и структурами полицейского управления Москвы в XVII веке 21
- Кривова Дарья Анатольевна.** К вопросу о проблемах взаимоотношений Кабинета министров (1731–1741 гг.) и местных органов власти 24
- Буевич Михаил Алексеевич.** Поселения ландмилиции при редутах на Новой Закамской линии: опыт предварительной реконструкции 27
- Бархаткина Екатерина Евгеньевна.** Развитие медицинского образования в России XVIII века на примере Московской госпитальной школы 29
- Ильина Юлия Геннадьевна.** Иностранные гравёры в России в первой четверти XVIII века и их влияние на развитие русской печатной иллюстрации 32
- Захаров Максим Дмитриевич.** Конфессиональная политика империи в отношении старообрядчества и основание Оренбургской епархии (в середине XIX века) 35
- Коплевацкая Екатерина Романовна.** Русский солдат на Кавказе глазами А. А. Бестужева-Марлинского 37
- Целёра Олег Сергеевич.** Англо-русское разграничение 1872–1873 годов: дипломатическая подготовка к заключению договора 40
- Михайлова Анастасия Евгеньевна.** Магази́нная торговля в Самарской губернии в конце XIX — начале XX вв. 42
- Третьякова Надежда Александровна.** Становление и проблемы развития института психиатрии в Самарской губернии в конце XIX — начале XX вв. 45
- Богданов Артём Владимирович.** Российско-японские отношения в Первой мировой войне 47

Секция II. Власть и общество в истории России

- Леутина Василиса Сергеевна.** Семейные заботы женщины-крестьянки в пореформенный период 50

Кроз Татьяна Владимировна. К.К. Грот и проблемы благотворительности в России 1890-х гг.	52
Гниломедова Оксана Демьяновна. Статус Госсовета в механизме государственного управления Российской империей: опыт компаративного анализа	54
Торунов Владислав Алексеевич. Правовые вопросы в деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в исторической литературе	57
Валевко Станислав Васильевич. Реакция властей на складывание «революционной ситуации» в среде рабочих Оренбургской губернии в 1914–1917 годах	59
Кузин Иван Михайлович. Куйбышевский вариант «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса	61
Мусеева Алина Азатовна. Решение аграрного вопроса на примере церковных приходов Казанской Епархии в революционную эпоху 1917 года	63
Петренко Анастасия Олеговна. Специфика лагерей ГУЛАГа Среднего Поволжья в 1930–1950-х гг.	66
Романова Вероника Борисовна. Разработка проектов жилищного строительства в СССР в 1960-е гг. поддокументам РГА в г. Самаре	68
Рамм Денис Антонович. Строительство «нового города» для Волжского автомобильного завода	70
Абрашкин Сергей Николаевич. Роль губернатора Самарской области К.А. Титова в международной внешнеэкономической деятельности региона в 1990-е гг.	72
Вербой Вячеслав Андреевич. Борьба за установку памятника митрополиту Иоанну (Снычёву) в Самаре	75

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Воробьев Александр Павлович. Рождение концепции «Москва – третий Рим»	79
Самсонова Ирина Станиславовна. Формирование большевистской концепции интернационализма в начале XX века	81
Парахин Андрей Сергеевич. Создание партии «Союз 17 октября»	84
Титова Ольга Андреевна. Пионерское движение первых лет советской власти: новые исследовательские парадигмы	82
Мурзаков Никита Алексеевич. «Кировский поток» и позиция белой эмиграции (по материалам переписки бывших дипломатов)	88
Ямаева Дания Римовна. Сравнительный контент-анализ воспоминаний П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского	90
Токмакова Полина Дмитриевна. А.Ф. Керенский и координация белой эмиграции в США	93

Сухорукова Арина Андреевна. Оценка СССР в работах Мао Цзэдуна в 1941–1945 гг.	95
Богданов Даниил Владимирович. Делопроизводственная документация Куйбышевского государственного университета как исторический источник (1966–1969 гг.)	97
Коюшева Варвара Валентиновна. Зарождение либерализма в России: дискуссии в современной историографии	99
Давыдова Елена Владимировна. «За нашу и вашу свободу»: М.М. Ковалевский и отечественное англоведение пореформенной эпохи	101
Афанасьева Дарья Андреевна. Смена исторических нарративов в современных российских школьных учебниках новой и новейшей истории	103

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Николаев Сергей Владимирович. Музей Владимира Высоцкого в Самаре как центр по сохранению и популяризации творчества поэта	106
Овчинников Дмитрий Иванович. О создании мемориальной келии митрополита Иоанна (Снычева) в Самарском епархиальном церковно-историческом музее	109
Емельянова Анастасия Александровна. Влияние православных культовых сооружений на архитектурный облик города Орска Оренбургской губернии (конец XIX – начало XX в.)	112
Овчинников Алексей Иванович. Старообрядцы в годы церковной реформы	114
Карташов Владислав Алексеевич. Молокане в контекстуальном поле миссионерской практики во второй половине XIX в. на примере Саратовской и Самарской епархий (на материалах церковной печати)	116
Ламонова Анна Алексеевна. Борис Свойский – личность в истории Самарской Куйбышевской студии кинохроники	118
Елин Владимир Ильич. Самарские библиотеки в условиях советской модернизации социокультурного пространства 1920-х гг.	121
Ермолаева Мария Андреевна. Литературные объединения г. Самара в середине 1920-х – начале 1930-х гг.	123
Степанова Ольга Игоревна. Об одном опыте визуальной репрезентации истории российской культуры в почтовых марках	126
Шихова Диана Денисовна. Становление и развитие советского балета в 1920–1930-е гг.	128
Михеева Алина Владимировна. Похоронная культура раннесоветского общества	130
Ахмадуллина Юлия Радифовна. Сакрализация природно-ландшафтных объектов в культурных практиках самарских татар	133

Васина Дарья Игоревна. «Тимур и его команда»: история дач для детских садов и детских домов в советский период 136

Секция V. История России в XX в.: проблемы, поиски решения

Митяев Дмитрий Сергеевич. Историография Гражданской войны в Самарской губернии 140

Наприенко Дмитрий Олегович. Восприятие Февральской революции населением области Войска Донского в отображении местной газетной прессы 142

Павлов Лев Эдуардович. Проблема международного признания СССР в 1920-е годы 144

Кирдяшев Максим Сергеевич. Гуманитарная помощь голодающим детям в начале 1920-х гг. по воспоминаниям очевидцев 146

Неманова Марина Руслановна. Деятельность медицинских кадров в Самарской губернии для преодоления распространения социальных болезней в годы НЭПа (1921–1929 гг.) 148

Янцен Ирина Дмитриевна. Мобилизация и добровольное вступление советских женщин в ряды Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 150

Крылова Анастасия Константиновна. Опыт применения методов устной истории для изучения исторической памяти о семье Володичкиных 153

Кузнецова Маргарита Валерьевна. Освещение деятельности промышленных предприятий Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны в периодической печати (на примере г. Сызрани) 155

Курбатова Анастасия Владимировна. Государственная политика в сфере кинематографии в СССР в начале 1920-х – середине 1960-х гг. 157

Вишнякова Анна Андреевна. «Священная обязанность каждого трудящегося»: состояние зеленого хозяйства г. Куйбышева в 1946–1950 гг. 159

Губанова Татьяна Сергеевна. Повседневность советских школьников по материалам учебников для младших школьников 1970-х гг.: гендерный аспект. 161

Карманова Евгения Вячеславовна. Н.Т. Кукушкин – руководитель хозяйства «Северный ключ»: этапы профессиональной деятельности 164

Плешкова Полина Валерьевна. Становление российской рекламы в 1990-е гг. 166

Онлайн секция Платоновских чтений

- Левченко Виталий Владимирович.** Представления и ориенталистские архетипы европейских путешественников о Московском централизованном государстве 169
- Соддатенкова Валерия Владимировна.** Генеральное учреждение о наборе рекрутов 1766 года: характеристика и значение 172
- Никишин Борис Андреевич.** Династические браки при императоре Павле I как инструмент внешней политики России на рубеже XVIII – XIX вв. 174
- Румянцев Иван Сергеевич.** Преображенская церковь в Павлове-на-Оке 176
- Тарасов Марк Олегович.** Развитие социальной помощи в пореформенный период (на материалах Калужской губернии) 178
- Графова Дарья Федоровна.** Война или семейная ссора: сопротивление крестьян-общинников в Казанской губернии проведению мероприятий Столыпинской аграрной реформы 180
- Мухина Марина Владимировна.** Нарушения в ходе проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Калужском избирательном округе 183
- Слискова Валерия Викторовна.** Организация Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава в 1918–1920 гг. 185
- Заводсков Иван Николаевич.** Опыт Осоавиахима в военно-патриотическом воспитании детей и молодежи в 1927–1941 гг. 187
- Ломакин Александр Владимирович.** Советский массовый праздник как способ коммуникации власти и общества (по материалам Ленинграда 1953–1964 гг.) 189
- Павленко Алла Игоревна.** Общественно-политический кризис в России в 1992–1993 годах 191

Секция стендовых докладов

- Иудин Василий Дмитриевич.** «Торпарский вопрос» в финской историографии 194
- Евпалов Виктор Владиславович.** Генезис и развитие понятия провинции в отечественной историографии 196
- Дмитриев Артём Алексеевич.** Идея «неоплатного долга» интеллигенции перед крестьянством 198
- Скрябина Юлия Валерьевна.** Просветительская деятельность Русской православной церкви в XIX в. 200
- Пичугина Алина Ивановна.** А.М. Коллонтай: опыт историко-биографического исследования 201

Волкова Валентина Сергеевна. Женщины дома Романовых в конце XIX – начале XX вв.	203
Ткачев Виталий Викторович. Купечество Байкальской Сибири в процессе создания музеев и проведения художественных мероприятий во второй половине XIX – начале XX вв.	205
Козлова Снежана Антоновна. Ожидая высоких гостей: самарская администрация о “замечательнейших местностях” молодой губернии	207
Чаплыгина Александра Алексеевна. “Просвещенное чиновничество” Самарского края в канун Великих реформ и Русское географическое общество	210
Серебряков Владимир Игоревич. Россия и объединение Германии в 1864-1871 гг.	213
Черкасов Дмитрий Александрович. Перипетии российско-германских дипломатических отношений при Александре III в 1881–1894 гг.	215
Жигалов Александр Владимирович. Расстрел демонстрации 9 января 1905 года – закономерное явление эксплуатации трудящихся	217
Ильинова Полина Юрьевна. Южно-азиатский «треугольник Примакова»: РФ-Индия-Китай. Особенности, связи и экономические контакты	219

XXVIII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022 г.

9–10 декабря 2022 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXVIII Всероссийские Платоновские Чтения.

Вот уже более четверти века Платоновские Чтения традиционно считаются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. На них собираются и выступают с докладами молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также отдельных стран зарубежья. По Положению о Платоновских Чтениях в работе конференции разрешается принимать участие бакалаврам и магистрам, а также аспирантам, научным сотрудникам и преподавателям в возрасте не старше 30 лет, не имеющим ученой степени или звания.

В основе работы Чтений заложен конкурсный принцип.

Начиная с первых Платоновских чтений, состоявшихся в 1996 г., при организации каждой новой конференции их Оргкомитет ставит перед собой следующие базовые задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- способствовать созданию тесных научных связей между молодыми исследователями различных регионов России,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За более чем четвертьвековую историю проведения Платоновских Чтений они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, приобрели особую значимость и привлекательность для молодых исследователей. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120–200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало от 50 до 90 докладчиков. Тексты всех прошедших конкурсную экспертизу и представленных к участию в заседаниях секций докладов публиковались.

Чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их базовой особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение конференции стало общероссийской научной традицией. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Ярославле, Уфе, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других городах нашей страны сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских Чтений являлся Самарский государственный университет (с 2015 г. Самарский национальный исследовательский университет имени акаде-

мика С.П. Королева). В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Проведенные в конце первой декады декабря 2022 г. XXVIII Платоновские Чтения были организованы при финансовой и методической поддержке ректората Самарского университета и руководства социально-гуманитарного института.

Проект «Платоновские Чтения» стал неотъемлемой частью системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского университета, ежегодно проводимых научных конференций молодых ученых и студентов. Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Среднего Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2022 г. в него вошли заместитель председателя Оргкомитета, директор социально-гуманитарного института, доктор философских наук А.Ю. Нестеров, проректор по учебно-воспитательной работе Самарского университета профессор М.М. Леонов, декан исторического факультета, доцент Я.А. Голубинов; профессора Самарского университета Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Н.Н. Кабытова, О.Б. Леонтьева; доцент В.А. Тюрин, ответственный секретарь Чтений П.А. Мистрюгов, секретарь Д.А. Кривова. Активное участие в организации и проведении Чтений приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций традиционным для проведения XXVIII Всероссийских Платоновских Чтений являлось стабильное количество секций, необходимых для полного охвата интересов и возможностей всех молодых исследователей, желающих принять в них участие. В 2022 г. конференция была проведена в рамках 6 секций (5, состоявшихся непосредственно в аудиториях университета, и одной, проведенной дистанционно, онлайн) и пленарного заседания.

Работа Платоновских Чтений в 2022 г. проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции – 9 декабря 2022 г.,
- заседания секций – 9 декабря 2022 г.,
- пленарное заседание – 10 декабря 2022 г.

При формировании состава участников конференции комиссией Оргкомитета было проведено рецензирование всех присланных по электронной почте докладов. Оно позволило отобрать 88 наиболее соответствующих научно-методическим требованиям и правильно оформленных научных работ. Из этого количества 75 были определены для конкурсных выступлений их авторов на 6 секциях Платоновских Чтений. Оставшиеся 13 докладов, отнесенные к категории стендовых, разместили для самостоятельного ознакомления участников Чтений.

Участники проводимых XXVIII Платоновских Чтений представляли 22 вузовских центра Российской Федерации, что значительно превысило показатели предшествующей конференции. Из них более половины составляли представители вузов Самары (Самарский национальный исследовательский университет (43 участника), Самарский государственный социально-педагогический университет (8), Самарский филиал Московского городского педагогического университета (5), Самарский государственный институт культуры (4).

Вузы Москвы были представлены Московским государственным университетом (1), Московским городским педагогическим университетом (1), Московским педагогическим государственным университетом (1), Российским государственным гуманитарным университетом (1), а Санкт-Петербурга – Санкт-Петербургским государственным университетом (3).

География остальных российских высших учебных заведений была представлена в основном республиканскими и областными центрами европейской части страны: Казанским (Приволжским) федеральным университетом (2), Южным федеральным университетом (Ростов–на–Дону) (1), Саратовским национальным исследовательским государственным университетом (2), Сыктывкарским государственным университетом (1), Пензенским государственным университетом (1), Ульяновским государственным педагогическим университетом (1), Ульяновским государственным университетом (2), Оренбургским государственным университетом (2), Ярославским государственным педагогическим университетом (1), Калужским государственным университетом (2), Военно-воздушной академией (г. Воронеж) (2).

И наконец, Сибирский регион был представлен Иркутским (1) и Омским (1) государственными университетами.

Из всех указанных в Программе Чтений участников с докладами на 5 секциях было заявлено 75 чел.

На Пленарном заседании и в работе 6 секций Чтений принимало участие более 150 чел.

На первой секции «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» в числе заявленных 13 докладчиков (из которых выступило 12 и дополнительно, должная выступать в «Онлайн секции», но приехавшая в Самару А.С. Лихачева, аспирант Ярославского государственного педагогического университета) были 2 аспиранта, 6 магистрантов и 5 бакалавров. Они представляли Московский государственный университет (1), Самарский национальный исследовательский университет (8), Самарский филиал Московского городского педагогического университета (1), Оренбургский государственный педагогический университет (1), Саратовский национальный исследовательский государственный университет (1) и Самарский государственный социально-педагогический университет (1).

Первое место на секции за доклад «К вопросу о проблемах взаимоотношений Кабинета министров (1731-1741 гг.) и местных органов власти» присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета Д.А. Кривовой, второе место – аспиранту Самарского государственного социально-педагогического университета О.С. Целере за доклад «Англо-русское разграничение 1872–1873 годов: дипломатическая подготовка к заключению договора», третье место – аспиранту Ярославского государственного педагогического университета А.С. Лихачевой за доклад «Обо-злившаяся на нас природа: травма галицийской оккупации в нарративах русских комбатантов Великой войны».

В состав докладчиков второй секции «Власть и общество в истории России» (из 12 докладчиков выступили 9) были включены 5 бакалавров, 1 магистрант, 5 аспирантов и 1 соискатель. Из них 8 участников представляли Самарский университет, 2 – Самарский государственный социально-педагогический университет, 1 – Казанский (Приволжский) федеральный университет, 1 – Оренбургский государственный педагогический университет.

Первое место за доклад «Роль губернатора Самарской области К.А. Титова в международной внешнеэкономической деятельности региона в 1990-е гг.» было присуждено соискателю Самарского национального исследовательского университета С.Н. Абрашкину. Второе место за доклад «Решение аграрного вопроса на примере церковных приходов Казанской Епархии в революционную эпоху 1917 года» получила А.А. Мусеева, бакалавр Казанского (Приволжского) федерального университета. Третье место за доклад «Строительство «нового города» для Волжского автомобильного завода» было присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета Д.А. Рамму.

Секция «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций», на которую было записано 12 докладов (3 магистранта, 5 бакалавров, 4 аспиранта), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 11 докладов, из них Самарский национальный исследовательский университет – 7, государственный социально-педагогический университет – 3, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 1. Представитель Сыктывкарского государственного университета – 1. Всего выступили с докладами 10 человек.

Первое место за доклад «Оценка СССР в работах Мао Цзэдуна в 1941–1945 гг.» получила магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета А.А. Сухорукова. Второе место присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета О.А. Титовой за доклад «Пионерское движение первых лет советской власти: новые исследовательские парадигмы»; третье место за доклад «Смена исторических нарративов в современных российских школьных учебниках

новой и новейшей истории» получила Д.А. Афанасьева, аспирант Самарского национального исследовательского университета.

В состав секции «Русская культура, история этносов и повседневность» было включено 13 докладов (6 бакалавров, 4 магистранта и 3 аспиранта). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 9 докладчиков, Самарский государственный институт культуры – 2, Оренбургский государственный педагогический университет – 1, Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 1. Всего на секции выступили 10 докладчиков.

Первое место было присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета Николаеву С.В. за доклад «Музей Владимира Высоцкого в Самаре как центр по сохранению и популяризации творчества поэта». Второе место за доклад ««Тимур и его команда»: история дач для детских садов и детских домов в советский период» получила бакалавр Самарского национального исследовательского университета Д.И. Васина. 3 место с докладом «Молокане в контекстуальном поле миссионерской практики во второй половине XIX в. на примере Саратовской и Самарской епархий (на материалах церковной печати)» занял В.А. Карташов, магистрант Саратовского национального исследовательского государственного университета.

Пятая секция «История России в XX в.: проблемы, поиски решения» объединила доклады 13 участников (4 бакалавра, 6 магистрантов и 3 аспиранта). Из них 6 докладчиков представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), 2 – Самарский государственный социально – педагогический университет, 3 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 1 – Ульяновский государственный университет. Всего с докладами на заседании секции выступили 8 ее участников.

Первое место на секции за доклад «Деятельность медицинских кадров в Самарской губернии для преодоления распространения социальных болезней в годы НЭПа (1921–1929 гг.)» было присуждено М.Р. Немановой, магистранту Московского городского педагогического университета. Второе место получила магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета А.А. Вишнякова за доклад «Священная обязанность каждого трудящегося»: состояние зеленого хозяйства г. Куйбышева в 1946–1950 гг.». Третье место было присуждено бакалавру Южного федерального университета Наприенко Д.О. за доклад «Восприятие февральской революции населением области Войска Донского в отображении местной газетной прессы».

«Онлайн секцию» Платоновских Чтений составили докладчики из других городов, которые могли участвовать в работе конференции только дистанционно. В ее состав были включены 12 человек (2 бакалавра, 5 магистров, 5 аспирантов). Они представляли собой следующие государственные

университеты: Санкт Петербургский (2), Московский (1), Омский (1), Пензенский (1), Калужский (2), Казанский (Приволжский) федеральный (1), Российский государственный гуманитарный (1), а также Московский городской педагогический (1), Ярославский государственный педагогический (1, аспирант, выступала на 1 секции), Ульяновский государственный педагогический (1). Всего на этой секции было сделано 9 докладов. Первое место с докладом «Развитие социальной помощи в пореформенный период (на материалах Калужской губернии)» занял М.А. Тарасов, аспирант Калужского государственного университета. Второе место получила Слискова В.В., аспирант Российского государственного гуманитарного университета за выступление с докладом «Организация Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава в 1918-1920 гг.». 3 место занял А.В. Ломакин, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета за доклад «Советский массовый праздник как способ коммуникации власти и общества (по материалам Ленинграда 1953-1964 гг.)».

Помимо того на Чтениях были представлены стендовые доклады (всего 13, подготовленных бакалаврами (6), магистрантами (3), курсантами (2) и аспирантами (2). Из них 5 – бакалаврами и магистрами Самарского национального исследовательского университета, 2 – Самарского государственного института культуры, 1 – Санкт-Петербургского государственного университета, 1 – Московского государственного педагогического университета, 1 – Ульяновского государственного педагогического университета, 1 – Иркутского государственного университета; 2 – курсантами Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж).

10 декабря 2022 г. состоялось пленарное заседание XXVIII Платоновских Чтений. Перед участниками конференции выступил председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил высокий уровень проведенной конференции и указал на необходимость дальнейшего совершенствования ее организации, расширения географии участников Чтений, повышения уровня докладов.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих и были заслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XXVIII Всероссийских Платоновских Чтений было присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета Д.А. Кривовой за доклад «К вопросу о проблемах взаимоотношений Кабинета министров (1731–1741 гг.) и местных органов власти».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и участников работы секций. В завершающей части пленарного заседа-

ния состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России и необходимости проведения всероссийских и региональных форумов научной молодежи. Участники заседания выступили с предложением оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня. Они посчитали необходимым повысить статус предстоящих в конце 2023 гг. XXIX Платоновских Чтений до международного с приглашением зарубежных участников из сопредельных с Российской Федерацией государств.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, М.М. Леонов, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Д.Б. Тягун

Самарский национальный исследовательский университет

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГЕРМОГЕНА И ЕГО ОБРАЗ В ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.

Святитель Гермоген — одна из важнейших личностей в истории Смутного времени. Его вклад в культуру нашей страны, защиту престола и всего православного люда от иноверцев, поддержку второго ополчения и гибель во имя идеалов и суверенитета российского государства трудно недооценить. Однако в связи с пожарами, грабежами и другими разного рода бедствиями, мы обладаем достаточно ограниченным кругом источников. Но, несмотря на это, доступных материалов вполне достаточно для реконструкции образа святителя. Источники, к которым можно обратиться, необходимо разделить на следующие группы: мемуарную литературу, эпистолярные произведения, актовый материал (грамоты Гермогена), духовная литература, созданная святителем. Также использованы изобразительные и другие группы источников.

Если говорить о сборниках документов, содержащих необходимые нам источники, то следует выделить «Хроники Смутного времени» [10]. В нем (в приложении) помещен текст «Нового летописца». Он используется для отображения окружающей действительности, царившей в XVII в., когда Гермоген осуществлял свою деятельность в качестве патриарха Московского. Казанский период деятельности святителя ярко демонстрируют труды самого Гермогена во время его пребывания в сане митрополита Казанского и мнения священников, отраженные в сборниках документов под редакцией А.И. Снегиревой [9]. Важное место занимают грамоты святителя. Они опубликованы в монографиях А.П. Богданова [2] и Д.М. Володина [3]. Гермоген писал их, будучи и в сане митрополита Казанского и патриарха Московского. Эти грамоты совершенно разного содержания: богомольные, патриарху Иову, наставления другим епархиям и церковнослужителям, послания в города с патриотическими воззваниями и т.д.

Большую роль играют в данном исследовании тексты духовной литературы, написанные самим Гермогеном. К ним относятся труд «Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани...» [9], свидетелем и участником которого он был сам; «Жития Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев» с текстом службы на обретение их мощей.

Гермоген был создателем новой редакции «Повести о Петре и Февронии» (автор текста Ермолай-Еразм) и др. работ. Их подробный анализ приведен в монографии И.М. Покровского [7]. В ней, рассуждая о деяниях святителя и его влиянии на русскую православную церковь, автор помещает тексты работ Гермогена. В основном труды святителя представляли собой либо поучения для прихожан или грамоты с наставлениями для митрополитов разных регионов страны, когда Гермоген пребывал в сане патриарха Московского. Кроме перечисленных трудов, святителем было написано послание Патриарху Иову, содержащее сведения о казанских мучениках (1591 г.); сборник, в котором рассматриваются вопросы Богослужения (1598 г.) и другие произведения. До наших дней сохранились лишь два экземпляра печатных книг, причем разных изданий «Службы Казанской иконе Божией Матери», авторства Гермогена, напечатанные в Казани на рубеже XVI–XVII веков.

Еще одним важным источником является Житие патриарха Гермогена [4]. Оно кратко и четко отражает все главные вехи его жизни, а само существование данного произведения демонстрирует то трепетное отношение, которое проявляют к святителю представители Русской Православной Церкви. В нем перечислены все деяния Гермогена, и все его достижения как крупного писателя и книжника XVII столетия. Много внимания уделяется тому, как были канонизированы святые Гурий и Варсонофий, а также радению святителя защите Родины от польско-литовских интервентов.

Центральное место в деятельности Гермогена занимают грамоты, написанные им во время его патриаршества. В их исследовании и оценке помогает сборник «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедиции Императорской академии наук» Т.2 (1598–1613 гг.) [1], так как в нем представлен обширный спектр грамот святителя, которые Гермоген рассылал в разные города, поднимая народ на защиту государства и православной веры. Также примечательны грамоты к его приближенным и второму ополчению. Однако, в связи с тем, что они не сохранились до наших дней в своем первоначальном виде, их реконструкция возможна только благодаря монастырским дневникам, мемуарам современников и работам историков. Поэтому, значительная часть историографии в этой работе используется и как источники (например, исследования Б.Э. Нольде [6] и И.М. Покровского).

Также необходимо отметить, что память о святителе отражена как в воспоминаниях современников: дьяк И. Тимофеев, князь И.А. Хворостинин, келарь Троице-Сергиева монастыря А. Палицын и настоятель обители Дионисий [8], так и в мемуарах польских интервентов в лице

двух военных деятелей Речи Посполитой: А. Гонсевского и гетмана С. Жолкевского [5]. Особого внимания также достойны картины, иконы и пр. изображения Гермогена после XVII столетия. Это доказывает то, что, несмотря на те или иные исторические события, народ не забыл своего героя и чтит его до сих пор (одним из доказательств являются дни его поминовения – 17 февраля (2 марта) (преставление), а 12 (25) мая (прославление в лике святых) [3, с. 252]). Здесь уместно вспомнить слова историка Д.М. Володихина: «Гермоген – камень веры. Он из тех, кого можно положить в фундамент любого здания, и здание будет стоять прочно» [3, с. 259].

Таким образом, мы видим, что несмотря на разноликость источников, их отличия по содержанию, форме, нам все равно удается хотя бы частично воссоздать образ святителя Гермогена, понять его взгляды, образ мыслей и то наследие, которое он оставил потомкам в назидание, чтобы никто и ничто не было забыто, а православный люд не нарушал ни мирских, ни Божьих заветов.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедиции Императорской академии наук (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 57-58, 61, 67, 73, 74, 164-165, 169, 176, 179, 194.
2. Богданов А.П. Русские патриархи (1589-1700). М.: ТЕРРА; Республика, 1999. Т. 1.
3. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015.
4. Житие патриарха Гермогена [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-ermogen-moskovskij-i-vseja-rossii> (дата обращения: 15.11.2007)
5. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. 2-е издание. СПб.: типография Эд. Праца, 1871.
6. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013.
7. Покровский И.М. Гермоген, митрополит казанский и астраханский, впоследствии патриарх всероссийский, первый местный духовный писатель-историк, и его заслуги для Казани: (с 1579 по 1606 г.): Речь, прочит. в годич. собр. О-ва археологии, истории и этнографии 18 марта 1907 г. / И.М. Покровский. д. чл. О-ва арх., ист. и этн. Казань: типо-лит. Ун-та, 1907.
8. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссиию (ПСРЛ). Санкт-Петербург: в типографии Эдуарда Праца, 1841-1921., Т. 14., типография М. А. Александрова, 1910.
9. Творения святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России: С прил. чина поставления в патриарха / Изд. Церк. комис. по чествованию юбил. событий 1612, 1613 и 1812 г. М., печ. А.И. Снегиревой, 1912.
10. Хроники Смутного времени. Сост. Либерман А. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998.

«ПСКОВСКИЙ ЭКСКАЛИБУР»: ДОВМОНТОВ МЕЧ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО АТРИБУЦИИ

С именем князя Довмонта связано завоевание фактической независимости Пскова от Новгорода Великого. Будучи литовцем и спасаясь от усобицы в Великом Княжестве Литовском в 1265 году, вместе со своей семьей он бежит и оказывается на территории Руси во Пскове. Тут принимает крещение и в 1266 году становится Псковским князем. Участвует в походах против Ливонского ордена, также участвует в битве при Раковоре в 1268 году, умирает в 1299 году. Благодаря стараниям его жены Марии Дмитриевны Довмонт становится боевым покровителем вечевых городов Пскова. Но как князь Довмонт стал символом защиты Пскова, так и его меч по сей день являет собой символ героизма князя. В своей работе я хотел бы затронуть проблему атрибуции меча князя Довмонта.

Впервые меч князя Довмонта упоминается во второй четверти XIV века в «Повести о Довмонте»: «Слышав же Довмонть, ополчаюшася люди без ума во множестве силы, без бога, и вниде в церковь святыя Троица и положивь меч свои пред олтаремъ господнимъ, пад, моляся много со слезами, сице глаголя... Взем меч игумень Сидор, и весь ереиский чинь, препоясавше и мечем, благословивше и отпустиша...» [7, с. 256].

Существует предположение, что меч существовал в Пскове в качестве реликвии с 60-х годов XV в. [2, с. 71]. Предположение основано на Воскресенской летописи, в которой сообщается о церемонии посажения на псковский престол московского наместника: в 1460 г. псковичи «посадиша» князя Юрия Васильевича, сына Василия II Темного, «на столе в святой Троице и даша меч в руке его князя Довманта» [6, с.148].

Эксперты не согласны относительно подлинности сохранившегося «меча Довмонта» и его датировки. Так, подлинным меч был признан М. Г. Рабиновичем [8, с. 83], а затем А. Н. Кирпичниковым [4, с. 23, 24, рис. 2, 3, табл. VI, 1, 2]. А. В. Аршиховский осторожно полагал, что подлинный меч Довмонта до нас не дошел, а сохранившийся следует датировать XIV в. [3, с. 50]. С ним частично согласился А. С. Артемьев, по мнению которого, так называемый меч Довмонта появился среди государственных реликвий Пскова не раньше второй половины XIV в. и не позже 1460 г. [2, с. 73], вероятнее всего, в середине XV в. Сдержанная точка зрения на подлинность меча была высказана в XIX в. И. Толстым и Н. Кондаковым. Они сомневались, что после нескольких разрушений Троицкий Собор в Пскове смог сохранить меч Довмонта, и потому полагали, что в качестве утраченных реликвий в позднейшее время были подобраны подходящие мечи, как они писали, из «числа средневековых» [10, с. 175].

Наиболее аргументированными, с точки зрения оружиеведения, представляются доводы А.С. Артемьева о невозможности датировать дошедший до нас «меч Довмонта» ранее чем серединой XV в. Тем более, что эти доводы подкрепляются отсутствием каких-либо упоминаний о существовании меча в письменных источниках до XV в. Однако атрибуция Артемьева тоже нуждается в уточнении. Так, она основана на убеждении археолога в том, что дошедший до нас «меч Довмонта» есть тот самый, который изображен на псковских монетах 1425–1510 гг. и печатях 1469 г. и упомянут в церемонии посажения на псковский престол Юрия Васильевича в 1460 г. [11, с. 73].

Все сказанное выше позволяет заключить, что мы не располагаем достоверными свидетельствами о существовании в Пскове меча Довмонта. Говоря об этом мече следует отметить еще один факт, замеченный Н.Ф. Окуличем-Казариным [5, с. 89–90], а затем М. Г. Рабиновичем [8, с. 83], что дошедший до нас «меч Довмонта» весит около 2,5 кг. Эти данные приводятся и в официальном интервью и.о. директора Псковского музея-заповедника Ю. Киселева [9]. Если они соответствуют действительности, то нельзя говорить не только о принадлежности меча Довмонту, но и о его боевом предназначении, в котором отечественные археологи не сомневаются. Как известно, вес западноевропейского боевого одноручного меча, каковым является «меч Довмонта», варьируется в пределах 0,9–1,3 кг. Существенное, как в нашем случае, превышение веса рассматривается экспертами как аргумент в пользу признания такого меча небоевым или же «новодельным», т. е. изготовленным во времена, когда рыцарские мечи уже вышли из употребления [1, с. 266]. Вероятно, сохранившийся «меч Довмонта» был изготовлен специально для культовых целей. Учитывая, что меч укорочен со стороны рукояти [5, с. 89–90], а его гарда по отношению к рукояти непропорционально длинна в сравнении с мечами типа по Оукшотту XV [12, с. 133], допустимо предположить, что он был смонтирован из какого-то парадного меча большего размера и с более длинной рукоятью. Необходимость такой модификации объясняется псковской литературной традицией — меч должен был производить впечатление средневекового боевого меча, которым Довмонт успешно сражался против ливонцев и ранил Великого магистра. Изготовить такой меч могли в любой момент в XVI–XIX вв., используя более старый меч. Появление меча безусловно было связано с историческими условиями, которые требовали предъявления реальной реликвии. Выявление конкретной даты и обстоятельств появления в Пскове сохранившегося «меча Довмонта» требует дальнейшего изучения с привлечением дополнительных источников.

Библиографический список

1. Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. С-П.: Полигон, 2005.

2. Артемьев А.Р. О мечех-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // Российская археология. 1992. № 2.
3. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.
4. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976.
5. Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков: Типогр. Псковск. губерн. земства, 1913.
6. Продолжение летописи по Воскресенскому списку (ПСРЛ. Т. VIII). М.: Языки русской культуры, 2001.
7. Псковские летописи (ПСРЛ. Т. 5, вып. 1). М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // Труды института этнографии. Новая сер. Т. 1. М.; Л.: Академия наук СССР, 1947.
9. Сегодня меч князя Довмонта вернулся в экспозицию Псковского музея-заповедника. Интервью с и.о. директора Псковского музея-заповедника Юрием Киселевым [Электронный ресурс] URL: CULTURE.PSKOV. RU: Наследие Земли Псковской. Культура и история Пскова и Псковской области. 2008; <http://www.culture.Pskov.ru/ru/news/event/3405>
10. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб.: Типогр. А. Бенке, 1899.
11. Янин В. Л. Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3.
12. Oakeshott Ewart. Records of the Medieval Swords. The Boydell Press, Woodbridge. 1991.

Л.А. Кулыгин

Московский государственный университет

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ПОСАДСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И СТРУКТУРАМИ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МОСКВЫ В XVII ВЕКЕ

Характерной чертой русского города в XVII веке была его «сословная пестрота» [3, с. 202], при которой разные группы населения находились под ведением и управлением различных учреждений. Одной из немногих государственных структур, которая, по крайней мере на законодательном уровне (с 1675 г.), затрагивала почти все население Москвы была полицейская служба объезжих голов. Сложная (и зачастую неясная) юрисдикция посадского населения и иерархические отношения, установившиеся в посаде [3, с. 225-226; 5, с. 81–83.] создавали дополнительные препятствия службе объезжего и порождали конфликты. Столкновение интересов становилось тем более возможным, что к выполнению объезжими возложенных на них обязанностей (контроль за соблюдением противопожарных норм и исполнение санкций) они активно привлекали городских тяглецов. Обязанностью последних было, в том числе, несение ночной караульной службы на закрепленном за ними участке.

Историки уже обращались к проблеме конфликтов между посадским населением и городскими структурами полицейского управления (как выборными, так и назначаемыми). Однако, делая это при рассмотрении полицейского управления Москвы [1, с. 87, 92, 94; 5, с. II], либо характеризуя «стихийный антифеодальный протест» в контексте обострения социальной напряженности накануне Крестьянской войны [8, с. 46, 52] или для иллюстрации тезиса об ограниченности власти объезжих голов над населением более высокого статуса [6, с. 80-83]. Задача данной статьи состоит в том, чтобы на основании опубликованного корпуса челобитных посадского населения и донесений объезжих голов [4, 7] проанализировать конфликты, причиной которых было «недолжное» с точки зрения городских тягловцев поведение объезжих голов и их подьячих. На самом деле круг конфликтов между посадским населением и назначаемыми представителями полицейской службы не ограничивался этими вопросами. Однако конфликты, которые посадские люди решали внеправовыми методами (например, избивание посадскими объезжего Данилы Львова и его подьячего [4, с. 22-25]) выходят за рамки поставленной в этой статье задачи. Всего в данной работе использовано 11 челобитных; дополнительно были привлечены 3 росписи десятским, 2 донесения объезжих голов и 2 сказки, сказанные в Разряде. Хронологически эти документы охватывают период с 1668 по 1695 гг. Челобитные посадских людей высвечивают то, как они сами воспринимали свое правовое положение и пытались в рамках закона защитить свои права. Часто причиной конфликта была жестокость объезжих по отношению к посадскому населению. Жители посада жаловались на необоснованные угрозы и оскорбления, в том числе по отношению к семье челобитчика [4, с. 21-22, 42-43]), «бесчестие», чинимое объезжим [4, с. 25-29], вымогательство [4, с. 25-29] и даже прямой грабёж [4, с. 30-31, 34-35, 46-47]. Все это часто сопровождалось насилием [4, с. 30-31, 34-35, 42-43; 7, с. 206, 207-210] и неправомерным удержанием в съезжей избе [4, с. 46-47, 47-48].

Конфликт также мог возникнуть из-за нарушения порядка раскладки повинности по ночной караульной службе [4, с. 42-43, 49-50]. Она контролировалась выборными десятскими, которые и подавали извет на тех членов своей десятины, что не являлись на службу [7, с. 77]. Представление о конфликтах вокруг разверстки ночных караулов дают росписи десятских. Например, в росписи по Голутвиной слободе перечислены лица, не ходившие в ночные караулы [4, с. 50-51]. Уклонявшиеся от этой службы жили в черной слободе [2, с. 124], но многие из них (6/11) относились не к черным, а к казенным, дворцовым слободам и гостиной сотне, члены которых были освобождены (или считали себя освобожденными) от данной повинности. Иные, подобно подьячему Семену Воронину, оправдывали свою неявку в караул тем, что жили на прежде обельных дворах, свободных, от несения городских служб [4, с. 51-52]). Распределение в десятню они расценивали как нарушение своих прав и не подчинялись десятскому, даже

несмотря на царский наказ [4, с. 58-59]). К этой категории конфликтов могут быть отнесены случаи «пonorовки» объезжих голов определенным людям и группам населения. Именно так жители посада в своей челобитной оценили действия объезжего Тимофея Редькина, позволявшего хлебникам и калачникам топить печи в неурочное время [7, с. 82-83].

Поводом для подачи челобитной была скорее совокупность факторов, которую можно определить как нарушение объезжими не столько буквы закона, сколько обычая или представления посадских людей о нем. Причем среди них наиболее активно свой протест выражали те, кто еще недавно принадлежал к беломестному населению и был свободен от тягостей городских тяглецов. Анализ посадских челобитных показывает, что причиной конфликтов было не только мздоимство объезжих [6, с. 81; 8, с. 45-47], и сложная социальная иерархия городской среды [6, с. 82-83], но также несоблюдение ими традиционных порядков. Характерен случай, произошедший в 1650 г., когда жители бывшей монастырской (с 1649 черной) Новой Троицкой слободы (совместно с тяглецами черной Панкратьевской слободы) не пустили к себе объезжего Дмитрия Пузикового [8, с. 47]. При этом жители слободы руководствовались тем, что до Уложения 1649 г. они как подчиненные монастырю имели собственного объезжего. Налицо столкновение традиции и законодательных норм.

Итак, посадское население в своем диалоге с властью, в стремлении облегчить бремя падавших на них служб, в зависимости от ситуации опиралось то на правовые нормы, то на давние традиции.

Библиографический список

1. Богоявленский С.К. Управление Москвой в XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. III. М., 1910.
2. Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. Вып. II. М., 1928.
3. Голикова Н.Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI–XVII века // Русский город. Вып. 9. М., 1990.
4. Документы съезжих дворов Москвы конца XVII в. // Зерцалов А.Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. [М.], 1894.
5. Зерцалов А.Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. [М.], 1894.
6. Коновалов К. А. Служба объезжих голов в Китай-городе XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. III.
7. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
8. Сахаров А. М. Из истории Москвы середины XVII века // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963., № 3.

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ КАБИНЕТА
МИНИСТРОВ (1731-1741 ГГ.) И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ**

Кабинет министров являлся высшим органом государственного управления при Анне Иоанновне. Сфера деятельности этого органа власти была очень обширна – Кабинет интересовали как вопросы внутреннего управления, так и внешней политики. Одним из направлений работы Кабинета можно назвать его координацию деятельности местных органов власти Российской империи. Кабинет требовал от руководителей губерний представления различных отчетов и ведомостей, занимался пресечением многочисленных злоупотреблений, а также сбором недоимок со стороны местного руководства. Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать, с какими проблемами столкнулся Кабинет при реализации взаимодействия с местными органами власти.

По большей части Кабинет главную причину неисполнения правительственных приказов на местах видел в бездеятельности и корыстных интересах со стороны самих местных властей [4, с. 721].

Между тем местные учреждения отправляли в Кабинет собственные объяснения задержки исполнения «непрестанных ведомостей, отчетов и рапортов». К примеру, по доношению Новгородского вице-губернатора и его товарища в сентябре 1737 г. в губернии была острая нужда в приказных людях. Поэтому по причине «малолюдства» и происходили «немалая остановка и упущение дел», о чем «многократными доношениями губерния уже доносила покорно». К сожалению, новгородское доношение было просто передано на рассмотрение в Сенат, а по мнению Кабинета в новых приказных людях губернии было отказано [8, с. 602–603].

Но недостаток в исполнителях являлся насущной проблемой всех местных учреждений. Особенно острым он был в Московской губернии. Так, летом 1732 г. московский губернатор Г.П. Чернышев предложил Кабинету ввести в Московской губернии должности вице-губернатора и их советников, поскольку объем работ был настолько велик, что чиновники не справлялись со всеми делами. Однако в этой просьбе ему было отказано [5, с. 263].

Большее внимание министры уделили представлению московского вице-губернатора князя Юсупова в марте 1739 г. Любопытно, что Юсупов предлагал восстановить должности и учреждения, которые действовали в провинции до 1727 г. Так, он видел необходимость в том, чтобы для сбора налогов вновь была введена должность камериров. Притом финансовые и судебные структуры должны были подчиняться не местному начальству, а находиться в ведомстве определенных коллегий (Штатс-, Камер-, Юс-

тищ-) [9, с. 429-446]. Идеи Юсупова были признаны полезными, но в связи с отсутствием средств в стране из всей его программы был удовлетворен только один пункт: в Москве были введены четыре советника, получившие затем название губернаторских товарищей [5, с. 263-264].

Чаще всего проблему кадров решали в отдельно взятых участках – приказных людей просто забирали из одного места и отправляли в другое, где нужда в кадрах была наиболее острой. Вследствие этого происходили такие ситуации, когда министры лично перемещали подъячих из Ямской канцелярии в Тайную канцелярию или думали над вопросом, куда направить секретаря Петра Зеленого, ввиду того, что на него претендовали две инстанции [2, с. 316].

Недостаток кадров на местах усугублялся колоссальными пространствами страны, где между редкими ячейками административной сети связь шла при помощи курьеров. Известно, что, планируя ускорить темпы корреспонденции, в 1732 г. Сенат полагал, что нужно привлечь к этой работе 4038 человек, чтобы с прежними они составили 5488 рассыльщиков [3, с. 243].

Со стороны Кабинета также можно увидеть стремление контролировать ситуацию – поскольку ответы от местного руководства могли задерживаться, Кабинет требовал «во все места вновь крепчайших подтвердительных указов с нарочными курьерами со взятием ответов, почему до сих пор рапорты не были получены» [10, с. 30].

Рассуждая о недостатках взаимодействия центральных и местных властей, необходимо брать в расчет и проблему образования местного начальства. Большинство руководителей губерний ранее служили в армии и какой-либо серьезной подготовки к административному управлению не получили. Можно согласиться с точкой зрения Ю.В. Готье, утверждавшим, что «практический и служебный опыт был главным и почти единственным способом подготовки начальников губерний» [1, с. 212].

Серьезной проблемой, осложнявшей механизм взаимодействия центральных и местных властей, нужно назвать и недостаточную оплату труда служащих местной администрации. Согласно сведениям, предоставленным Л.Ф. Писарьковой, в местном управлении жалованьем были обеспечены только администраторы губернского уровня – губернаторы и правители губерний, вице-губернаторы, обер-коменданты, коменданты и прокуроры. Что касается воевод провинций, уездов, городов и их товарищей, против их фамилий в графе «жалованье» просто было написано: «жалованье не получают». Такое положение приводило к тому, что содержание местной администрации просто перекладывалось на население [5, с. 310].

Злоупотребления местных правителей представляли собой проблему, которую хорошо осознавал Кабинет. К примеру, определяя статского советника Шемякина воеводой в Уфу в 1736 г., Кабинет поднимал вопрос о назначении ему достойного жалованья, «чтобы он поступал по указам и ко взяткам и подаркам не касался, под жестоким штрафом» [7, с. 113-114].

Как считал глава Кабинета А.И. Остерман, «что касается жалованья, так распорядить оное, чтобы они могли некоторым образом довольствоваться им и не имели причины прокладывать запрещенные пути». Также министр выступал против того, чтобы воеводы сменялись каждые два года. По его мнению, частая сменяемость совсем не препятствует злоупотреблениям со стороны местного руководства, поскольку «грабит тот, конечно, всегда более, который не много времени на грабеж имеет». Гораздо логичнее было бы «оставлять воевод на их постах до тех пор, пока они ведут себя честно» [6, с. 270-271].

Содержательное объяснение неисправной работы местных структур содержат доклады смоленского губернатора А. Бутурлина, отправленные в Петербург в 1739 г. Можно предположить, что в них принципиально был поставлен вопрос о недостаточной эффективности существовавшей системы управления и контроля [3, с. 249]. В своем первом докладе Бутурлин пишет, что так как по указу 1737 г. коллегии и конторы получили дозволение штрафовать местные власти, губернаторы и воеводы стали подвержены многочисленным взысканиям. А связи с «малолюдством» и большим объемом работ на решение самых важных вопросов просто не хватало времени. При таких обстоятельствах штрафы были неизбежны [10, с. 610-611].

Второй доклад Бутурлина «о крайнем изнеможении счетов годовых» еще более обстоятелен. Последовательно описывая сложность процесса подсчета финансовых итогов для рапортов в Сенат и другие инстанции, смоленский губернатор приходит к выводу, что на всю работу потребуется не меньше трех месяцев, в течение которых текущие проблемы запускались. Выход из сложившегося положения Бутурлин видел в подчинении губернаторов только Сенату. Также он выступил с предложением сократить и упростить представляемую отчетность, в том числе ликвидировать составление годовых рапортов, поскольку вся информация и так находится в месячных рапортах.

Доклады Бутурлина были переданы Кабинетом на рассмотрение Сената, и дальнейшая судьба этих доношений осталась неизвестна [10, с. 687-690].

Итак, можно прийти к выводу, что реализация взаимодействия Кабинета и местных властей затруднялась рядом обстоятельств. Наиболее острой проблемой являлся недостаток кадров на местах. Правительство Анны Иоанновны предпринимало отдельные меры по решению наиболее одиозных проблем местного управления, но так как трудности носили комплексный характер, справиться с ними ежечасно было просто невозможно.

Библиографический список

1. Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. В 2 т. Т. 1. М., 1913.
2. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.

3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

4. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014.

5. Писарькова Л.Ф. Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М., 2007.

6. Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г. // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3. С. 256–277.

7. СИРИО. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901.

8. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904.

9. СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (январь–июнь 1739 г.). Юрьев, 1907.

10. СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль–декабрь 1739 г.). Юрьев, 1909.

М.А. Бувич

Самарский национальный исследовательский университет

ПОСЕЛЕНИЯ ЛАНДМИЛИЦИИ ПРИ РЕДУТАХ НА НОВОЙ ЗАКАМСКОЙ ЛИНИИ: ОПЫТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Изучение данного вопроса опиралось на ряд актов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи, а также на космоснимки конкретных поселений и обследование самих памятников фортификации. Разумеется, базовой работой для такого рода исследований является многолетний труд известного специалиста в области фортификации Ф.Ф. Ласковского. Вопросы расселения частей ландмилиции в целом рассмотрены в кандидатской диссертации Е.А. Гуковой; размещение ландмилиции на Новой Закамской линии подробно изучено в монографии Э.Л. Дубмана. Вопросы археологического состояния памятников проанализированы Д.В. Кормилицыным в отчете о работах на Новой Закамской линии в 2020 г.; кроме того, состояние ряда поселений рассмотрено автором в соответствующих статьях.

Формирование Российского государства проходило в тяжелейших условиях, одним из которых была постоянная угроза набегов кочевников из южных и юго-восточных степей. Эта проблема оставалась актуальной и в первой половине XVIII в., когда по южным и юго-восточным границам империи создается совокупность укрепленных линий, обороняемых специально создаваемыми частями — полками ландмилиции.

Для Новой Закамской линии, строившейся в 1731–1735 гг., было сформировано 3 конных (Шешминский, Билярский и Сергиевский) и Алексеевский пехотный ландмилицкие полки, суммарно насчитывавшие немно-

гим более 4000 человек [5, №5993] и расселенные в специально оборудованных укрепленных валам и рвам поселениях при узловых точках обороны.

По изначальному проекту руководителя экспедиции Ф.В. Наумова от 15 октября 1734 г. расселение ландмилиции планировалось в 6 поселениях при крепостях и фельдшанцах [3, с.97]. Однако в соответствии с сенатским указом от 20 декабря 1734 г. [3, с.104, 108] поселения ландмилиции были созданы также при некоторых редутах: Хорошем, Верхнеорляном, Заинском, Сурушском, Тарханском и под Тарханским лесом. При этом они должны были иметь собственные укрепления: как правило, это было сочетание вала и рва в схожей с основной линией конфигурации; поселение при Тарханском редуте было защищено т.н. надолбами. К каждому вновь создаваемому поселению была приписана одна рота конного полка ландмилиции (102 человека); при них также находились члены семей, священники, мастеровые, а также присылаемые «помощники» из числа близких родственников, поселяемые для работ по хозяйству. Расселение ландмилиционеров по линии проходило в 1734–1736 гг.

Начиная с 1736 г. Новая Закамская линия постепенно расформировывается, поскольку строящаяся Самарская линия представлялась более предпочтительной для обороны границы. Гарнизон Новой Закамской линии планировалось также перевести туда. Однако этот процесс затянулся, и до 1738 г., то есть до выхода специального на то указа [6, №7514], ландмилиционеры продолжали проживать в поселениях линии.

В настоящее время указанные редуты и укрепления поселений при них имеют разную сохранность. Часть поселений (оба Тарханских и Верхнеорлянский редуты) практически не уцелели в силу разных обстоятельств. Укрепления поселения в поселке Соколинка наблюдаются лишь частично [2]. Наилучшим образом сохранились Заинская [1] и Сурушская слободы [4, с. 15, 16] при одноименных редутах. По этой причине для дальнейшей реконструкции поселений ландмилиции (что во многом может помочь при изучении менее сохранившихся объектов) предпочтительным видится использование материала именно этих поселений.

Важным для реконструкции облика поселений является наличие при них земельных наделов, а именно – для жилья и огородов. Земля, в соответствии с принятыми для всей ландмилиции нормами, распределялась из расчета на 1 солдата с семьей. При этом наделы для солдат конных полков были большими, чем для пехотных, и составляли 30 на 15 сажен [3, с. 113], что при подсчете площади этого надела дает 2041,6 м². Учитывая численность гарнизона редута (102 человека), общая площадь «жилой земли» будет составлять около 0,2 км².

Однако наши попытки провести конкретные подсчеты земель сталкиваются с рядом трудностей. Реальная площадь сохранившихся поселений приблизительно равна 0,1 км², то есть примерно в 2 раза меньше расчетной площади. Причина столь значительных расхождений пока остается невы-

ясненной, однако эти данные можно предварительно использовать для приблизительной реконструкции утраченных участков укреплений поселений.

Сложным вопросом является проблема реконструкции жилых и хозяйственных сооружений внутри поселений. Схем планировки их не сохранилось, как и данных о количестве жилых домов, очевидно, однотипных. Кроме того, также земля отводилась под церковные постройки, полковые канцелярии, дома офицеров и священнослужителей [3, с. 99].

Библиографический список

1. Бувич М.А. Поселение ландмилиции при Заинском редуте на Новой Закамской линии: археолого-картографическая характеристика // LIV Урало-Поволжская археологическая конференция: Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции. Астрахань, 2022. С. 241-243.

2. Бувич М.А. Поселения ландмилиции на Новой Закамской линии с археологической точки зрения // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, Оренбург, 1-3 февраля 2021 г.): материалы Всероссийской (с международным участием) конференции [Электронный ресурс]. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 242-244.

3. Дубман Э.Д. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.

4. Кормилицын Д.В. Отчет о результатах проведения охранно-разведочного археологического обследования (археологической разведки) на территории муниципальных районов Кинельский, Красноярский, Сергиевский, Иса克林ский, Шенталинский Самарской области по Открытому листу №0854-2020 в 2020 году. Т. 3. Самара, 2021 / Архив ГБУК «Агентство по сохранению историко-культурного наследия Самарской области».

5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ-1). Т. 8. СПб, 1830.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ-1). Т. 10. СПб, 1830.

Е.Е. Бархаткина

Самарский национальный исследовательский университет

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

XVIII век стал временем коренных изменений в строении российского общества, связанных в первую очередь с правлением Петра I и затронувших в том числе сферу здравоохранения. Его стараниями была создана система аптек, лечебных заведений нового типа, а также учебных заведений, готовивших докторов для работы в госпиталях и полковых бригадах. Нельзя сказать, что восемнадцатое столетие стало временем зарождения

отечественного медицинского образования, но справедливо будет отметить, что оно стало временем его расцвета.

Первым медицинским учебным заведением стала Лекарская школа, образованная в 1654 году при Аптекарском приказе. В процессе обучения проходило освоение основных медико-хирургических дисциплин (анатомии, хирургии, ботаники и т.д.), а после окончания школы ученики занимались практикой у лекарей, в тылу или на фронте, во время войны с Турцией в 1676-1681 гг. Данная лекарская школа представляла собой начальную ступень медицинского образования и носила временный характер [6, с. 13-14]. Вследствие этого, к началу XVIII века, когда Россия несла значительные людские потери в результате войн и болезней, проблема с нехваткой медиков не была решена. В основном, пополнение кадров шло за счет приглашенных иностранцев, а для подготовки отечественных специалистов россиян направляли в западноевропейские университеты [8, с. 218].

Как известно из письма придворного врача Николая Бидлоо на имя царя, Петр I в 1706 году издал указ об учреждении госпиталя в Москве, двери которого открылись в ноябре следующего года [1, с. 368]. При этом же учреждении была открыта первая медико-хирургическая госпитальная школа, число учеников в которой, по распоряжению Петра I, составляло 50 человек [9, с. 235]. Позднее она была переименована в медико-хирургическое училище (1783 год), а в 1798 году получила статус академии [6, с. 15], который носила до своего закрытия в августе 1845 года и слияния с медицинским факультетом Московского университета [7, с. 469]. Следовательно, можно сделать вывод, что это учебное заведение находилось на более высоком уровне, нежели ранее открытая Лекарская школа; некоторые исследователи называют 1707 год началом высшего медицинского образования в России [3, с. 720-736].

Факт принадлежности школы к госпиталю определил ее практический характер обучения, что выгодно отличало ее от медицинских учебных заведений за рубежом. В «Генеральном регламенте о госпиталях...» 1735 года прописывалось, что каждый ученик должен быть прикреплен к больному в госпитале [2, с. 393]. В Западной Европе университетское преподавание медицины терапевтического профиля носило чисто теоретический характер, а практическую подготовку получали будущие хирурги, но вне стен высших учебных заведений, и поэтому считались медиками второго сорта [5, с. 43]. В России не было такого деления, и отечественные специалисты были одинаково компетентны в сфере хирургии и области внутренних болезней.

Первоначально срок обучения в школе варьировался в зависимости от способностей ученика и составлял 5-10 лет, в течение которых образовательной программой было предусмотрено изучение таких медико-хирургических дисциплин, как анатомии, фармакологии, фармации, фармакогнозии (систематической ботаники), терапии/внутренней медицины и хирур-

гии с десмургией [4, с. 108]. Изучение анатомии происходило за счет препарирования трупов казненных, пропавших людей, которых доставляла полиция, либо тех, кто умер в стенах госпиталя. В качестве вспомогательной дисциплины при усвоении анатомии было введено рисование. Для удобства учебного процесса предусматривалось, что на одного преподавателя приходилось не более 20-25 человек [2, с. 393-394].

По указу Павла Захаровича Кондоиди от 4 июля 1754 года устанавливался обязательный срок обучения в семь лет, а также был четко систематизирован учебный процесс. По новому плану на первом курсе преподавались анатомия, фармация и рисование, на третьем – прибавлялась физиология и в конце была предусмотрена экзаменация. Главными дисциплинами на четвертом курсе становились физиология и патология (в свободное время слушали анатомию и фармацию), в последующие два года к основным двум дисциплинам добавлялись оперативная хирургия и десмургия, проводилась медико-хирургическая практика. Финальный год обучения включал в себя прохождение практики в госпитале и аптеке [9, с. 308-309].

Впоследствии в учебный план добавлялись акушерство, гинекология и педиатрия; а также курсы математики и физики. По реформе 1786 года в системе училища было сформировано четыре кафедры: анатомии, физиологии, хирургии; патологии, терапии и мед. практики; ботаники, «материи медики» и химии, а также недавно введенных акушерства, женских и детских болезней. В 1795 году учебный план был вновь пересмотрен. Согласно «Предварительному постановлению о должностях учащих и учащихся» устанавливался пятилетний срок обучения, оканчивающийся клинической практикой. Латинский язык был исключен из преподаваемых дисциплин, а рисование стало необязательным факультативом [6, с. 39-40].

Первоначально же обучение в школе велось на латыни, поэтому в ученики старались брать знающих язык выпускников столичной славяно-греко-латинской академии и духовных семинарий из среды мелкого духовенства, посадских, мастеровых, казаков и солдат. Обучение было бесплатным и, кроме того, учащиеся находились на полном государственном пансионе – жили при госпитале, имели общий стол, получали обмундирование и жалование – рубль ежемесячно [5, с. 44].

Для проверки знаний предусматривалось проведение экзаменов в течение обучения, а также в конце учебного года. По инструкции 1745 года, они делились на приватные и публичные. Первые проходили каждую неделю, месяц, опрос проводился при участии лекарей и докторов госпиталя. А на публичных экзаменах, проходивших по третям и в конце года, присутствовали также почетные гости. В результате них происходил перевод в подлекари, а затем в лекари [6, с. 50-51].

Таким образом, на примере столичной госпитальной школы можно проследить как шел процесс развития российского медицинского образования в течение XVIII века. Отличительной особенностью отечественного

обучения стал его практический характер, благодаря привязке школ к госпиталиям. В течение столетия учебные планы периодически пересматривались и дополнялись, но важнейшим условием оставалось изучение как хирургии, так и внутренней медицины/терапии, что обеспечивало универсальность выпускаемых специалистов. В течение XVIII века Московская школа выпустила около 800 врачей, некоторые из которых стали настоящими профессионалами в области медицины того периода, как И.И. Виен, доктор медицины, автор труда о чуме, Я.В. Стефанович-Донцов, написавший труды по акушерству и гинекологии, а также составивший медико-географическую карту Воронежской области и др.

Библиографический список

1. Бидлоо Н. Из письма Петру I // Хрестоматия по истории медицины: учебное пособие. М., 2012.
2. Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей // Хрестоматия по истории медицины. М., 2012.
3. Горелова Л.Е. Первая медицинская школа России // Русский медицинский журнал. 2001. №16.
4. Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. М., 1981.
5. Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI-XVIII вв. Владикавказ, 1995.
6. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846.
8. Сорокина Т.С. У истоков высшего медицинского образования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. №2.
9. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.

Ю.Г. Ильина

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ИНОСТРАННЫЕ ГРАВЕРЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

XVIII век в истории России можно назвать переломной эпохой, когда менялись абсолютно все сферы жизни. То к чему привыкали люди за сотни лет, исчезло в одно мгновение, благодаря преобразованиям Петра I. Появлялись новые веяния в моде, проявлялся все больший интерес к научному познанию мира и Россия перенимала новые технологии. Это отразилось в морском деле, сельском хозяйстве, искусстве, культуре и во многом другом. Важно отметить, что Петр I повлиял на внедрение новшеств, но боль-

шая заслуга принадлежала тем мастерам, что приезжали в Россию по приглашению царя (императора). Именно они смогли создать новую, европейскую Россию.

До XVIII века в русском книжном деле использовали в основном ксилографию (выпуклая или высокая техника изготовления гравюры), то есть создавали оттиски рисунка или печатного текста с деревянной дощечки [5, с. 17-18]. Но уже к концу XVII века в России стал известен офорт (углубленная или глубокая техника), печатание с металлической дощечки, хорошо отшлифованной и вытравленной в азотной кислоте (крепкой водке) [2, с. 64]. Но книжное дело развивалось и требовало печатать все больше информации, а существовавшие тогда техники не позволяли печатать много и быстро. Данную проблему смог решить Петр I, отправившийся в «Великое посольство» в 1697-1699 годы. Как известно, из-за границы он пригласил множество мастеров и ученых, одним из которых был мастер гравировального искусства в техниках резца и офорта Адриан Шхонебек [7, с. 29-30]. И именно с того момента в России появилась новая (углубленная или глубокая) техника печатания – резец. Он, так же, как и офорт, изначально наносился на металлическую дощечку, но отличие было в том, что перед работой его не нужно было обрабатывать: шлифовать и травить [3, с. 284-285], что ускорило процесс создания и увеличивало число копий создаваемых рисунков или печатных текстов книг.

Сам Адриан Шхонебек прибыл в Россию в 1698 году, и уже в январе 1699 года ему было доверено резать на меди клейма для гербовой бумаги. В том же году он выгравировал взятие Азова и портрет Петра I. В 1700 году гравировал на медных досках «Его Великого Государя корабельный чертеж с трех сторон», который был окончен в 1701 году. Затем Шхонебек выгравировал взятие шведского корабля и карту реки Двины. В 1704 году изобразил карту Азовского моря, в 1705 году – карту восточной части Балтийского моря [6, стб. 1223]. Он делал копии с гравюр «знаменитые войны Александра Македонского», выполненные гравером Жераром Одраном с картин Лебрена. Копируя оригиналы, он заботился только о воздушной перспективе и соблюдении эффектов освещения, совершенно забывая о рисунке, которым отличаются оригиналы Одрана.

Шхонебек не только создавал образцы гравировального искусства сам, но и обучал этому искусству других. Самыми знаменитыми его учениками считаются Алексей и Иван Зубовы (их отец был знаменитым иконописцем XVII века) [1, с. 337-339].

Сам Шхонебек учился у голландского мастера гравюры Ромейна де Хоге, от своего учителя он перенял характер исполнения печатной графики и довел до совершенства манеру их исполнения. Также известно, что он обучал гравировальному мастерству и самого Петра I [6, стб. 1222], который под его руководством еще в Амстердаме выполнил гравюру в технике офорта, изображающую торжество христианской религии над мусульманской. Ориги-

нальная версия гравюры хранится в Амстердаме, а второй экземпляр находился в Эрмитаже, а затем был передан в музей Петра Великого при Академии наук.

По его просьбе, Петр I пригласил в Россию и пасынка Шхонебека Питера Пикара, который тоже являлся его учеником, а впоследствии занял место своего учителя [4, с. 68-69]. Как утверждает ряд исследователей печатной графики, в своих работах Пикар подражал Шхонебеку и копировал целые фигуры из сочинений его учителя, Ромейна де Хоге. Рисунки Пикара несравненно хуже, чем у его отчима. Фигуры у него короткие, толстые, некрасивые; гравировка спешная и нечистая. Лучшие его работы: Портрет Петра I (на двух листах) и торжественное шествие после Полтавской баталии [7, с. 30].

Шхонебек умер в 1704 году, а в декабре 1707 года Пикар попросил поставить его на должность отчима (к тому времени он уже 3 года формально занимал ее). С 1708 года значился при Московской типографии мастером гравировального дела [6, стб. 770].

В 1714 году Пикара перевели в Санкт-Петербургскую типографию, вместе с ним работали Алексей Зубов (на тот момент мастер гравировального дела), Алексей Ростовцев, с которым Пикар гравировал в 1718 году книгу «Куншты садов» на 26 листах и «Куншты корабельные» на 10 листах. В 1727 году Петербургская типография была закрыта, Пикар с должности мастера гравировального дела уволен и кончил свою жизнь в 1732 году в крайней нищете [7, с. 31-32].

Два голландских мастера перевернули жизнь России в сфере типографии, именно с них началось активное развитие печатания на металле. Они не только гравировали сами, но и выучили русских мастеров, которые передавали данную технологию дальше и совершенствовали ее. Благодаря им гравюра начала нести уже совершенно иную функцию, чем столетия назад, когда была лишь иллюстрацией к книге, она получила практическую функцию, ее стали использовать дипломаты и послы, для иллюстрации заграничной победы русских в войнах, баталий, новых архитектурных сооружений и много другого.

Библиографический список

1. Алексеева М.А. Братья Иван и Алексей Зубовы и гравюра Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 337-361.
2. Брылов Г.А. Иллюстрация в книге, журнале и газете. М., Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1931. 85 с.
3. Галактионова Т.Н. Глубокая гравюра на металле: ее место в системе графического искусства // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. М., 2018. С. 280-290.
4. Голлербах Э.Ф. Портретная живопись в России. XVIII век. М., П.: Гос. изд-во, 1923. 139 с.

5. Леман И.И. Гравюра и литография. Очерки истории и техники. М.: Центрполиграф, 2004. 433 с.

6. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895-1899. Т. II. Стб. 449-1248.

7. Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. М.: гр. Уваров, 1870. 403 с.

М.Д. Захаров

Оренбургский государственный педагогический университет

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ СТАРОБРЯДЧЕСТВА И ОСНОВАНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ (В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА)

Оренбургский регион исторически являлся многонациональным и поликонфессиональным. Оренбургская губерния середины XIX века активно заселялась различными народами Средней Азии, Сибири, Поволжья и Центральных регионов Российской империи [1, с. 43].

Раскольническое движение в первой половине XIX века, получило возможность совершать таинства Хиротонии (в 1842 году). Возрождение и усиление старообрядческого движения на границах Российской империи, заставило местные административные органы и церковные организации, начать борьбу с раскольничьим православием. Оренбургский генерал-губернатор Александр Андреевич Катенин также хорошо понимал необходимость решения вопроса о преобладании на данной территории старообрядческих монастырей и скитов [2, с. 87].

В 1850-х годах усиливалась и роль мусульман в делах Оренбургской губернии. С 1856 по 1865 года, муфтии занимали должности в Уфимско-Оренбургском попечительском комитете о тюрьмах, а количество людей, исповедующих ислам, составляло 10% от общего числа населения Оренбургской и Уфимской губернии. Раскольничьи скиты имели высокий авторитет для казачьих отрядов и местных жителей. Особое влияние они начинают оказывать к середине XIX века, когда из Московской губернии в Оренбургскую начинает прибывать раскольничье духовенство. Миссионеры активно вели проповеди и возлагали в саны обычных жителей регионов [3, с. 46].

В таких условиях к 1856 году, встает вопрос о недопущении усиления «раскольнического движения» на территории Оренбургской губернии. Так же в 1858 году император Александр II получает доклад от А.А. Катенина, в котором упоминает о проблеме с языческо-мусульманскими браками, рост старообрядчества на территории Оренбургского казачьего войска, что встревожило императора. Потому с благоволения императора и Св. Сино-

да в 1858 году в Оренбургскую губернию была направлена коллегия священнослужителей из Казанской епархии, целью, которой стало изучение региона, конфессионального состава населения, переписи церквей, которым необходимы ремонт или реставрация, изъятие части старообрядческих церквей в пользу единоверия (Упразднение Сергиевского скита в единоверческой монастырь), а так же подготовка нового епископа Антония Радонежского, для вверение ему Оренбургской епархии.

В 1859 году 21 марта, был принят указ о разделении Оренбургской и Уфимских епархий. Принятие данного указа способствовало решению ряда проблем, вставших перед краем:

- борьба с появившимися новыми старообрядческими епископами на территории Оренбургской губернии [4, с. 55];
- необходимость координировать деятельность местных миссионеров и церквей;
- вернуть в лоно церкви старообрядческие общины;
- обратить мусульман и язычников в единоверие;
- учредить местное викариатство;
- снять с попечительства Оренбургского губернаторства, части церквей в пользу Св. Синода [5, с. 141];
- разрешение неэффективного управления регионом в виду обширности земель, которые теперь охватывала Оренбургская епархия, хоть и при меньшем количестве церквей (около 300) [6];
- заложение новых церквей, создать аппараты для контроля вверенной епархии территории площадью 8893 м².

А.А. Катенин, совместно с генерал-майором А.Д. Столыпинам, командующим уральским казачьим войском, начинают борьбу с представителями старообрядчества.

Так, Аркадий Столыпин в своих донесениях Александру Катенину, докладывает о своих успехах в реформации церкви в землях Уральского казачьего войска, когда все больше старообрядцев переходило к единоверию, а уральское духовенство все меньше зависело от войсковой канцелярии [7, с. 140]. Однако, А.Д. Столыпин, пишет в своем письме к А.А. Катенину в 1860 году, о необходимости приостановить реформацию православия на территории Уральского войска: «... я считаю долгом прекратить действия мои против раскола, чтобы не впасть в противоречия; буду же единственно соображаться с буквой предписаний до того времени» [8, оп. 1, д. 185, л. 1].

Благодаря грамотной политике А.А. Катенина, удалось начать процессы церковной реформации в Оренбургском крае, что в значительной степени позволило полноценно контролировать данный регион, избегая этноконфессиональных конфликтов среди местного населения. Становление Оренбургской епархии стало решающим фактором для снижения межконфессиональных конфликтов. Так же это стало и значительным вкла-

дом по уменьшению влияния старообрядческой церкви на территории Оренбургской губернии и усиления единоверчества.

Библиографический список

1. Моргунов К.А. Формирование этноконфессионального пространства Оренбургской области // Альманах общественного института. Оренбург, 2010. № 10.
2. Камзина А.Д. Численный и социальный состав старообрядцев Оренбургской епархии в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2.
3. Коночченко А.И. Особенности церковно-административного устройства Оренбургской Епархии (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX / Сборник документов. Москва, 1997.
4. Камзина А.Д. Деятельность старообрядческих общин. Белокриницкая иерархия на территории Оренбургской епархии, во второй половине XX вв. // Культура Оренбургского края история и современность. Оренбург, 2013. № 13.
5. Россия и Восток: проблемы взаимодействия: 3-я Международная научная конференция, тезисы докладов, Челябинск, 29 мая – 4 июня 1995 года / Челябинский государственный университет; Институт востоковедения РАН; Институт российской истории РАН; Научно-исследовательский институт азиатских проблем истории и культуры Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995.
6. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900-1902. Т. 1. с. 224 [Электронный ресурс]. URL:<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14959-vyp-1-1900>
7. Раздорский А.И. Историко-статистические описания русской православной церкви (1848-1916) // Сводный каталог и указатель содержания. СПб.: РНБ, 2007.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-627.

Е.Р. Коплевацкая

Саратовский национальный исследовательский университет

РУССКИЙ СОЛДАТ НА КАВКАЗЕ ГЛАЗАМИ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

В. Г. Белинский вскоре после опубликования повести А. А. Бестужева «Аммалат-бек» писал в статье «Литературные мечтания» о декабристе: «Это один из самых примечательнейших наших литераторов. Он теперь, безусловно, пользуется самым огромным авторитетом; теперь перед ним все на коленях; если его не все еще называют русским Бальзаком, то потому только, что боятся унижить его этим и ожидают, чтобы французы называли Бальзака французским Марлинским» [1, с. 83]. Однако, как это зачастую бывает, ошеломительному успеху предшествовал спектр неудач и жизненных перипетий.

На долю А. А. Бестужева выпало заслужить прощение монарха в Дагестане, слывшим «Кавказской Сибирью». Климат здесь был переменчивый, а жизнь протекала в «крохотных крепостцах» [4, с. 300] и была полна безнадежности. Но судьба распорядилась так, чтобы именно во время пребывания Бестужева в Дагестане сюда пришли мятежные племена, возглавляемые имамом Гази-Мухаммедом или Казии-муллою. Это историческое событие не могло не найти отражения в литературном творчестве А.А. Бестужева – так появился цикл очерков «Письма из Дагестана».

Произведение ставит перед читателем реальность, объективно рассказанную непосредственным очевидцем: Бестужев дважды участвовал в сражениях: в августе при осаде Дербента Казии-муллою и в октябре, когда был предпринят поход отряда под командованием генерал-адъютанта Н.П. Панкратьева [5, с. 628]. Однако в очерках также описаны сражения 30 мая 1831 г. у города Тарки и взятие селения Казанищи 22 августа того же года, в которых автор участия не принимал. Вероятно, сведения об этих столкновениях с повстанцами Бестужев узнал от их непосредственных участников, одним из которых был его брат Петр.

Сам Марлинский, принимаясь писать этот цикл, уже на первых страницах дает читателю понять, что все последующее изложение есть ни что иное как именно его (или его близких) личный опыт, достойный ознакомления общественности: «Я могу довольно верно изобразить вам уголок картины, у которой пороховой дым служит горизонтом и рамами, но не спрашивайте у меня целой панорамы, еще менее – планов сражений и походов. На это не станет у меня ни средств, ни умения, ни досуга. Но ведь надобно же и вас потешить; надобно же хоть скольконбудь познакомить вас с театром дагестанской войны» [3, с. 96].

В «Письмах...» литературоведы выделяют ряд ключевых моментов, достойных рассмотрения. В первую очередь, это батальные сцены, описанные Александром Бестужевым с высоким мастерством литератора и с применением богатого военного опыта. Знакомясь с этими фрагментами, читатель и сам становится участником сражений. Более того, Бестужев не стремится «нарисовать» войну, он излагает весь кровавый ужас, который она за собой несет: «Никогда в жизни не видал я столько крови и столько храбрости на столь малом пространстве» [3, с. 127].

Однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживает русский солдат и его жизнь, занимающие центральное место в произведении. Стоит отметить, что именно Бестужеву принадлежит открытие того, «о чем писатели, ему предшествовавшие, не имели ни малейшего понятия – русского солдата» [4, с. 308]. В письме к Н.А. Полевому Бестужев как-то написал: «Кто видел солдат только на разводе, тот их не знает; ... Надо спать с ними на

одной доске в карауле, лежать в морозную ночь в секрете, идти грудь с грудью на завал, на батарею, лежать под пулями в траншее...» [2, с. 319]. Действительно, участие в сражениях Бестужева непосредственно плечом к плечу с рядовыми сыграло ключевую роль в создании героев его очерков и повестей. В «Письмах...» суровая походная солдатская жизнь показана как нельзя красочнее и подробнее. Здесь и холодные горные ночи, дефицит продовольствия и воды: «Ночной холод проникал меня насквозь. Голод и жажда воевали в желудке, — а где найти воды? где достать сухаря?» [3, с. 116]; и физическое истощение, отсутствие сна, порождавшие небывалую усталость: «Ни гром пушек рядом со мною, ни свист пуль мимо не пробудили меня» [3, с. 119], от которой и камень казался мягкой периной: «... и как сладко и как крепко уснул я под открытым небом, на голом камне у огонька!» [3, с. 121].

Интересно как Бестужев обыгрывает страх солдат во время сражений. Один из таких моментов кратко описан автором при штурме с. Эрпили: «... иные даже кланялись пулям, которые жужжали мимо как шмели, — но над такими смеялись. “Видно, знакомая пролетела?”, “Эй ты, саратовец... что ты словно перед попом раскланялся? Что бережешь свою шапку? Батюшка царь богат, другую даст! Лови, лови за хвостик!” и тому подобные остроты слышались по цепи» [3, с. 112]. Этот фрагмент важно отметить и потому, что здесь речь обращена к некоему «саратовцу», что наталкивает на размышления об участии наших земляков в Кавказской войне и их вкладе в победы на этом театре военных действий.

Таким образом, судьба писателя, несмотря на ее трагичность, позволила ему сражаться в одном ряду с рядовым солдатом и погрузиться в его нелегкую жизнь. Этот жизненный опыт Марлинский с большим мастерством перенес на бумагу, создав тем самым широкий фонд источников по изучению Кавказской войны.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Литературные мечтания: элегия в прозе // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. 1. С. 20-105.
2. Бестужев А.А. Письма А.А. Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым. Письмо № 9 // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 317–321.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Письма из Дагестана // Бестужев А. А. Собр. соч.: в 2 т. М.: Худ. лит., 1981. С. 94–133.
4. Голубов С.Н. Бестужев (Марлинский). 2-е изд., испр. М.: Мол. гвардия, 1960. 367 с.
5. Примечания. Письма из Дагестана / сост. Ф.З. Канунова // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 618-702.

АНГЛО-РУССКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ 1872–1873 ГОДОВ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА

В данной работе рассматривается дипломатическая заключения договора между Российской империей и Великобританией, определяющего северную границу Афганистана.

Процесс заключения данного соглашения рассмотрен в работах Г.А. Хидоятова, однако автор делает акцент на дипломатическом взаимодействии Горчакова и Гранвилля. В работе Х.Пирумшоева подробно расписано положение дел на афгано-русской границы, автор особый акцент делает на изучении того, как решался вопрос Памиры, затрагивая данное соглашение в контексте своего исследования.

В 1869 году активизировались переговоры между Великобританией, которая была озабочена усилением России, связанным с занятием территорией Бухары (1868 г.), Самарканда (1868) и Ташкента в 1865 [4, 123 с.]. Переговоры по воспоминаниям современников, хотя и носили дружеский характер, однако англичане решили воспользоваться тем, что русские имели плохое представление о расположении границы в Афганистане, и согласно письму, которое предоставил английский посол в Петербурге в 1872 году, власть правителя Афганистана располагалась севернее, чем представлялась русским (а именно Бадахшан). Данное мнение было высказано в письме Гранвилля [2, с. 103].

Но его указание не совпадало с записями генерал-адъютанта фон Кауфмана, который в это же самое время докладывал, что эмир не имел никаких возможностей указывать, что Бадахшан принадлежит ему [2, с. 117].

7 декабря князь Горчаков, который вел переговоры, отправляет депешу Графу Брунову, послу России в Великобритании, где замечает, что «основатель афганского Государства, Дост-Мохаммад-Хан, оставил после себя смутное положение, не позволившее принять в основание территориальный объем, достигнувший в разные моменты его правления». Горчаков в том же письме указывает, что необходимо решить два вопроса:

- 1) Выяснить, насколько возможно, действительное положение вещей на границе;
- 2) Изыскать, основываясь на этой информации, наилучшее положение пограничной линии [2, с. 113].

Так что на основе имеющейся информации, Горчаков начинает затягивать переговоры, несмотря на кажущееся дружелюбие англичан, с целью получить максимум информации от местных представителей русской власти. В частности решение этих вопросов, Горчаков поручает генералу фон Кауфману, который занимал на тот момент должность генерал-губернато-

ра Туркестанского края [3, с.253], при этом высказывая озабоченность возможным продвижением афганцев в районы Бадахшана, так как прекрасно понимал, что афганцы проводили дружественную англичанам политику, о чем не раз заявлял Дост Мохаммед, который указывал, что друзья англичан его друзья, а враги англичан – его враги. И схожей позиции придерживался его сын – Акбар Мухаммед [1, р. 74].

Кауфман выполняя приказ Горчакова 29 ноября 1872 года присылает письмо, в котором указывает, что если англичане действительно желают поддержать спокойствие на границе ханств, которые их отделяют от наших среднеазиатских владений, то им следует согласиться на независимость Бадахшана и Вахана как от афганского эмира, так и от Бухарского [2, с. 120].

Граф Гранвилль указывает в свою очередь, что внимательно изучил предложения Горчакова, подчеркивая дружеское отношение как Горчакова, так и его, однако указывает, что тогда существует риск того, что афганский эмир может не удержаться от захвата данных территорий силой окружения, а Бухара окажется также под ударом, что будет явно неприятно для России [2, с. 123].

Можно заметить, здесь Гранвилль специально просит посла в России Лофтуса, прочитать письмо Горчакову, надеясь на то, что это замечание окажет необходимый эффект. Стоит также понимать, что определенно граф Гранвилль лукавит: эмир Афганистана находился под сильным влиянием англичан и то, что афганские силы начнут самостоятельное продвижение на север, казалось маловероятным.

Горчаков в свою очередь пишет графу Брунову письмо, в котором просит посла запросить у английского правительства гарантий, что они обязуются использовать все свое влияние, дабы побудить Афганистан держаться мирной политики. При этом, Горчаков фактически сознается в том, что у России того времени нет практически никакого влияния на Афганистан [6, с. 154].

Несмотря на существенные разногласия, России и Великобритании удалось найти компромисс и избежать конфликта.

В начале 1873 года было подписано соглашение о разграничении границы в Афганистане, по сути о создании буферной зоны, между британской Ост-Индией и российской Центральной Азией. Данное соглашение носило компромиссный характер с обеих сторон, так как обе стороны не скрывали, что буферная зона необходима во избежание конфликта [5, с. 63]. При этом, интересы местных региональных элит не учитывались, или учитывались в контексте поддерживали ли они одну из сторон или нет (как на примере Афганистана). Соглашение это было неполным – земли были малоизучены, граница была неточной, что позволяло использовать эти неточности для попыток расширения своего влияния.

Библиографический список

1. Norris J. A., The First Afghan War, 1838-1842. Cambridge, 1967.
2. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1885. СПб., 1886.
3. Глущенко Е.А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2003.
4. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М., 2003.
5. Пирумшоев Хайдаршо. Англо-русское соперничество на Памире во второй половине XIX века // Вестник Педагогического университета. Ташкент, 2020.
6. Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века. Ташкент, 1969.

А.Е. Михайлова

Самарский национальный исследовательский университет

МАГАЗИННАЯ ТОРГОВЛЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Развитие торговли во второй половине XIX в. способствовало развитию региона и определяло облик городов губернии. Данная особенность привлекает внимание исследователей. Разработку данной темы начал П.В. Алабин в XIX в. Он рассмотрел формы торговли, ее организацию и товарную специализацию. Возвращение к анализу торговой деятельности произошло в поздний советский период (80-е гг.), связано оно с работами Н.Л. Клейн [6]. Она охарактеризовала организацию оптовой и розничной торговли. На современном этапе количество работ увеличилось. Фундаментальными являются труды Н.Ф. Тагировой [14], коллектива кафедры российской истории Самарского университета [5, 13]. Также стоит выделить статьи Демидовых [4], в которых раскрываются механизмы работы магазинов, их специализация, общественное восприятие и статью П.С. Кабытова и Е.И. Чепурновой, где анализируется отдельная отрасль торговли [7].

Источниками при рассмотрении темы стали объявления магазинов, которые публиковались в газетах [3], адрес-календарях и памятных книжках Самарской губернии. Ценная информация заключена и в архивных документах. Они позволяют определить систему труда в магазине, проследить эволюцию инфраструктуры торговли.

Развитие торговли в Самарской губернии во второй половине XIX в. происходило в трех формах: периодической, развозно-разносной и стационарной. Центром самарской торговли были Троицкая и Алексеевская площади и прилегающие к ним улицы, особенно оживленной была торговля на Панской и Дворянской улицах [1, с. 407]. Инфраструктуру базарных площадей составляли навесы, лари, лавки. В 1897 г. появляются киоски(-павильоны). Торговля была достаточно организованной и регулировалась

городской властью. Она сдавала в аренду земельные участки под торговые места.

Стационарная торговля получила распространение с 70-х гг. XIX в., когда в столице губернии начинают массово открываться магазины на первых этажах ближайших к городским площадям домам. С распространением магазинной торговли меняются и методы привлечения в них покупателей: настоящим двигателем торговли становится реклама в губернских газетах, а также в памятных книжках и адрес-календарях. С распространением магазинов формируется система труда и профессиональной этики. В каждом магазине был приказчик, управлявший мальчиками, которые обслуживали клиентов [16, л.1а]. Например, управляющим магазина торгового дома «А.А. Шмидт и сын» в г. Николаевск был И.Г. Емелин, о чем сообщала реклама [11].

Активное развитие магазинной торговли стимулировало поставить вопрос о строительстве торгового корпуса. Решение о его строительстве городская Дума приняла в 1908 г. [17, л.112]. А в 1914 г. такое здание было сооружено на пересечении улиц Панской и Соборной (рядом с Троицкой церковью) Горожанам Новотроицкий торговый комплекс был известен так же, как товарная биржа [4].

Особенностью магазинной торговли стал многоотраслевой характер. Суть его состояла в том, что на товарных полках порой соседствовали несовместимые товары: кондитерские изделия, чай и парфюмерия [9], одежда и консервированная рыба [12], листовое железо и эмалированная посуда [10] и т.д. Продажа разного вида товарной продукции позволяла владельцам избежать спада покупательского спроса и способствовала повышению прибыли магазина. В магазинах губернии можно было приобрести и технические новинки, например машины «Форд» продавались в магазинах «Братья Клодт» и Анастасии Неклютиной [12].

Чаще всего магазины принадлежали купцам, реже встречались магазины, которыми владели мещане и крестьяне. Эти изменения стали происходить после принятия «Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов» в 1863 г. Например, в магазине мещанки Самохваловой можно было приобрести щетки, кисти, москательные, парфюмерные и «пароходские» товары» [8, с. 267]. Как известно, во второй половине XIX в. в торговую деятельность активно включались женщины. Вместе с тем, интерес к самарскому рынку проявляли иностранцы, а также торговые фирмы из других городов, открывавшие в Самаре филиалы. Покупательским спросом пользовалась литовская колбасная Ю.А. Дашкевича, табачный магазин «Дукат» с правлением в Москве, магазин дамских и детских шляп М-те Галлер и т.д. [12].

Для того чтобы купить модную шляпу или гастрономические товары не нужно было ехать в Самару. Магазиновая торговля существовала в уездных городах и в селах. В г. Ставрополь «торговыми» местами являлись Базарная

площадь, Посадская и Соборная улицы. Магазины располагались в собственных домах: например, В.Г. Лопатин предлагал покупателям приобрести как конфеты, чай, сахар, так и стекло, обои и даже музыкальные инструменты [10]. В далеких уездах, таких как Новоузенский, торговля тоже была оживленной. В конце 1880-х гг. в Новоузенске насчитывалось 30 магазинов: бакалейных, аптекарских, книжных, галантерейных и т.д. [2]. При этом население города составляло чуть более 13 тыс. человек [13, с. 4].

Таким образом, развитие магазинная торговля в Самарской губернии получила в 1870-е гг. Магазины не имели четкой специализации, что было связано со стремлением владельцев получения максимальной выгоды. Поэтому магазины можно назвать универсальными, многоотраслевыми. В них был представлен широкий выбор отечественных и иностранных товаров: бакалейные, алкогольные, кондитерские, строительные, аптекарские, музыкальные, книжные, галантерейные и т.д. Города и села губернии становились настоящими центрами торговли, главные улицы городов представляли собой ряды магазинов с красочными выставками. Самарская торговля привлекала предпринимателей из других губерний и даже стран. Все это позволяет говорить о высоком уровне магазинной торговли.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877.
2. Большая Саратовская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://saratovregion.ucoz.ru/region/novouzenskiy/novouzensk.htm> (Дата обращения:29.10.2022).
3. Голос Самары. № 112. 2 июня 1909 г.
4. Демидов А., Демидова И., Демидова В. Теплые руки самарских улиц [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2015/12/04/653> (Дата обращения:27.10.2022).
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней/ под ред. П.С. Кабытова. В 2 т. Самара, 2020. Т.2. 480 с.
6. Кабытов П.С., Чепурнова Е.И. Китайский чай в структуре самарской торговли // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 4-7.
7. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981. 199 с.
8. Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Самарский университет, 2013. 615 с.
9. Объявления торговых фирм // Адрес-календарь Самарской губернии на 1897 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1896. Б.н.
10. Объявления торговых фирм //Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1904. Б.н.
11. Объявления торговых фирм // Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара,1910. Б.н.
12. Объявления торговых фирм // Памятная книжка Самарской губернии на 1914 г. Б.н.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи/ под ред. И.А. Тройницкого. В 89 т. М., 1897. Т.36. 201 с.

14. Самарское купечество: вехи истории/ под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2008. 369 с.

15. Тагирова Н.Ф. Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 2000. 40 с.

16. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.153. Самарская городская управа. Оп. 36. Д. 1112.

17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп.10. Д. 194.

Н.А. Третьякова

Самарский национальный исследовательский университет

СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПСИХИАТРИИ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Изучение истории организации и работы психиатрической службы позволяет проследить взаимодействие власти и человека, провести исторические параллели между стигматизацией безумия современном мире и этапами его зарождения. Эволюция отношенияк безумию позволяет уменьшить негативное восприятиесумасшествия, и провести грани между стигматизацией последнего и сложно организованным типом личности.

Конец XIX – начало XX вв., время организации в Российской империи той части системы здравоохранения, которая была непосредственно связана с психиатрической помощью населению. Верхняя граница исследования обусловлена тем, что, в периодреволюционной эпохи, вопросы, связанные с земской медициной, в частности, с психиатрией, отошли на второй план, уступивприоритетное место вопросам политическим [3].

Цель исследования – проанализировать путь становления иразвития общественного института психиатрии в Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. Цель достигается с помощью решения конкретных задач:

1. Проанализировать опубликованные и неопубликованные источники по теме исследования;

2. Показать условия и проблемы становления института психического здоровья в Самарской губернии.

3. Показать практические аспекты работы психиатрическойслужбы Самарской губернии на примере больницы в деревне Томашев Колок.

В документах Центрального государственного архиваСамарской области были найдены данные о первых опытахпроведения психиатрической экспертизы в Самарской губернии,которые относятся ко второй половине XIX века и связаны с именем Юлия Богдановича Укке, врача Самарской государственной управы. В «Неврологическом вестнике», выходившем в XIX веке в Казанской губернии, были опубликованы воспоминания об

Иване Христофоровиче Акербломе – первом директоре Самарской психиатрической больницы, оставленные его коллегой К.А. Арнштейном, в которых описываются не только личностные и профессиональные качества директора, но и содержится ряд данных по устройству Самарский психиатрической больницы в деревне Томашев Колок [2]. Арнштейн перечисляет трудности, с которыми новому директору пришлось столкнуться в больнице:

1. Самарская лечебница была построена по павильонной системе, и заведующему при проведении проверок приходилось передвигаться из одного помещения в другое, что значительно усложнилось зимой, в связи с глубоким снегом и низкими температурами;

2. Лечебница всегда была переполнена (Арнштейн подчеркивает, что для тех лет, это было вполне обычное дело), что требовало тщательного гигиенического надзора и затрудняло ведение дел [2].

Апеллируя архивными документами Самарской губернской врачебной управой и Самарской больницы душевнобольных Самарского губернского земства в Томашевом колке, приходим к следующему выводу: в Самарской губернии методы лечения психических заболеваний менее, чем за 40 лет эволюционировали от тюремного заточения (психиатрическая экспертиза, проводимая Юлием Богдановичем Укке в 1850-х годах, и назначаемое лечение) [1, ф.173. оп.1. д.147. л.5.] до комбинирования медикаментозных и немедикаментозных, используя современную терминологию, методов в лечении больных [1, ф.220. оп.1. д.4. л.6-18] (начали применяться после открытия больницы в Томашевом колке в 1888году) [1, ф.5. оп.12. д.129. л.20]. Очевидно, что элементы данных терапий применяли и до 1888 года в отдельных случаях, но именно широкомасштабное применение их на государственном уровне в России началось после открытия психиатрических больниц современного типа, которые предоставили необходимые для этого помещения (использование арт-терапии, говоря современным языком, в переполненных палатах для душевнобольных в земских лечебницах представляется затруднительным). Также по документам Центрального государственного архива Самарской области можно проследить эволюцию отношения к психическим заболеваниям, на основе все тех же примеров. В1850-х в врачебных заключениях Ю.Б.Укке находим выводы о невозможности вылечить то или иное психическое заболевание [1, ф.173. оп.1. д.147. л.5], а в конце XIX в. лечение психических заболевания не только представлялось возможным, но и начало широкомасштабно применяться [1, ф.220. оп.1. д.4. л.6-18].

Таким образом, к началу XX в. в Самарской губернии функционировала психиатрическая больница современного типа со многими современными методами лечения. Тем не менее, для нормальной работы больницы еще предстояло решить огромное количество задач, не самое последнее место, из которых занимало: изменения общественного мнения по отношению к психическим заболеваниям, что ускорило бы своевременное ди-

агностирование и после больничную адаптацию пациентов. Сфера психического, к сожалению, до сих пор сильно стигматизирована. И здесь главной задачей историков, психиатров, культурологов, деятелей искусства является просвещение в области истории и теории психиатрии, поэтому исследования проводимые в сфере психиатрии имеют не только научную, но огромную социальную актуальность.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).
2. Арштейн К.А. Воспоминания об Иване Христиановиче Акербломе // Неврологический вестник. Журнал имени В.М. Бехтерева. 1897.
3. Каннабих Ю.В. История психиатрии. М., 1929.

А.В. Богданов

Самарский национальный исследовательский университет

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

История русско-японских отношений противоречива, она знает как годы явной вражды и нетерпимости друг к другу (русско-японская 1904–1905 гг., столкновения войск в 30-х годах, сражения в 1945 г.), а также и годы более теплых и дружественных отношений, которые были например в 1914–1917 гг.

Начало более тесному контакту между странами было положено 4 августа 1914 года. Япония кулуарно и по нескольким каналам одновременно сообщила русским военным и гражданским представителям на Дальнем Востоке о возможности в случае чего поставлять необходимые военные материалы России [5, с. 12].

Инициатива японо-русского военного и военно-технического сотрудничества исходила от Токио, а не от Петербурга, причем первоначально японские власти действовали скрытно и преимущественно по частным каналам. Это объясняется тем, что в начале августа, по словам министра иностранных дел Т. Като, Япония внешне только «определялась» в своем отношении к происходящим в Европе событиям и не собиралась раньше времени лишать себя нейтрального статуса и свободы маневра [5, с. 15].

1914–1917 гг. явились временем плодотворного сотрудничества двух стран в военной сфере. В годы войны из Японии в русскую армию поступало легкое и тяжелое вооружение, боеприпасы, инженерно-саперные инструменты, а также материал для шитья обмундирования. В значительной мере благодаря военной помощи, оказываемой Японией России, царская армия могла вести успешные военные операции на европейских фронтах. Пользуясь своей монополией военной силы на Дальнем Востоке, японское прави-

тельство не раз подводило под передачу вооружения вопросы политического характера, склоняя Санкт-Петербург к экономическим и территориальным уступкам [2, с. 26].

Если говорить в целом об участии японских войск в войне на стороне союзников, то они участвовали в захвате германских колоний в Китае (Циндао) и на Тихом океане (Каролинские, Марианские и Маршалловы острова). На этом по сути военное участие Японии закончилось [4, с. 274-275].

Наиболее плодотворным годом между странами был 1916, когда был заключен союзнический договор между странами. В подписанной 3 июля 1916 г. конвенции сообщалось, что Россия и Япония не будут участвовать в действиях, направленных против одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке, а в случае угрозы со стороны той или иной державы, стороны соглашались рассмотреть меры совместной защиты. Приложенный к конвенции секретный договор предусматривал взаимную военную помощь, «если вследствие мер, принятых по взаимному соглашению» для того, «чтобы Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России и Японии, будет объявлена война одной из договаривающихся сторон» [1, с. 191-192].

Подписание договора отразилось на увеличении объемов военной помощи Японии России, а также явилось гарантом относительного спокойствия царского правительства за обстановку на Дальнем Востоке. Япония, подписав договор с Россией, получила возможность опираться на союз с Российской империей для противодействия США и Великобритании на Дальнем Востоке [3, с. 100].

Хотя обеим странам не удалось реализовать условия подписанного в 1916 г. союзного договора, уже сам факт заключения военно-политического союза между Японией и Россией всего через 10 лет после завершения русско-японской войны указывал на обоюдное стремление Санкт-Петербурга и Токио направить двусторонние отношения в мирное русло [3, с. 104].

Таким образом, во время Первой мировой войне обеим странам удалось пройти через противоречия с помощью переговоров и даже договориться о союзе. Однако события 1917 года изменили ситуацию, Япония видела ослабление России и решила воспользоваться слабостью России, что в конечном счете вылилось в интервенцию японских войск на Дальний Восток. Тем не менее, это время показало возможность сотрудничества между странами, на которое стоит обращать внимание для разрешения противоречий уже в наше время.

Библиографический список

1. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М., 1927. С. 191-192. [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Секретный_русско-японский_\(союзный\)_договор_3/VII_-_20/VI_1916_года](https://ru.wikisource.org/wiki/Секретный_русско-японский_(союзный)_договор_3/VII_-_20/VI_1916_года).

2. Пестушко Ю.С. Японо-российские отношения в годы первой мировой войны, 1914 – 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 26 с.[Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/yapono-rossiiskie-otnosheniya-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1917-gg> (дата обращения 16.03.2022).

3. Пестушко Ю. С. Недолгий альянс: русско-японский союзный договор 1916 г // Россия и АТР. 2007. №1.[Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedolgiy-alyans-russko-yaponskiy-soyuznyy-dogovor-1916-g> (дата обращения: 16.03.2022).

4. Пестушко Ю. С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Ежегодник Япония. 2007. №36. С.272-273.[Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-yaponskie-voyska-tak-i-ne-popali-na-evropeyskiy-front> (дата обращения: 15.03.2022).

5. Павлов Д. Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014 . 261 с.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

В.С. Леутина

Самарский национальный исследовательский университет

СЕМЕЙНЫЕ ЗАБОТЫ ЖЕНЩИНЫ-КРЕСТЬЯНКИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Развитие экономических процессов в деревне после крестьянской реформы оказало влияние на домашний уклад, в том числе быт русской женщины во второй половине XIX века.

После отмены крепостного права произошла ломка жизненных реалий двух ключевых сословий Российской империи, систематически происходила трансформация патриархальных отношений [6, с. 107]. Мужчина, стоявший во главе семьи, как правило, был лицом, обладавшим непререкаемым авторитетом. На взрослом мужчине держалось хозяйство, женщина же имела соподчиненное положение.

По народным представлениям главное предназначение женщины заключалось в продолжении рода, она была подчинена отцу или мужу. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщали: «...жена должна знать второе место в доме, почитать мужа как главу семьи и хозяина в доме» [2, с. 262].

Распределение гендерных ролей носило устоявшийся характер и происходило на принципах традиционности и преемственности, более характерных для аграрных обществ [1, с. 155].

В семье крестьян женщины были на неравном положении и имели разные права и обязанности. В частности, хозяйка и многодетные невестки вели себя более свободно. В приниженной позиции находились молодые невестки. Им необходимо было подчиняться не только мужьям, но и всей старшей родне мужа.

Рабочий день женщины начинался до восхода солнца. Русские крестьянские девочки также рано включались в хозяйственную жизнь. Часто на девочке оставался присмотр за младшими братьями и сестрами. Параллельно с обязанностью нянек, девочки присматривали за домашней птицей и мелким скотом, а также работали вместе с матерями в поле и на огороде.

Материалы исследований показывают, что в крестьянской семье женская работа мало ценилась, хотя роль женщины в крестьянском хозяйстве второй половины XIX в. оставалась существенной [5, с. 85].

Всегда оставалась значительной роль женщины в семье как основного организатора семейного уклада, уюта, досуга и воспитателя детей, хранительницы семейных традиций и преданий.

Процессы эмансипации, набравшие обороты в городской среде во второй половине XIX в., в деревне были менее заметны. Экономический уклад деревни предписывал распределение ролей в семье и не допускал каких-либо корректировок, которые могли нарушить целостность хозяйственного цикла, устоявшуюся благоустроенность в семейной жизни.

Однако волны новых общественных отношений размывали и подрывали устои традиции и авторитета. Это проявлялось, в частности, в обретении новых имущественных прав женщин [4, с. 388].

К концу XIX в. в положении женщины-крестьянки происходят некоторые изменения. В крестьянской семье постепенно стала ослабевать власть главы семьи над домочадцами. Понемногу стали считаться с интересами женщин. Изменению положения женщины способствовало приобщение крестьян к отхожим промыслам. Иногда и сами женщины отправлялись на заработки в «чужие люди». Отходничество смягчало семейные нравы. Женщины приобретали значительную самостоятельность в хозяйственных делах, в распоряжении своим имуществом. Женщина, оставаясь в деревне мужа, принимала на себя обязанности хозяина, даже участвовала в жизни общины.

В ситуации растущего денежного характера хозяйства в конце XIX — начале XX в. значимым для хозяйки становились такие личные качества, как расторопность, смекалка, инициативность, которые помогали приспособить домашнюю экономику к рыночным отношениям [3, с. 50]. Несмотря на многовековой патриархальный уклад, женская роль в крестьянской семье начинала возрастать.

Таким образом, жизнь крестьянок второй половины XIX — начала XX в. изменилась незначительно. Этому способствовало сохранение традиционного жизненного уклада. Однако с приходом новых экономических отношений возникают и новые социальные явления, начался закономерный процесс изменения положения женщины в обществе. Данный процесс в исторической перспективе получил далеко идущие последствия — положил начало вовлеченности женщин в общественные дела, обеспечил рост их образовательного уровня, преобразил их потребности, внутренний мир и формы жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Барышников А.В. Русское крестьянство камско-вятского региона в пореформенный период: демографический, социально-экономический, гендерные аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2021.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993.

3. Власова В. Русская женщина во второй половине XIX века: исторический аспект // Материалы V Регион. науч-практ. конф., Славянск-на Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та, 2017.

4. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2018.

5. Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Старый Оскол, 2006.

6. Шеенко И.А. Традиции и новации в крестьянских представлениях о помещичьих добродетелях в 60-90-е гг. XIX в. // Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013, № 8 (151). Выпуск 26.

Т.В. Кроз

Самарский национальный исследовательский университет

К.К. ГРОТ И ПРОБЛЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ 1890-х гг.

Говоря о развитии российской благотворительности в конце XIX века, нельзя обойти вниманием вклад ее главнейших деятелей – это позволяет получить информацию об особенностях эпохи, часто теряющуюся за фактами и цифрами. Одним из самых значительных деятелей общественного призрения, без сомнения, был Константин Карлович Грот.

Делом общественного призрения К.К. Грот стал интересоваться еще в начале карьеры, когда, по переходе в МВД в 1845 г., ему была поручена работа по образованию ряда благотворительных учреждений [3, с. 427]. За свою долгую жизнь Гроту удалось добиться реализации значительного числа проектов в деле общественного призрения. Среди них – организация Попечительства о слепых, создание Главного Попечительства о семействах воинов, деятельное участие в проведении тюремной реформы и многие другие. Но одной из самых значимых инициатив Грота была организация работы Комиссии по пересмотру законодательства по общественному призрению.

В конце XIX века проявляются недостатки организации призрения: по данным сборника «Благотворительность в России», в 1902 году в Российской империи было свыше 19 тыс. благотворительных заведений [1, с. 5], но их деятельность продолжала регулироваться Уставом 1857 года. В связи с этим справедливы слова К.К. Грота о том, что «в нашем Отечестве дело общественного призрения не представляет никакой системы, мало того – оно не имеет ни единого органа, на обязанности которого лежало бы управление по делам призрения» [3, с. 430]. Проблема особенно обострилась во время голода 1891–1892 гг., когда отсутствие единой системы призрения в центре и на местах сделало невозможным организацию помощи без создания временных органов [3, с. 435].

В этих условиях Константин Карлович в конце 1891 г. изложил в краткой записке свои взгляды на положение призрения, а также на предполагаемые средства его реформирования, и представил ее в МВД, где нашел поддержку министра внутренних дел И.Н. Дурново. 22 октября 1892 г. императору был представлен всеподданнейший доклад, в котором предлагалось организовать Комиссию по реформированию законодательства по общественному призрению под председательством К.К. Грота. Ведению Комиссии, согласно планам Грота, могло подлежать изучение современного положения общественного призрения и создание проекта законодательных мер, «обнимающих дело призрения во всех его частностях» [3, с. 433]. Ставилась задача организации благотворительности предупредительной, непрерывной и полной при взаимодействии государственной, частной и общественной благотворительной деятельности [6, с. 49].

Государь согласился с положениями доклада, и было принято решение об образовании межведомственной Комиссии для разработки нового законодательства о призрении под председательством К.К. Грота. Работы должны были завершиться до 17 июня 1894 г., но затянулись ввиду их сложности.

Трудности, по мнению Грота, состояли уже в том, что вопрос о призрении бедных в России «представлял почти *tabularasa* и что огромная часть населения состоит из бедных» [5, с. 152], в связи с чем Комиссии пришлось разработать основные принципы новых юридических норм в сфере благотворительности. Первый шаг к этому был сделан еще до формального начала работ, когда К.К. Грот поручил статскому советнику С.М. Латышеву составить обзор действующих иностранных законодательств по призрению [4]. Знакомство с обзором позволило членам Комиссии осознать, что нельзя, «игнорируя русскую современную действительность, начать рисовать на этой последней проекты, основанные лишь на опыте Запада» [7, с. 74]. Поэтому в течение 1893 г. Комиссия интенсивно трудилась над созданием проекта оснований будущей организации дела призрения в России. При обсуждении готового проекта стало ясно, что он не лишен недостатков, яснее всего описанных в «Записке» В.И. Герье [2]. Основной вопрос касался возможности введения государственного призрения в России.

Споры в Комиссии не утихали, и возник риск прекращения ее работы. Однако К.К. Грот предложил продолжить изучение местных материалов о состоянии благотворительности. За 1895-1896 гг. Комиссией были обработаны данные земских и городских управ, Хозяйственного департамента МВД и 30-летний опыт работы земских учреждений по общественному призрению. Эти три фундаментальных исследования показали всю сложность дела, за которое взялась Комиссия. На их основе планировалось подготовить заключительный проект, выработку которого, однако, не суждено было завершить. К.К. Грот периодически недомогал в течение 1895-1896 гг. и в марте 1897 г. получил Высочайшее соизволение на освобождение от пред-

седательства по болезни. Одновременно по Высочайшему повелению действия комиссии были прекращены, а материалы переданы в Министерство внутренних дел [3, с. 441].

Несмотря на то, что Комиссии не удалось завершить проект нового законодательства, за время ее существования были составлены фундаментальные исследования положения призрения в России, проанализирован опыт европейских стран и оформлены основные очертания нового законодательства по призрению. Труды Комиссии послужили основой для дальнейшего пересмотра законодательства и определили направление последующей деятельности государственных, общественных органов и частных лиц в деле призрения нуждающихся. Все это было бы невозможно без деятельного участия К.К. Грота на посту председателя; его инициативность заставила обратить внимание правительства и общественности на проблемы организации благотворительности в России.

Библиографический список

1. Благотворительность в России. В 2 т. Т. 1. СПб., 1907.
2. Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. СПб., 1897.
3. Константин Карлович Грот как Государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Пг., 1915.
4. Латышев С.М. Обзор действующих иностранных законов о призрении бедных. М., 1891.
5. Савельев П.И. «Он водворил чувство долга в местных чиновниках»: (Очерк о Константине Гроде) // Самарский краевед. Самара, 1994.
6. Смирнов-Платонов Т. Московские письма. I // Вестник Благотворительности. 1897. № 1.
7. Сперанский С. Труды Правительственной комиссии по реформе действующего законодательства о призрении бедных. Историко-критический обзор // Вестник благотворительности. 1897. № 3.

О.Д. Гниломедова

Самарский государственный социально-педагогический университет

СТАТУС ГОССОВЕТА В МЕХАНИЗМЕ ГОСУПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Государственный совет в Российской империи был учрежден Манифестом 1 января 1810 года. В этот же день в 9 часов утра в Зимнем дворце состоялось первое общее собрание. Открыл собрание Александр I, который отметил, что Госсовет будет средоточием всех дел высшего управле-

ния. Был прочитан Манифест об образовании Государственного совета и объявлен список его членов: председателя, Государственного секретаря и других [2, с. 59]. Государственный совет был создан императором Александром I для того, чтобы продемонстрировать просвещенной Европе, что российским властям не чужды идеи либерализма в вопросах управления страной, а монарх не столь уж и абсолютен в своих правах [4, с. 146].

Основной проблемой моей работы является вопрос: можно ли назвать Государственный совет Российской империи парламентом? Для рассмотрения проблемы с разных точек зрения за основу я взяла следующие труды: Дегтярева А.П. «Государственный совет в России (1810–1917 гг.)» и Боряева С.А., Семенова А.В. «Правовые механизмы реализации полномочий Государственного совета Российской империи в XIX веке».

Рассмотрим деятельность Госсовета на примере правовых механизмов в реализации полномочий законосовещательного органа России. В своей статье Александр Петрович Дегтярев не называет Государственный совет парламентом, в отличие от работы Сергея Александровича Боряева и Алексея Викторовича Семенова, которые отмечают создание представительного учреждения парламентского типа. С.А. Боряев и А.В. Семенов упоминают про существование Непременного совета, который стал основой для создания Государственного совета. Деятельность Непременного совета регламентировалась «Наказом Непременному совету». Совет имел право признавать некоторые основные законы, подлежащие изменению, и делать соответствующие представления императору для разработки проекта нового закона. Каждому члену Совета «Наказ» предоставлял право законодательной инициативы [1, с. 95-96].

Государственный совет нужен был, чтобы восстановить нарушенное равновесие между высшими учреждениями, а также равномерно и рационально распределить функции в управленческой системе, сделать законодательную политику более централизованной [2, с. 59]. В свою очередь, С.А. Боряев и А.В. Семенов отмечают, что у Государственного совета была только одна основная функция – законосовещательная. Правом законодательной инициативы учреждение не обладало.

Как отмечает Е.А. Самсонова, еще одна функция Государственного совета 1810–1917 годов – предварительное рассмотрение и подготовка материалов и дел, которые поступили в орган [5, с. 26].

Рассмотрим функции Государственного совета в сравнении с парламентом. Парламент – это законотворческий орган, который включает в себя обсуждение и принятие поправок, подписание законопроекта главой исполнительной власти. Очень часто законопроект обсуждается в нескольких чтениях, в ходе которых вносятся поправки и дополнения. Выделяют еще одну функцию парламента – представительскую. Это означает, что избранные в парламент депутаты должны представлять и защищать интересы своих избирателей.

Компетенция Госсовета включала определенный ряд вопросов, которые выносили на обсуждение: 1. вопросы, которые нуждались в толковании. «предметы, требующие нового закона, устава или учреждения»; 2. «общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые»; 3. вопросы внешней политики: объявление войны или заключение мирного соглашения; 4. финансовые вопросы [3, с. 191]. Иными словами, перед членами Государственного совета стояли следующие задачи: рассмотрение и анализ законодательных предположений, а также изменений в существующих законах страны [4, с. 142-143].

К финансовым функциям Госсовета относилось формирование бюджета, а также обсуждения ежегодных смет государственных доходов и расходов, назначение новых издержек, которые могли возникнуть в течение года. В отличие от Государственного совета, парламент во многих странах детально описывал, на какие сферы жизни «уходил» бюджет государства [2, с. 60].

С момента создания в 1810 году законосовещательный орган включал в себя следующую структуру: общее собрание, Государственная канцелярия, постоянные комиссии и департаменты. Также время от времени действовали временные комитеты [4, с. 143].

Роль Государственного совета менялась со временем. В итоге, результатом преобразований стало превращение в палату (нижняя – Государственная дума) с получением законодательной инициативы (исключая вопросы изменения Основных законов).

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один из авторов напрямую Государственный совет в Российской империи не называет парламентом. Однако Александр Петрович Дегтярев отмечает схожесть функций парламента и Государственного совета, таких как законодательная, административная и финансовая. С.А. Боряев и А.В. Семенов в своей работе отмечают единственную основную функцию Государственного совета – законосовещательную. При этом указывается, что Госсовет правом законодательной инициативы не обладал.

Роль Госсовета расширялась и ослаблялась в зависимости от времени, но парламентом этот орган не называли. Многие историки отмечают, что в Российской империи было создано представительное учреждения парламентского типа. Позже Государственный совет превратился в верхнюю палату, которая была наделена законодательной инициативой.

Библиографический список

1. Боряев С.А., Семенов А.В. Правовые механизмы реализации полномочий Государственного совета Российской империи в XIX веке // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. №2 (46).
2. Дегтярев А.П. Государственный совет в России (1810-1917 гг.) // Военный университет Министерства № 5 (65). 2012. С. 59-67.

3. Кодан С.В. Государственный совет в законотворческой деятельности Российского государства (1800-1850-е гг.) // Юридическая техника. 2014. №8.

4. Кулянов Р.В. К истории государственного Совета Российской империи (1810-1917 гг.) / Р.В. Кулянов, К.П. Ершов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 141-147.

5. МНСК-2017: Государство и право: Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–20 апреля 2017 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. 303 с. // Самсонова Е. А. Государственный совет России. Опыт сравнительно-правового исследования. 2017. С. 26.

В.А. Торунев

Самарский национальный исследовательский университет

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности оценивалась его современниками, прежде всего, с точки зрения разработки проектов аграрных преобразований. Чаще всего оценки эффективности деятельности местных комитетов зависели от политических взглядов его исследователей — современников событий. Так, один из лидеров «Союза Освобождения» С.Н. Прокопович в зависимости от преобладающих в заключениях местных комитетов суждений, разделил их на три группы: с преобладанием бюрократических тенденций, преимущественно дворянских, и преимущественно земских. Будучи сторонником либеральных преобразований, он видел в нежелании власти обращаться к земским деятелям негативную тенденцию, однако подчеркивал, что, несмотря на это, «... сила общественной мысли... смогла проявить себя в постановлениях комитетов сверх внешних влияний» [4, с.43]. Затрагивались современниками и правовые аспекты проектов местных комитетов. Исследование А.Д. Билимовича было нацелено на изучение проектов уездных и губернских комитетов, направленных на стабилизацию земельных отношений и правопорядка в деревне [1].

В советской исторической науке Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности рассматривалось в контексте правительственных реформ, прежде всего как этап в формировании аграрной политики власти. В тоже время отмечалась роль полемики в ходе работы местных комитетов на формирование идеологии и программы либеральных партий [5].

Современные российские исследователи изучают деятельность уездных и губернских комитетов изучалась как целом, так и на уровне отдельных

губерний. Предметом их исследования являются конкретные предложения и проекты, которые выдвигались в ходе работы в уездных и губернских комитетах. Б.Н.Миронов, основываясь на статистическом анализе заключений местных комитетов, выделил абсолютные и относительные результаты их обсуждения [3, с.9-13]. Вопросам реформирования волостного суда и дискуссии по проблеме модернизации судопроизводства посвящены работы В.Д. Лебедева, Б.Н. Миронова, А.А. Сорокина, Ю.В. Щедриной, И.К. Щербаковой [2;3;6;7;8].

В.Д.Лебедев предпринял попытку проанализировать проекты регулирования общинного землевладения и землепользования, а также предложения в области реформирования норм гражданского и уголовного права, местного самоуправления и судоустройства [2]. И.К.Щербакова рассматривает проекты аграрных преобразований по крестьянскому управлению, волостному суду и землепользованию в контексте сравнения деятельности двух альтернативных центров, осуществляющих подготовку и обсуждение проектов аграрных преобразований в 1902-1905 гг.: Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Редакционной комиссии Министерства внутренних дел [8]. По мнению Ю.В. Щедриной участники Особого совещания планировали устранить те недостатки и неопределенности, которые лежали в сфере имущественных и общественных отношений крестьян. Деятельность волостного суда участниками дискуссий оценивалась крайне негативно, отмечалось, главной причиной кризиса этого учреждения являлось применение обычая как основного источника права [5, с.35].

А.А. Сорокин критикует Ю.В. Щедрину и других исследователей по данному вопросу, отмечая, направленность их исследований в основном на анализ критики комитетами «существовавших институтов крестьянского суда» [4,с.90]. Он указывает на наличие защитников волостного суда среди различных социальных групп: крестьян, землевладельцев и бюрократии. Исследователи отмечают, что несмотря на предложенные мероприятия в области реформирования волостного суда, единой программы выработано не было.

Хотя исследователями достаточно подробно проанализированы дебаты по вопросам правосудия в уездных и губернских комитетах Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, необходимо комплексное рассмотрение предложенных участниками совещания проектов. Это позволит проанализировать использование опыта деятельности Особого совещания в осуществлении правительственных реформ.

Библиографический список

1. Билимович А.Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб.: тип. Имп. ун-та св. Владимира акц. о-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1904. 60 с.

2. Лебедев В.Д. Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904)// Отечественная история. 2001. №5. С.58–69.
3. Миронов Б.Н. Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902-1905 гг.// Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. №.1. С. 8–30.
4. Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб.: Е.Д.Кускова, 1905. 275 с.
5. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. 252 с.
6. Сорокин А.А. Дискуссии о реформе местного суда в начале XX века в провинции (на примере Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Петербургский исторический журнал, 2018. №1. С.89-103.
7. Щедрина Ю.В. Дискуссии о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности// Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4(32). С.32-43.
8. Щербакова И.К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX века: 1902-1905 гг. Автореф. дисс. ...к.и.н. М., 2003. 21с.

С.В. Валевко

Оренбургский государственный педагогический университет

РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА СКЛАДЫВАНИЕ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ» В СРЕДЕ РАБОЧИХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1917 ГОДАХ

Оренбургский регион являлся преимущественно аграрным, и местная промышленность заметно уступала ряду других регионов страны. К 1914 году, по данным фабричной инспекции, в Оренбургской губернии находились крупные предприятия, производящие военную продукцию, на которых трудились, в общей сложности, не менее 7310 рабочих [6, с. 38].

Из-за аграрного характера региона власти мало внимания уделяли проблемам рабочих, чье положение и без войны было весьма тяжелым. С началом военных действий положение рабочих стало ухудшаться, в частности снижение и задержка зарплаты им, которая в среднем и так была ниже общероссийской, стали повсеместными явлениями. На многих заводах вводится рабочий день от 11,5 часов и более. До войны средний заработок рабочего составлял 217 рублей, тогда как в среднем по России – 264 рубля. В 1915 зарплата выросла до 280 рублей, но это при том, что в среднем по России составила уже 322 рубля [4, с. 120].

Кроме того, к 1915 году произошел рост цен в 4 раза, в то время как зарплаты остались на прежнем уровне. Городская дума была вынуждена

вести государственное регулирование цен на некоторые виды товаров. Но стачечное движение в Оренбургской губернии только усиливается. Причинами этого были дороговизна жизни, сверхурочные часы, отсутствие продуктов питания, произвол и насилие со стороны начальства, а также полицейских органов [2, с. 130].

На 1916 год власти поставили задачу «решительной и планомерной» борьбы с взвинчиванием цен на продукты первой необходимости. Кроме того, предпринимались меры против создания искусственного дефицита, путем скупки товаров запасы. Однако, данных мер было недостаточно. К весне 1917 года цены на хлеб были в 5-6 раз выше, чем в 1914 году [5, с.62].

Поскольку основной мерой властей было регулирование цен, многие предприниматели, чей бизнес основан на торговле, предпочитали не заказывать новые партии товаров, поскольку часто цены росли независимо от них, потому что производители нередко произвольно взвинчивали цены на заказываемые у них товары. В то время как торговцы не могли поднять цены, так как с них местные власти спросят в первую очередь [1, с.83].

В 1915–1916 годы даже губернские города Южного Урала, включая Оренбург, испытывали острую нехватку предметов первой необходимости, в первую очередь продовольствия. В 1916 году по стране, включая и Оренбуржье, прокатилась волна «голодных бунтов» [3, с. 15]. В Оренбурге один из таких бунтов произошел 2 мая 1916 года. Он был подавлен с применением пехотных частей. В ноябре того же года волнения охватили и другие города губернии [5, с. 62].

Основной мерой борьбы властей против открытого недовольства являлись подавления демонстраций силой и увольнение зачинщиков. Впрочем, иногда требования бастующих удовлетворяются. Например, 6-7 октября 1915 года бастовали все 500 рабочих в селе Кочкарь Троицкого уезда на Кочкарских приисках Общества Троицких золотых приисков. Рабочие потребовали обеспечить их дровами для отопления квартир. Требование было выполнено [7].

По отношению к бастующим рабочим властями часто могла применяться такая мера как призыв в армию. Именно так поступили с рабочими котельного цеха главных мастерских Ташкентской железной дороги в Оренбурге, после забастовки 15 декабря 1916 года.

В 1917 году в Оренбургской губернии, перед революцией, произошли три забастовки. В январе 1917г. произошла забастовка китайских и корейских рабочих в Белорецке [8, с. 135].

Всего за годы Первой мировой войны в Оренбургской губернии произошло 48 забастовок, сучастием 14742 рабочих. Но по большей части это были забастовки экономического характера. В основном они были подавлены силовым путем. Политический характер имела всего одна забастовка. В ней принимали участие 2000 рабочих [2, с. 134].

Таким образом, меры, предпринимаемые властями по нормализации положения, были недостаточными. Попытка ввести регулирование цен велак тому, что торговцы не заказывали товар, что вело к дефициту и еще большему увеличению цен. В итоге количество забастовок в губернии возросло. Власти становились все более пассивными и доверие к ним в итоге снижалось. Несмотря на то, что забастовка политического характера в Оренбуржье была всего одна, но в ней приняли участие 2000 человек. Это огромное количество, учитывая тот факт, что число рабочих в регионе было относительно небольшим.

Библиографический список

1. Имаев О.А. Проблема снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения губернских городов Южного Урала в 1915-1916 гг. // Исторические, философские, политические, юридическинауки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. 2013. № 6-1. С. 82-85.
2. Касаров Г.Г. Стачечная борьба рабочих Оренбургской губернии в годы Первой мировойвойны // Вестник ОГУ. 2015. №7(168). С.130-134.
3. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914–февраль 1917г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С.3-28.
4. Лактюнинкова Т.Э. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение губернии // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствование, вопросы теории и практики. 2015. № 3-10(48). С.119–122.
5. СафоновД.А. Первая мировая война и провинция на материалах Оренбургской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. №3(11). 63с.
6. Статистический сборник за 1913 – 1917 гг. Труды ЦСУ Т. VII. Вып. 1. М.: Изд-во ЦСУ, 1921. 277 с.
7. Уральская жизнь 1915. 9 октября.
8. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в июне 1907 – октябре 1917гг. Хроника. М., 1997. 156 с.

И.М. Кузин

Самарский государственный социально-педагогический университет

КУЙБЫШЕВСКИЙ ВАРИАНТ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Предисловие работы К. Маркса и Ф. Энгельса 1848 г. уверждало о том, что коммунистический фантом блуждает по европейскому континенту [2, с. 23]. Через 131 год в Советском Союзе был создан программный документ, предисловие которого сообщало о том, что данный фантом опять начал движение по Европе и не только по ней. Так начинается предисловие «Второго Коммунистического Манифеста» [3, с. 1]. Его автором был

советский диссидент, житель г. Куйбышев (ныне г. Самара) А.Б. Разлацкий, составивший ряд самиздатовских теоретических работ марксистско-ленинского толка. За свою деятельность он был предан суду, осужден по ст. 70 и отбывал наказание в лагере для политических заключенных [1]. Соратник Разлацкого В.А. Котельников подтвердил подлинность нового манифеста [4].

Рассмотрим его более подробно. Структурно труд А.Б. Разлацкого состоит из Предисловия, 5 глав и заключения – выделенного абзаца в 5 главе [3, с. 1-32]. Несмотря на то, что в работе 1848 г. 4 главы, а не 5, название 1 главы идентично с Куйбышевским Манифестом [2, с. 62]. Рассмотрим цель и задачи данного программного документа. Цель рабочего класса – «пролетарский социализм». При нем право на монопольное и безраздельное владение собственностью на средства производства будет за рабочим классом [3, с. 8]. Задачи: задачи открытого пролетарского класса – изучать и иметь ввиду исторический опыт классового противника – буржуазии, контролировать в обществе социально-политические процессы, вести надзор за рабочей партией и ее членами, а также за государством, не давая ему окрепнуть и начать борьбу против рабочего класса, стремиться к соединению города и села через развитие сельского хозяйства, стимулировать качественный экономический рост, сформировать из своих рядов интеллигенцию, которая будет отдавать обществу плоды своего умственного труда даром [3, с. 3-32]. Задачи рабочей партии по Разлацкому – находясь на позициях рабочего класса и открытого доступа для вступления в партийные ряды, привести трудящихся к классовой победе, и на обломках старого построить новый государственный аппарат, назначив на посты подконтрольных партийцев с перспективой на их выведение из партийных рядов, быть в оппозиции к государству и стремиться к его отмиранию через молодежные, трудящиеся массы, а также приобщив их к стремлению в будущее, за революционные изменения и коренные преобразования [3, с. 23-26]. Как считал самарский автор, задачами государства рабочего класса являлись следующие: контроль над обществом и регулирование социально-экономических процессов, бюрократического аппарата с учетом опыта буржуазии под патронатом рабочего класса и партии, а также вести среди населения агитацию и пропаганду для постановки их на рельсы пролетарских устремлений, расширять пролетарское народовластие [3, с. 10-26]. Задача служащей рабочим части интеллигенции по Разлацкому разъяснять трудящимся теорию, направляя их по нужному классовому направлению, А все человечество должно добиться консолидации физического и умственного труда [3, с. 30].

Рассмотрим общие черты программных документов. Конечная цель: переход к коммунизму [3, с. 3]. Движущая сила: рабочий класс [2, с. 39]. Способ достижения пролетарской цели и задач: «пролетарская революция» [2, с. 61]. Замена частной собственности на общественную [3, с. 8]. Рассматривается процесс эволюции буржуазного класса [2, с. 24-55]. Перейдем к отличиям: работа А.Б. Разлацкого была составлена на век позже и по объему она больше работы К. Маркса, Ф. Энгельса. Говорится о способах по недо-

пушению реставрации капитализма после установления диктатуры рабочего класса. Показана роль пролетарского вождя и важность его выборности, а также необходимости постоянной поддержки диктатуры трудящихся через массы, и структура регулирования общественных отношений при власти трудящихся.

Предлагается рассмотреть рабочий класс со стороны его победы в Октябре 1917 г. в России, формировании советской бюрократии, противоречивого развития власти рабочих при вожде – И.В Сталине, его смерти как окончании власти рабочих и выхода из-под контроля переродившегося в феодальный класс административно-чиновничьего аппарата, сделав рабочих бесправными на уровне крепостной зависимости через КПСС. Смерть М. Цзедуна и И.В. Сталина — это гибель власти трудящихся в СССР и КНР, наступление кризиса в рабочем движении и в капиталистической системе, куда СССР может интегрироваться если рабочие не возьмут реальную власть. «Манифест» заканчивается абзацем с информацией, которая должна помочь трудящимся в отстаивании своих классовых интересов. Там же имеется отсылка к призыву в работе 1848 г. «Манифест» заканчивается лозунгом: «Да здравствует диктатура пролетариата!» [3, с. 1-32].

В заключении отметим, что данный программный документ, как и ряд других работ, которые были созданы куйбышевским диссидентом А.Б. Разлацким, являются актуальными для изучения и в настоящее время.

Библиографический список

1. Интервью с членом ПДП В. А. Котельниковым. Интервьюер – Кузин И. М. // Личный архив Кузина И. М. 18.02.2022 г.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1974.
3. Разлацкий А.Б. «Второй Коммунистический Манифест». 1979. Апрель. // Котельников В.А, Разлацкий А.А. Сборник работ А. Б Разлацкого. 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.proletarism.ru/r/2013.pdf> (дата обращения: 08.03.2022).
4. Шидловская Л. Телепрограмма «Особо опасный государственный преступник» Ч. 1. 21 ноября 1991 г. URL: <https://youtu.be/voOg7pops0E> (дата обращения: 04.03.2022).

А.А. Мусеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ 1917 ГОДА

Проблема источников финансирования низшего духовенства являлась центральной для России Синодального периода. Без достойного обеспечения причт не мог вести свою пастырскую деятельность, а прихожане,

привыкшие к регулярной церковной обрядовости, незамедлительно реагировали на «неугодных» священников. В статье рассмотрены некоторые конфликты между причтом и паствой в селах Казанской Епархии и способы их разрешения.

Сельский приход испытывал нужду в обеспечении гораздо сильнее городского. Для сравнения: в Казанском уезде капитал причта Грузинской церкви – 9979 р. [5, с. 10], а в Лаишевском уезде, в селе Пановка, капитал причта – 885 р. [5, с. 216]. В городе денежное обеспечение варьировалось от близости к Кафедральному Собору, а на селе ситуация была одинаково безрадостной.

Сельская местность имеет свою специфику, которая определяет отношения с землей и с собственностью. В период военного времени, повсеместно причт страдал от казенных невыплат и сборов в пользу пострадавшим солдатам. Данная ситуация на селе вынуждала причт искать альтернативные источники дохода. К примеру, духовенство регулярно сдавало землю в аренду местным крестьянам или своим же прихожанам, а также просило плату за требы [2, оп. 149. д. 72. л. 1], что не отвечало церковным канонам.

Таким образом, на селе формировалось представление о решении религиозных вопросов с помощью оплаты труда священника с помощью материальных благ – денег. Это, а также регулярное грубое обращение со своими прихожанами [2, оп. 149. д. 72. л. 2], приводило к очередному отчуждению от своих религиозных наставников, и незамедлительную реакцию.

В эпоху 1917 года на селе росли революционные настроения в среде паствы. Основной проблемой земельного характера была деятельность прихожан по отчуждению причтовой земли, из-за чего была предложена инициатива со стороны Казанского губернского комитета созвать примирительную комиссию между причтом и прихожанами. Данная мера не привела к разрешению конфликтов [2, оп. 149. д. 5. л. 57], поскольку съезд на эту тему длился практически год [2, оп. 149. д. 17. л. 4], а ситуация требовала безотлагательного решения. По хронологии, летом того же 1917 года, отмечаются вспышки нелегального захвата земель у причта [2, оп. 149. д. 72. л. 58].

Из-за того, что не существовало конкретного прецедента разрешения конфликта по церковной земле, в селах очень часто решали этот вопрос самостоятельно, руководствуясь собственным опытом и авторитетом вышестоящей инстанции – Казанской Духовной Консистории.

Основными инициаторами решения конфликта выступало духовенство, но были случаи, когда в Консистирию обращались сами прихожане, в основном через Приходской Совет общины. В селе Сотнур Царевококшайского уезда было решено отправить сообщение в Консистирию со стороны Приходского Совета Троицкой церкви. В постановлении содержался призыв отстранить [2, оп. 149. д. 5. л. 253] неугодного священника Сидорова от

власти и передать полномочия Совету. Совет обращался к Консistorии для того, чтобы легитимировать свое полулегальное существование.

В следующем примере – уже причт является инициатором обращения. После захвата земель местными прихожанами села Клянчино, духовенство через Консistorию пыталось «достучаться» до революционных прихожан с предложением о сотрудничестве [2, оп. 149. д. 291. л. 1]. Ничего нового причт не предлагал [3, с. 79]: либо отдать землю добровольно, либо войти в сношения с причтом на правах аренды. Для духовенства это дело разрешилось ничем, потому что для этих прихожан слово Консistorии – официальной власти – не имело значения. Зато авторитет духовной власти был в глазах причта.

Существуют и другие способы разрешения конфликтов, но уже не через Консistorию, а на уровне местного реагирования. К примеру, в селе Пановка в Лаишевском уезде, священник Дмитриев, с целью успокоить настроения прихожан, грабивших имение помещиков Брестель, решил прочесть проповедь на тему «Не укради». Священника самовольно уволили [2, оп. 149. д. 5. л. 58], после чего он написал рапорт в Консistorию в надежде вернуть утраченное место. Конечно, проповедью, радикально настроенную паству было тогда не вразумить, но его реакция была продиктована саном и волею случая.

Исходя из краткого анализа, можно уже сделать определенные выводы. Как минимум, Духовная Консistorия в Казанской Губернии в революционные годы пользовалась авторитетом не только у причта, но и у прихожан. Через нее, особенно последние, стремились легитимировать свое новое положение и закрепить новые властные полномочия. Кроме того, самой уязвимой общностью этого периода оказался именно причт, а не прихожане, как может показаться на первый взгляд. Именно причт испытывал на себе давление «сверху» со стороны государства, и «снизу» после захвата земель своими прихожанами, из-за чего духовенство утратило последнюю возможность для существования.

Библиографический список

1. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XX–XIX вв.: состояние, дискуссии, реформы. М.: 2019. 1055 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГБУ ГА РТ). Ф. 4.
3. Лукренин М. Конспект Церковного Права. Составлен применительно к программе юридической комиссии. СПб.: издание Типо-Литографии и Книжного Склада А.Э. Винке, 1899. 56 с.
4. Панфилова Е.В. Материальное обеспечение приходского священника в конце XIX –XX веков // Наука, образование и культура. 2017.
5. Справочная книга Казанской Епархии / Изд. Казанской Духовной Консistorии. Казань, 1909. 795 с.

СПЕЦИФИКА ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1930-1950-х гг.

Территория Поволжья всегда была важной частью экономического развития России. Развитие промышленности, строительство железных дорог, речного транспорта и т.д., все это дало региону мощную промышленную базу.

Поволжье продолжал оставаться важным экономическим центром и для Советского государства, но развитие новой страны внесло свои коррективы. Поволжье, как и многие регионы, включается в масштабное строительство различных промышленных направлений и зачастую для этого уже используются элементы, созданного в 1930 году ГУЛАГА. Таким образом, на территории Среднего Поволжья: Ульяновская, Пензенская, Самарская (Куйбышевская) области и Татарская АССР начинают функционировать Исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ).

Так, в Куйбышевской области в период с конца 1930-х и до конца 1950-х гг. функционировали такие лагеря как: Самарлаг (1937 – 1940 гг.); Сызранский ИТЛ (05.01.31 – 17.09.31); Нефтьстройлаг (1947 – 1950 гг.); Безымянлаг (1940 – 1946 гг.), Чапаевский ИТЛ (08.03.1944 – 09.10.1944 г.). Кунеевский ИТЛ (1949 – 1958 гг.)

У каждого из указанных лагерей было свое назначение, в том числе это связано и с периодом существования того или иного ИТЛ. Например, Сызранский ИТЛ (Инза – Сызранский ИТЛ) в указанный период выполнял работы по строительству ж.д. и был ликвидирован по окончании работ [3, с. 471]. По всей видимости аналогичная ситуация и с Чапаевским ИТЛ, который действовал в 1944 году в условиях войны. Основным назначением данного лагеря были восстановительные работы на заводах № 15 (производство тротила) и № 309 (капсюльное производство и тротильные детонаторы) НКБ, строительство второй очереди завода № 15 НКБ [3, с. 504].

В начале 1940 г. Партийное руководство обязало Народный комиссариат авиапромышленности (НКАП) ускорить строительство авиационных предприятий и развернуть новые объекты на востоке. К реализации намеченного плана подключился НКВД, который в первой половине 1930 – х гг. превратился из поставщика рабочей силы в организатора крупномасштабных работ. Основную силу – заключенных – панировалось привлечь из лагерей при других стройках СССР. В августе и сентябре предполагалось получить 20 тыс. лагерников, в октябре еще 5 тыс. Большая часть заключенных сконцентрировалась в Безымянском ИТЛ (Безымянлаге) [2, с. 413].

Таким образом, одним из самых крупных ИТЛ Куйбышевской области становится Безымянлаг, который функционировал на протяжении всей ВОВ, и в сферу его деятельности, входило множество направлений: строитель-

ство авиационных заводов, моторного завода, аэродрома, дорог, жилпоселка, достройка Безымянской и Куйбышевской ТЭЦ, кирпичного и механического заводов, строительство заводов, цеха вагоноремонтного завода, нефтеперерабатывающего завода, карбидного завода НКАП, разработка гравийных карьеров, строительство радиостанции, водопровода, канализации, трамвайных путей и депо, работы в совхозе “Красный пахарь” и т.п. [3, с. 159].

Другим крупным лагерем области стал послевоенный Кунеевский ИТЛ главным направлением деятельности, которого было строительство Куйбышевского гидроузла, автодороги Куйбышев – Ставрополь и т.п. Основные строительные-монтажные работы развернулись в 1953–1955 гг. К октябрю 1955 г. усилиями заключенных Кунеевского ИТЛ намыли земляную плотину и построили здание ГЭС. В разные годы заключенные составляли 70–85% рабочей силы на объекте. По состоянию на 1 апреля 1951 г. на строительстве Куйбышевской ГЭС работало 20 394 человека, в том числе 15 825 заключенных и 4 569 человек вольнонаемного состава, из них инженерно-технических работников 740 человек [1, с. 216].

Помимо указанных выше лагерей в период 1940–1950-х гг. на территории Среднего Поволжья функционировали и другие ИТЛ. Так, например, в Татарской АССР действовали Свияжское ЛО (1947 – 1948 гг.); Татспецнефтьстрой (1952 – 1953 гг.); Волглаг (1942 – 1943 гг.). В сферу деятельности этих лагерей входило: строительство ж.д, предприятий нефтеперерабатывающей промышленности, обслуживание заводов и т.п. В Пензенской области действовал Суходольский ИТЛ (1954 – 1955 гг.), а во время ВОВ в 1941 году был эвакуирован из Смоленской области Вяземский ИТЛ. В Ульяновской области функционировал Чердаклаг, ЛО совхоза «Сакко и Ванцетти» (1946– 1953 гг.) [3, с. 312].

Таким образом, мы видим, что на территории Поволжья функционировали лагеря, чья деятельность была направлена в первую очередь на оснащение оборонной промышленности страны, а также строительство железных дорог и гидроузлов. Собственно подобные направления, так или иначе, характерны для деятельности всех существующих на тот момент лагерей.

Библиографический список

1. Бурдин Е.А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 398 с.: ил. .
2. Захарченко А.В. ГУЛАГ и строительство авиационных заводов в Куйбышевской области накануне Великой Отечественной войны (август 1940 – июнь 1941) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 40-46.
3. Смирнов М.Б. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник/ ГАРФ. М.: Звенья, 1998. 600 с., карт.

**РАЗРАБОТКА ПРОЕКТОВ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР
В 1960-Е ГГ. ПО ДОКУМЕНТАМ РГА В Г. САМАРЕ**

Один из основных элементов социально-культурного пространства — это жилище. Массовое жилищное строительство в СССР началось во второй половине 1950-х—1960-х гг. Для этого потребовалась перестройка всей системы архитектурных, проектных, строительных и административных норм. В 1955–1957 гг. вышел ряд постановлений: «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» и «О развитии жилищного строительства в СССР». Устранялась «внешне-показная» архитектура, рекомендовалось типовое строительство [2], увеличивались объемы и сокращались сроки жилищного строительства [4], основная единица застройки — микрорайон [1]. Законом от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» отраслевой принцип управления заменялся территориальным. В созданных экономических административных районах (ЭАР) создавались Советы народного хозяйства (Совнархозы) [3], на которых легло обеспечение интересов комплексного развития хозяйства в ЭАР и осуществление строительства, в том числе жилищного, по единому плану методом районной планировки.

В РГА в г. Самаре находятся документы по составлению районных планировок, разработанные Центральным научно — исследовательским и проектным институтом по градостроительству — ЦНИИП градостроительства (Ф. Р–147). Данную проблему предлагается осветить на примере составления схемы районной планировки Белгородского ЭАР, так как документы по данному району в фонде отложились наиболее полно.

В предварительной программе по районной планировке обозначались сроки строительства в 15–25 лет: 1-я очередь — 1959–1965 гг.; расчетный срок — до 1975 г. и перспективный период (5–10 лет) [6, с. 15]. Сначала определялись географические и геологические условия, современное состояние промышленности и сельского хозяйства, энергетики, транспорта и др., затем мощность, технологические связи и размещение предприятий в увязке с планировкой городов, поселков и других сооружений [6, с.19]. На территории Белгородской области планировалось освоение железнорудных месторождений на базе Курской магнитной аномалии (КМА) и развитие машиностроения [6, с. 4–6].

Исходя из анализа современного состояния и перспектив развития, определялась расчетная численность трудящихся. Добивались органически взаимосвязанной системы: создание планировочной структуры района на основе увязки главных пространственных элементов: промышленных

предприятий, городов и поселков, мест отдыха, лесных массивов, рек и водоемов, магистральных путей сообщения и др. [6, с. 33–34].

О тщательности проработки вопроса о строительстве жилья можно судить, ознакомившись с пояснительной запиской к вариантам размещения населенных пунктов в районе г. Губкин – г. Старый Оскол. Учитывая предполагаемый объем промышленности, кадров, занятость в других отраслях, рассчитана предполагаемая численность населения: г. Губкин – 35 тыс. чел.; г. Ст. Оскол – 65 тыс. чел. В зависимости от расположения промышленных предприятий к местам приложения труда, предлагалось четыре варианта расселения: дальнейшее развитие двух крупных городов (г. Губкин и г. Старый Оскол); двух городов и нового г. Александровск (Александровский рудник); двух старых городов и двух новых – г. Александровск и г. Лебединск (Лебединский рудник); двух городов и двух новых поселков при соответствующих месторождениях. Для ближайших лет был принят вариант четвертый, исключающий распыление строительства. Варианты 1 и 3 стали резервными [7, с. 3–23]. Аналогично решался вопрос расселения в г. Александровск [5, с. 59–61].

Таким образом, жилищное строительство было одним из элементов социокультурного пространства промышленного предприятия. В СССР в 1960 гг. оно осуществлялось в рамках плана развития определенного экономического административного района. Темпы и объемы строительства зависели от современного состояния и перспектив развития хозяйства области, от тщательного расчета перспективного числа населения, удобства его перемещения к местам приложения труда и других факторов. Такой подход, приложенный к условиям новой экономической системы, может быть применен и в современной России.

Библиографический список

1. Огородникова О. А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал*. 2018. № 3(44) [Электронный ресурс] URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5677> (дата обращения: 13.02.2023).
2. Постановление от 04 ноября 1955 г. №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [Электронный ресурс]. URL: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 04.11.1955 N 1871 (libussr.ru) (дата обращения: 13.02.2023).
3. Постановление от 22 мая 1957 г. №556 О мероприятиях, связанных с исполнением закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» [Электронный ресурс] URL: Постановление Совмина СССР от 22.05.1957 N 556 (libussr.ru) (дата обращения: 13.02.2023)
4. Постановление от 31 июля 1957 г. №931 «О развитии жилищного строительства в СССР» [Электронный ресурс]; URL: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31.07.1957 N 931 (libussr.ru) (дата обращения: 13.02.2023)
5. Проект планировки г. Алексеевки Белгородской области. 1962 г. // Российский государственный архив (РГА) в г. Самаре. Ф. Р–147. Оп. 6–4. Д. 30.

6. Районная планировка Белгородского экономического административного района. Программа работ на составление районной планировки. 1958 г. // РГА в г. Самаре. Ф. Р-147. Оп. 6-4. Д. 1.

7. Соображения по размещению населенных пунктов в районе г. г. Губкин — Ст. Оскол Белгородской области. 1958 г. // РГА в г. Самаре. Ф. Р-147. Оп. 6-4. Д. 12.

Д.А. Рамм

Самарский национальный исследовательский университет

СТРОИТЕЛЬСТВО «НОВОГО ГОРОДА» ДЛЯ ВОЛЖСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА

Социокультурное пространство крупных промышленных кластеров СССР в 1960-е гг. распространяется на окружающую их территорию. Для создания комфортной среды и повышения уровня жизни населения создавались города, спроектированные специально для нужд промышленных предприятий. Одним из таких городов стал г. Тольятти, избранный для строительства завода по производству легковых гражданских автомобилей.

Генеральной проектировкой города занимался Гипроавтопром (институт по проектированию предприятий автомобильной промышленности), а проект нового района разрабатывал ЦНИИЭП жилища (Центральный научно-исследовательский и проектный институт). Все работы проводились организациями совместно. Генеральный план предусматривал создание благоприятной среды, учитывающей прогрессивные нормативы по планировке и застройке жилых массивов с учетом природно-географических условий [1, с. 9]. Место строительства постоянно корректировалось, границы города смещались несколько раз: от берега Куйбышевского водохранилища вглубь материка на 5 км, в противоположную сторону от существовавшего города на 2,5 км. Причина переноса обусловлена наличием неустойчивых просадочных грунтов, воспринимающих нагрузку менее 2 кг/см² [2, с. 8]. В 1967 г. Волжская экспедиция МГУ установила, что за 50 лет берег продвинется на 150–200 м вглубь территории [4, оп. 1, д. 49. л. 8], и часть города подвергнется затоплению.

Генеральный план города разрабатывался под руководством архитектора Б.Р. Рубаненко. Архитектурные решения были подчинены целому ряду принципов: во-первых, четкое функциональное зонирование; во-вторых, единое планирование застройки; в-третьих, многоступенчатое бытовое обслуживание; в-четвертых, озелененное общественное пространство; в-пятых, разделение индивидуальных и грузовых транспортных потоков; в-шестых, развитый общественный транспорт; в-седьмых, полная обеспеченность всеми видами инженерных сооружений. В проекте оговаривалась потребность в скоростных автомагистралях с высокой пропускной способнос-

тью в расчете на обилие личного автотранспорта (200 машин на 1 тыс. человек) [2, с. 14].

План города постоянно корректировался на уровне областного Совета по делам строительства и архитектуры. Благодаря участию заинтересованных лиц в проект плана вносились постоянные изменения еще до начала основных работ. Предложения касались, в основном, благоустройства сельтебной территории и размещения гражданских сооружений. Таким способом было изменено направление улиц, чтобы снизить воздействие ветров; к центральной автомагистрали приближены ж/д и автовокзалы; больницы перенесены ближе к лесному массиву; увеличено число автостоянок; предусмотрена площадка под кладбище и свалку мусора; жилые дома перероентированы в сторону водохранилища для создания эстетичного вида; увеличена высотность жилых зданий для сохранения сельскохозяйственных земель и пр. Предлагались и не осуществленные идеи, например, создать внутригородской пассажирский речной транспорт [4, оп. 1, д. 49. л. 17-18].

Город рассчитывался на 330 тыс. человек – численность, достаточная для нормального функционирования предприятия и объектов соцкультбыта на перспективу после 1975 г. По состоянию на 1975 г. население новой части города достигло 230 тыс. человек. В 1966 г. ВАЗ получил разрешение на возведение сборных железобетонных домов с возможностью достройки до максимальной высоты в 16 этажей. На каждого человека, проживающего в городе, запланировали не менее 12 м² квартирной площади. Норма воды также была в среднем выше, чем по стране, – 420 л на человека в сутки. [3, оп. 1. д. 12. л. 22, 26].

Сборные конструкции для зданий и проектная документация создавались дочерними предприятиями Куйбышевгидростроя – заводами жилищно-бытовых конструкций, расположенных на левом и правом берегах Волги, а также Тольяттинским домостроительным комбинатом, который имел богатый опыт. Левобережный завод ЖБК ориентировался на выпуск пятиэтажных домов (мощность в год – 70 тыс. м²) и шестнадцатиэтажных домов (мощность в год – 70-100 тыс. м²), правобережный завод – на объекты соцкультбыта (мощность в год – 20 тыс. м²), домостроительный комбинат – на строительство всех типов домов (мощность в год – 50 тыс. м²), Куйбышевгидрострой в целом – на закладку фундаментов и подведение коммуникаций. На строительство были отправлены лучшие инженеры и передовые бригады [3, оп. 1. д. 12. л. 6, 10-12], поскольку требовалось ежегодно вводить в эксплуатацию не менее 300 тыс. м² жилой площади. Суммарная мощность заводов и комбината оказалась явно недостаточной, поэтому в г. Тольятти были доставлены передвижные домостроительные заводы, а с Нижнекамской базы стройиндустрии завозились готовые крупнопанельные дома в разобранном виде.

Застройка новой части г. Тольятти велась в соответствии с новыми стандартами, предъявляемыми к гражданской архитектуре и уровню жизни городского населения. В основу генерального плана города легли следующие приоритетные качества: удобство, обилие свободного пространства, эстетичность облика городской среды, учет природно-климатических условий местности при планировке, акцент на потребностях рядового гражданина. Строительство характеризовалось высокими потребностями в производственных мощностях, которые не могли быть удовлетворены за счет имеющейся производственной базы и требовали мобилизации ресурсов других регионов страны, из чего можно сделать вывод о дороговизне проекта. Город Тольятти построен специально для общества потребления, символом которого стал личный автомобиль. Он послужил площадкой для апробирования представлений об эталонной городской архитектуре и повышенных нормах комфортной жизни человека.

Библиографический список

1. Генеральный план новой части города. Проект I очереди строительства (1968-1971). [б. м.], [б.г.]. 49 с.
2. Рубаненко Б.Р., Образцов А.С., Савельев М.К. Новый Тольятти. М.: Знание, 1971. 64 с.
3. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-352.

С.Н. Абрашкин

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ ГУБЕРНАТОРА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ К.А.ТИТОВА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА В 1990-Е ГГ.

Утрата государством монополии на внешнюю торговлю в начале 1990-х гг. давала шанс субъектам Российской Федерации на расширение международного внешнеэкономического сотрудничества. Продвижению регионов в международном пространстве зачастую способствовала региональная исполнительная власть, от стабильности и влиятельности которой зависел дальнейший успех во взаимодействии с иностранными инвесторами. Привлечение международных инвестиций в регион способствовало росту популярности главы субъекта Российской Федерации и его команды.

В 1991-1992 гг. участие во внешнеэкономической деятельности главы администрации Самарской области К.А.Титова в основном сводилась к подписанию постановлений о регистрации предприятий с иностранными инвестициями [9, д. 35.л.8]. Например, в 1991 гг. было зарегистрировано совместное советско-итальянское предприятие «Мир» [9, д. 34. л. 128],

российско-германское совместное предприятие «Системы менеджмента и производства» [9, д. 34. л.133] ит.д. В 1992 г. была достигнута договоренность между Европейским экономическим обществом и администрацией Самарской области о комплексной технической помощи с целью использования европейского опыта в проведении экономических реформ: меры были направлены на сокращение потерь сельскохозяйственной продукции в процессе ее переработки, транспортировки, хранения и сбыта [9, д. 39. л. 4].

С середины 1990-х гг. субъекты Российской Федерации начали напрямую заключать соглашения с другими государствами и иностранными партнерами. Для успешного развития международного сотрудничества главам регионов необходимо было сформировать благоприятный имидж территории [6, с.62].

К.А.Титов лично принимал делегации западных предпринимателей: встреча с губернатором демонстрировала готовность региональных властей помогать инвестору в развитии его бизнеса. Обращалось внимание на предоставляемые гарантии, качество законодательства и состояние финансовой сферы региона [5, с.95].

К середине 1990-х гг. в Самарской области были запущены заводы по изготовлению и розливу «Coca-Cola» и «Pepsi-Cola», а кондитерское объединение «Россия» наладило совместное производство по выпуску шоколада с швейцарской фирмой «Nestle». Продолжалось строительство онкологического центра и реконструкция международного аэропорта «Самара» совместно с канадской провинцией Квебек [7, с.4].

В 1997 г. в рамках работы межправительственной комиссии «Гор-Черномырдин» вице-президент США Альберт Гор посетил Самару. Личные беседы с губернатором, нацеленность исполнительной власти региона на реформы, объективные преимущества благоприятного географического расположения и развитого промышленного комплекса во многом определили выбор Самарской области в качестве региона-участника программы Региональной инвестиционной инициативы (РИИ) [2, с.26-28]. Среди наиболее успешных программ РИИ в Самарской области были программа микрофинансирования малого бизнеса в Самарской области, программа консультирования местных органов власти по привлечению иностранных инвестиций [4, с.21].

В конце 1990-х гг. с помощью бизнесменов из США К.А. Титовым был организован иностранный Инвестиционный-консультативный совет, где директора фабрик, связанные с такими компаниями как «Кока-Кола» и «Дженерал Моторс», регулярно встречались и обсуждали общие и частные проблемы, влияющие на инвестиционный климат [10, с.25].

После визита президента ФРГ Романа Херцога в Самару в 1997 г. «Всеобщая франкфуртская газета» писала, что инвестиционной привлекательности Самарской области в многом способствовала фигура К. Титова, ко-

торый искал для региона новый экономический и политический путь развития посредством региональных законов, обеспечивающих поддержку иностранным инвесторам [2, с.26–28]. В 1998–1999 гг. были подготовлены и приняты законы «Об инвестициях в Самарской области», «Об особых экономических зонах на территории Самарской области», «положение о предоставлении областных государственных гарантий» и др. [1, с.153]. Обеспечение правовых гарантий инвесторов привело к концу 1990-х гг. к следующим результатам: В Самарской области действовало более трехсот совместных и иностранных предприятий, в создании которых принимали участие фирмы из более чем пятидесяти стран мира [3, с.211].

Таким образом, к началу 2000-х гг. Самарская область смогла наладить активные экономические связи с Швейцарией, Болгарией, Германией, Италией США, Китаем, Японией. Самарская область являлась безусловным лидером по масштабам и качеству внешнеэкономического сотрудничества. Роль губернатора Самарской области К.А.Титова в международной внешнеэкономической деятельности региона была значимой и успешной: построение либерально ориентированной экономики находило понимание и поддержку у иностранных предпринимателей, они не боялись вкладывать средства в развитие производства в Самарской области.

Библиографический список

1. Александров А.А. Самарская область: политические процессы, 1997–2000 // Феномен Путина и российские регионы. М., 2004.
2. Инвестиционный магнетизм Константина Титова // Волга-бизнес. 1999. №10.
3. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М.: Наука, 2000.
4. Кузнецова Ю.А. Американско-российские отношения в 90-е годы XX – начале XXI века: межгосударственный и региональный аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Саратов, 2008.
5. Кузнецова Ю.А. Американский капитал в экономике Самарской области в 1996–2005 годах // Вестник Самарского государственного университета. 2006. №10.
6. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика (на примере Ярославской и Самарской областей). М., 2002.
7. Самарская область. 1997 год. Официальный справочник. Самара: Корпорация «Федоров», 1998.
8. Самарская область. 1999 год. Официальный справочник. Самара: ЗАО Самарский информационный концерн, 2000.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.5140. Оп.1.
10. Экономика России уходит в регионы». (Из статьи Майлза А.Помпера) // Волга-бизнес. 1999. №10.

БОРЬБА ЗА УСТАНОВКУ ПАМЯТНИКА МИТРОПОЛИТУ ИОАННУ (СНЫЧЕВУ) В САМАРЕ

Биография и творчество митрополита Иоанна (Снычева) активно изучается в отечественной историографии, однако ряд проблем, в том числе об увековечении исторической памяти об одной из самых спорных фигур в истории Русской православной церкви, недостаточно изучены. Споры о личности и наследии митрополита ярко разгорелись в ходе борьбы за установку ему памятника в Самаре, растянувшейся на долгие годы.

В 2004 г. скульптор В. М. Клыков подготовил проект памятника по заказу организации «Самарский общественный комитет по увековечиванию памяти русского просветителя Иоанна (Снычева)». 5 октября 2007 г. глава г. о. Самара В. А. Тархов выделил под установку памятника место в сквере на пересечении улиц Чапаевской, Вилоновской и Молодогвардейской [15]. Однако установка памятника затянулась до 2013 г., хотя комитет по увековечиванию памяти Иоанна активно добивался решения этого вопроса [8; 9].

В 2010 г. администрация города приняла решение о разработке другого проекта памятника, а 25 ноября 2013 г. отменила свое предыдущее постановление об установке памятника в связи с нарушением норм муниципального законодательства [6]. Глава города Самары Д. И. Азаров полагал, что для его установки необходимо выбрать более подходящее место, чем площадь Куйбышева, которая ассоциируется у горожан с событиями Великой Отечественной войны [2; 5].

Против решения городской администрации активно выступила самарская патриотическая и православная общественность [4; 14]. 6 декабря комитетом по увековечиванию памяти Иоанна (Снычева) были организованы пикеты на ул. Галактионовской и в сквере на пл. Куйбышева [11]. В этот же день прошла встреча главы города Д. И. Азарова с представителями общественности и инициативных групп. На встрече В. А. Тархов представил проект парного памятника, изображающий двух митрополитов: Иоанна и его наставника и предшественника на Куйбышевской кафедре Мануила (Лемешевского) [1]. Над фигурами предполагалось установить открытую часовню, купол которой украсит икона Божьей Матери «Взыскание погибших». Мемориальный комплекс планировалось установить на Ильинской площади. В данном проекте Иоанн предстает в образе обычного архиерея, выступающего только как церковный лидер, в первую очередь значимый духовно-нравственными качествами. Объединение в мемориальной композиции фигур двух архиереев способствует потере всероссийского

значения образа Иоанна и дополняет его характеристиками аполитичного регионального церковного деятеля. Место установки на Ильинской площади, занимающее второстепенное место в городском пространстве, способствует падению значимости личности митрополита по сравнению с первым проектом памятника. В ходе активного обсуждения было высказано несколько оригинальных точек зрения. Д. И. Азаров предложил памятник В. М. Клыкова подарить Санкт Петербургу [7]. Историк П. С. Кабытов высказал идею поместить его на территории кафедрального Покровского собора [1]. В результате вопрос был передан на обсуждение в городскую Общественную палату.

В 2014 г. произошел конфликт между либеральной и консервативной общественностью по поводу установки памятника. 12 декабря 2013 г. общественные и культурные деятели, среди которых В. Л. Лехциер, И. В. Саморукова и С. М. Лейбград, написали главе города открытое письмо с просьбой отказаться от планов увековечивания памяти митрополита Иоанна в пространстве города [16]. 27 января 2014 г. было опубликовано ответное письмо представителей консервативной интеллигенции: Г. А. Зюганова, А. А. Проханова, З. Н. Прилепина, В. Г. Распутина и др. – с критикой позиции самарских деятелей культуры. Обосновывая важность установки памятника, они отметили, что митрополит Иоанн был «признанным духовным лидером православно-патриотических сил России, создателем современной идеологии русского национального возрождения» [10].

В 2006 г. руководство Самарской епархии не высказывало своего мнения по данной проблеме [13], но уже в 2012 г. митрополит Сергей назвал идею установки памятника «противоречащей воле Священноначалия и канонически неприемлемой» [12]. Это было вызвано отказом патриарха Алексия II в ответ на личное обращение главы епархии благословить инициативу установки памятника. Однако, несмотря на занятую митрополитом Сергием однозначную и жесткую позицию, уже через год она меняется на противоположную без очевидных причин. В ходе встречи главы Самары с инициативными группами 6 декабря 2013 г. представитель Самарской митрополии священник Иоанн Мохов высказал идею установки сразу двух памятников: парный памятник оставить в Самаре, а проект Клыкова установить в Санкт-Петербурге [3]. Парный вариант памятника в итоге получил поддержку митрополита Сергея [1].

Таким образом, позиция Самарской епархии по поводу установки памятника кардинально менялась несколько раз без видимых причин. В начале движения за увековечивание памяти она являлась нейтральной. Затем, очевидно после консультаций с патриархом Алексием II, была изменена на негативную. Но уже через год епархия одобрила установку памятника, который освящал сам митрополит Сергей. Скорее всего, местная

церковная власть решила поддержать мнение городской администрации по установке идеологически нейтрального памятника, для того чтобы окончательно решить многолетнюю проблему. 16 октября 2014 года памятник митрополитам Мануилу (Лемешевскому) и Иоанну (Снычеву) на Ильинской площади был торжественно открыт. Памятник В. М. Клыкова до сих пор не установлен

Библиографический список

1. В Самаре появится памятник митрополиту Иоанну Снычеву // Самарская газета. 2014. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://sgpress.ru/news/50436> Дата обращения: 15.10.2022.

2. Дмитрий Азаров встретится со всеми инициаторами установки памятника митрополиту Иоанну Снычеву // Независимое Информационное Агентство Самара. 2013. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.niasam.ru/obschestvo/dmitrij-azarov-vstretitsya-so-vsemi-initsiatorami-ustanovki-pamyatnika-mitropolitu-ioannu-snychevu-26488.html> Дата обращения: 15.10.2022.

3. Как увековечить память митрополита Иоанна Снычева? // Комсомольская правда. 2013. 10 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26170.2/3056740/> Дата обращения: 15.10.2022.

4. Место установки памятника митрополиту Иоанну обсудят с общественностью – Азаров // 63.ru. 2013. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/gorod/2013/11/26/23781728/> Дата обращения: 15.10.2022.

5. Мэрия Самары не отказывалась от установки памятника Иоанну Снычеву // РИА Новости. 2013. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131125/979601186.html> Дата обращения: 15.10.2022.

6. Мэрия Самары отменила решение об установке памятника Иоанну Снычеву // РИА Новости. 2013. 13 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131125/979581451.html> Дата обращения: 15.10.2022.

7. Мэр Самары предложил подарить Петербургу недоделанный памятник митрополиту Иоанну // Gazeta.SPb. 2013. 6 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta.spb.ru/1530881-0/> Дата обращения: 15.10.2022.

8. На памятник митрополиту Иоанну Снычеву, отмененный Азаровым, ушло 3,5 млн. руб. народных пожертвований // Блог Михаила Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/749954.html> Дата обращения: 15.10.2022.

9. Ответ Министерства культуры РФ от 11 сентября 2011 года на обращение Л.П. Симдяновой // Блог Михаила Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/749954.html> Дата обращения: 15.10.2022.

10. Памятнику владыке Иоанну быть! // Завтра. 2014. 27 января [Электронный ресурс]. URL: <https://zavtra.ru/events/pamyatniku-vladyike-ioannu-byit> Дата обращения: 15.10.2022.

11. Пикет за установку памятника митрополиту Иоанну проведут в Самаре // РИА Новости. 2013. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131205/982156129.html> Дата обращения: 15.10.2022.

12. Письмо управляющего Самарской епархией в ответ на обращение министра культуры Самарской области Рыбаковой О.В. № 423 от 11 августа 2012 года // Блог Михаила Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/749954.html> Дата обращения: 15.10.2022.

13. Письмо управляющего Самарской епархией в ответ на обращение Самарского общественного комитета по увековечиванию памяти Русского Просветителя Иоанна (Снычева) № 298 от 6 апреля 2006 года // Блог Михаила Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/749954.html> Дата обращения: 15.10.2022.

14. По вопросу установки памятника Митрополиту Иоанну (Снычеву) работы В.М. Клыкова в Самаре (комментарий В.В. Воробьева и М.М. Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fJqTLchvAFs&t=111s> Дата обращения: 15.10.2022.

15. Постановление главы г. о. Самара № 822 «Об установке памятника общественному деятелю Снычеву И.М.» // Блог Михаила Матвеева [Электронный ресурс]. URL: <https://blog-matveev.livejournal.com/749954.html> Дата обращения: 15.10.2022.

16. Соломоново решение могло бы состоять в том... // Засекин. 2013. 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://zasekin.ru/news/1837-neobhodimost-pamyatnika-mitropolitu-ioannu-vsyo-taki-vizivaet-somneniya/opinion/5016> Дата обращения: 15.10.2022.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

А.П. Воробьев

Самарский национальный исследовательский университет

РОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

В 1453 г. пал Константинополь, в лице которого потерпела поражение не просто столица большой империи, но центр всего Вселенского Православия. Последняя четверть XV – начало XVI в. стали переломным временем для русской государственности: в этот период Русь освободилась от власти Золотой Орды, определился лидер собирания русских земель в лице Москвы. Эти три эпохальных события не могли не найти отражения в литературных памятниках общественно-политической мысли. Наложение этих трех факторов привело к рождению оригинальной концепции преемственности от римской государственности, известной как «Москва – третий Рим». Об этом наша статья.

Тема данной концепции попутно затрагивалась в работах советских историков: Н.М. Золотухиной [3], Я.С. Лурье [4]. Среди современных работ особого внимания заслуживает исследование Е.А. Бауэр, посвященное вопросу изучения концепции «Москва – третий Рим» в отечественной историографии XX в. [2], а также работа Н.Е. Сеницыной [7], чья заслуга заключается в наиболее комплексном изучении данной проблемы.

«И ныне же, в последни сия лета, якоже з и в первая, прослави бог сродника его, иже в православии просившаго благовернаго и христоробиваго великаго князя Ивана Васильевича, гасударя и самодръжца всея Руси, новаго царя Константина, новому граду Константину – Москве и всея Русской земли, и иныи многим землям гасударя» [1, с. 60], – писал митрополит Зосима в «Изложении пасхалии» на восьмую тысячу лет еще в 1492 г. в условиях, когда не оправдалось предположение конца света, должного настичь человечество по истечении седьмого тысячелетия. То есть это было время, когда наиболее острые эсхатологические ожидания в русском обществе не оправдались, что было по-разному им пережито. Преследуя цели укрепления веры, Зосима в «Изложении» писал про последние времена и второе пришествие, что «о дни же и часе никто же не весть, якоже и божественный евангелист глаголет: “Ни аггелы, иже суть на небесех, токмо отецъ”» [1, с. 61]. В этом контексте родилась концепция «Москвы – нового

града Константина», получившая в XVI в. широкое развитие, будучи видоизмененной в теорию «Москвы — третьего Рима».

В конце XV- начале XVI в. появляется несколько религиозно-мистических сочинений, основанных на применении библейской символики к русской политической действительности. Актуальность им придавало падение Константинополя и завоевание турками других православных государств, среди которых русское — единственное сохранившее свободу и веру. Так, игумен псковского Елеазарова монастыря старец Филофей в послание «О неблагоприятных днях и часах» М. Мисюрю Мунехину впервые называет Россию «Третьим Римом» [6, с. 186-187].

Его адресат — Мунехин Михаил Григорьевич по прозвищу Мисюрь — был хорошо образованным человеком и широко известным в кругах интеллектуальной элиты страны, что подтверждается его перепиской с рядом крупных деятелей того времени. Тексты самого Мунехина не сохранились, но из ответов его корреспондентов известны обсуждавшиеся в них темы (в частности, в одном из посланий Н. Булева — увлекавшегося астрологией придворного врача Василия III — где речь шла о предсказанном на февраль 1524 г. европейскими астрологами всемирном потопе. За разъяснениями Мунехин обратился к Филофею, в ответе которого и была впервые четко изложена известная нам концепция «Москва — третий Рим» [5, т.21, с. 439-440]. «Так знай <...>, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть Римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [6, с. 193-194], — писал Филофей своему пытливому адресату, оформив тем самым известную мессианскую идею «Москвы — третьего Рима»

Однако, как замечает Н.В. Синицына, «послание Филофея псковскому великокняжескому дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину не было первым этапом. Ему предшествовали несколько несохранившихся памятников, пластов полемики. Во-первых, послание Николая Булева Мисюрю, во-вторых, послание Мисюря Филофею, включившее фрагмент предшествующего послания. Третьим этапом был реальный ответ — послание Филофея Мисюрю, и уже четвертым — дошедшая до нас структура, созданная при включении памятника в русло рукописной книжности. Она содержала не только Послание Филофея, но и своеобразное Предисловие, описывающее обстоятельства его создания» [7, с. 175]. Основная мысль первого звена в этой цепочке — послания Н. Булева М. Г. Мунехину — заключалась в пропаганде концепции униатских идей, так сказать, «обернутых» в оболочку астрологического предсказания. Ее критика и стала основным предметом послания Филофея.

Н.М. Золотухина отмечает, что «в литературе до сегодняшнего дня не решен вопрос о том, стала ли теория Филофея официальной идеологией Московского государства» [3, с. 64]. Как бы то ни было, «теория Филофея

была усвоена современниками и последующими поколениями русских людей, входила в состав самых разнообразных официальных документов и художественных произведений, была признана как высшей церковной, так и государственной властью» [3, с. 67].

Завершая рассмотрение вопроса рождения концепции «Москвы – третьего Рима», можно отметить ее эсхатологическую почву. К ее созданию, как прямо, так и косвенно, приложил руку не один человек, ибо у Филофея был и предшественник в лице митрополита Зосимы. Более того, следует признавать и вклад Николая Булева: его униатские идеи дали толчок той критике русских книжников, результатом которой стало финальное оформление представлений о преемственности России по отношению к Византийской империи, давно существовавших в среде образованной части русского общества.

Библиографический список

1. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1986.
2. Бауэр Е.А. Идея «Москва – третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия: Монография. Нижневартовск, 2011.
3. Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.
4. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.
5. Назаров В.Д. Мунехин // Большая российская энциклопедия. Т. 21. М., 2012.
6. Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, Ас. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. АА Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2011.
7. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М., 1998.

И.С. Самсонова

Самарский национальный исследовательский университет

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Возрастающая роль межкультурного взаимодействия и межэтнических отношений способствует активизации изучения явлений общественной жизни, а также разработке понятийного аппарата для характеристики данных явлений. Проблемы теории и практики межэтнических отношений подразумевают под собой значительный перечень понятий, к которым относится и понятие интернационализма.

Первые теоретические разработки понятия интернационализма восходят ко второй половине XIX века, к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, которые отождествляли его с единством действий, общностью интересов, с равенством прав [2, с. 353].

В дальнейшем в зарубежной научной и общественной мысли понятие «интернационализм» не получило широкого распространения. Это связано, во-первых, с его принадлежностью к философии марксизма, выступавшей антагонистом демократическим ценностям общества, во-вторых, с ростом популярности понятия «космополитизм», характеризующимся размыванием национальных границ. В настоящее время зарубежными исследователями разрабатывается преимущественно понятие космополитизма, которое противопоставляется интернационализму в марксистской трактовке. Среди современных исследователей, обращавшихся к понятию интернационализма в данном контексте, можно выделить немецкого социолога и философа У. Бека, а также шотландского теоретика Т. Нейрна.

В отечественной историографии проблема интернационализма является более рассматриваемой, нежели в зарубежной.

Изучение такого явления как интернационализм можно обнаружить в дореволюционной историографии. Данный вопрос разрабатывали в своих трудах лидер большевиков В.И. Ленин, меньшевик А.Н. Потресов, философ А.Н. Бердяев.

В советский период проблема интернационализма получила комплексное развитие. В частности, в научной литературе получили освещение такие вопросы как принципы интернационализма (М. Ветешник, Т.С. Сарсенбаев, А.П. Бутенко, С.С. Хромов и др.) и его особенности (М.С. Джунусов, И.И. Серова, Л.В. Метелица и др.), экономические аспекты интернационализма (В.Г. Смольков, Э.А. Уткин, Е.М. Трененков и др.) и место интернационализма как в социальной сфере (Ц.А. Степанян, В.П. Шерстобитов, К. Н. Сануков и др.), так и в политической жизни общества (А.М. Куц, И.Ф. Аношкин, М.Л. Гутин, А.В. Самосудов и др.).

В современных исследованиях понятие «интернационализм» используется для характеристики различных мировых социально-политических явлений и процессов. В частности, можно выделить рассмотрение интернационализма в контексте гражданско-патриотического воспитания (Г.Я. Гревцева, Н.В. Кодякова, Р.Т. Гардамов, Л.Г. Куц, М.В. Циулина и др.), идентификации человека с конкретными социальными группами (А.Д. Карнышев, Н.М. Лебедева, А.И. Куропятник и др.), идеологии равенства, братства, взаимопомощи (М. Р. Арпентьева, М.Р. Минигалиева, Л.И. Гришаева и др.), межэтнического взаимодействия (Е.М. Соловов, И.С. Лысенко и др.).

В большевистском дискурсе интернационализма начала XX века можно выделить два направления развития. Это обусловлено двойственной трак-

товкой большевиками термина «нация»: 1) национальное меньшинство; 2) национальное государство.

Первое направление в развитии большевистской концепции интернационализма было связано с разработкой стратегии управления полиэтничным государством и обеспечением согласия между этносами в условиях многоэтнического общества [4, с. 13]. В резолюции по итогам совещания ЦК РСДРП в Поронино в 1913 году были сформулированы принципы большевиков по национальному вопросу: равноправие всех наций и языков, право наций на самоопределение, недопустимость национально-культурной автономии [3, с. 57-59]. Второе направление развития интернационалистической концепции большевиков предполагало удержание мировой солидарности пролетариата в условиях Первой мировой войны. При этом пропаганда националистических ценностей расценивалась в качестве попытки буржуазии «подорвать и ослабить интернациональное единство и солидарность пролетариата» [1, с. 68].

Идеи интернационализма в контексте международного коммунистического движения нашли свое отражение в итогах VI съезда РСДРП (б) (август, 1917 год), главным образом в резолюциях «Предвыборная кампания в Учредительное собрание» и «Партия и профессиональные союзы».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Интернационалистская терминология появляется в трудах большевиков в контексте разработки национального вопроса. Большевистская концепция интернационализма имела дуалистический характер, поскольку термин «нация» имел несколько трактовок. Интернационалистическая терминология большевиков положила начало идеологическим и практическим основам будущего советского государства как в «национальной политике» внутри страны, так и во внешней политике. К моменту прихода большевиков к власти в 1917 г. «интернационализм» прочно вошел в их политический дискурс.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т.27. С. 61-68.

2. Маркс К. Общий Устав международного товарищества рабочих // Маркс К. Избранные произведения: в 2 т. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1940. С. 353-356.

3. Резолюции летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 24. С. 45-61.

4. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: МГУ, 2013. 2-е изд., исправл. и допол. 416 с.

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ»

Земско-городские съезды стали основой формирования партии. Организационно октябристы создали свое объединение в последних числах октября 1905 года на совещаниях либеральных земцев и представителей крупной буржуазии, в это же время шло формирование Московского и Петербургского отделов Центрального комитета партии [1, с. 109].

На сентябрьском земском съезде 1905 года А.И. Гучков (будущий лидер октябристов) пытался объединить консервативные силы на националистической основе, опираясь на нежелание предоставлять автономию Царству Польскому.

В 1904-1905 гг. было создано множество партий, близких к октябристам. Страх перед революцией и обострение национального вопроса заставили их сблизиться. Помимо этого многие партии желали изменить состав правящей бюрократии, который был настроен против Государственной думы [4, с. 170].

Партийная программа выражала интересы крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии, которая ставила целью приспособить общественно-экономические отношения под новые условия [5, с. 161].

Существовали разные взгляды на то каким должен был стать Союз 17 октября. Д.Н. Шипов пытался создать не партию в западно-европейском понимании, а платформу, которая объединит все умеренные силы для взаимодействия с правительством, но по причине того, что А.И. Гучков и М.В. Родзянко хотели создать партию в полном смысле этого слова и поддержали жесткие меры правительства, вышел из партии [7, с.222].

6-13 ноября 1905 года на Московском совещании земских и городских деятелей был одобрен Манифест 17 октября, но была принята резолюция, по которой планировалось создать избираемый представительный орган, который будет играть роль Учредительного собрания, которое разработает конституцию. Шестнадцать человек посоветовали оказывать правительству поддержку, а не диктовать ему условия. В дальнейших съездах они участия не принимали и создали партию «Союз 17 октября», которая ставила целью обеспечить порядок и законность с авторитетной властью при этом отвергали экономический застой и революционный путь [6, с. 404].

4 декабря 1905 года состоялось первое общее собрание партии в Петербурге, на котором было сказано о необходимости выработки программы, распространении идей в сельской местности, бойкоте революционных изданий и полной поддержке октябрьского манифеста [3, ф.869. оп.1. д.1286. л.20-26].

Выборы в первую Государственную думу заставили партии блокироваться. В.М. Петрово-Соловово сказал, что если не будет создано одной партии, то будет заключен их союз. В результате 31 декабря московские октябристы блокируются в Москве с Торгово-промышленной партией, а в Петербурге 3 марта 1906 года они образован объединенный комитет с несколькими близкими партиями. В результате от предпринимателей в думу прошли 16 человек [2].

Устав «Союза 17 октября» не запрещал членства в других партиях и организациях, члены партии не обязаны были вносить взносы, поэтому и был рыхлым образованием. Несмотря на попытку руководства внедрить партийные методы управления, многие октябристы называли объединение «дискуссионным клубом» [1, с. 111].

Октябристы были ответом крупной буржуазии на революционные выступления. «Союз 17 октября» представлял собой особую форму политической организации, занимал положение между союзной платформой и политической партией. История возникновения говорит о том, что несмотря на медленное организационное программное становление «Союз 17 октября» смог стать партией, даже являясь верхушечной и не представлял широкие слои населения.

Библиографический список

1. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2000. 631 с.
2. Петров Ю.А. Российская буржуазия в начале XX века: попытки политической консолидации // Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Москва: ИРИ РАН, 2000. № 2. С. 218-257 [Электронный ресурс]URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=25>
3. Российский государственный исторический архив (РГИА).
4. Черванин Н. Процесс самоопределения октябристов // Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. 3. Кн. 5: Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб.: Тип. Товарищества “Общественная Польза”, 1914. С. 183-227.
5. Шелохаев В.В., Павлов Д.Б. Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905–1907 гг. Документы и материалы // История СССР. 1991. № 2. С. 160-173.
6. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918.
7. J.F. Hutchinson The Octobrists and the Future of Imperial Russia as a Great Power // The Slavonic and East European Review. Vol.50, No.119 (Apr., 1972), pp.220-237.

ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ

На протяжении всей российской истории XX века, насыщенной крупными событиями, политическими экспериментами, происходила кардинальная трансформация ценностей, в том числе, связанных и с миром детства. Благодаря особой роли воспитания, образования, трансляции социальных ценностей посредством семьи, история детства способна предоставить ценные сведения для анализа формирования «нового» человека под воздействием прямых репрессивных и дискурсивных идеологических практик, осуществляемых, в первую очередь государством.

Необходимость в изучении истории детства была осознана исторической наукой не сразу. Российский «детский мир» был практически исключен из сферы исторического знания и историографической практики [6, с. 12]. Это было связано с тем, что историческая наука ориентирована, прежде всего, на изучение «истории сверху», а также традиционное отношение общества к ребенку как к «неполноценному и несостоявшемуся» взрослому приводило к исключению его из поля исследования. Изучение «детского опыта» вполне может быть применено при реконструкции «взрослой» повседневности той или иной эпохи, в частности, изучаемого нами периода первых лет советской власти.

Целью данной статьи является изучение способов трансформации детского мира в изменяющийся социально пространственный и политический контекст в первые года советской власти через призму так называемого «детского движения».

История пионерской организации в контексте более общей проблемы детского движения на современном этапе методологического плюрализма представляет несомненный научный интерес. Но вызывает некоторое недоумение тот факт, что пионерская организация вообще не попала в поле зрения исследователей, работающих в сфере культурной антропологии: организованное детское коммунистическое движение с его ритуальной и культовой практикой, с его корпусом документов, в том числе и «самодельных», разнохарактерных печатных изданий и, в конце концов, фольклором, оказалось на задворках современных антропологически ориентированных исследований.

Ребенок неизменно расценивался как воплощение будущего революции, а «счастливое детство» — как результат социалистических преобразований [6, с. 52]. Государство становилось «большой семьей», политические

лидеры — «отцами», мужчины и женщины — «сыновьями и дочерьми», дети — «внуки октября». К. Кларк отмечает, что в 1920-е гг. преобладала горизонтальная ось — «братья и сестры» [1, с. 118].

Внедрение новых, советских ценностей в детское сознание происходило посредством «новой» детской литературы и сказки, учебников и учебных пособий, а также детского кино для подрастающего поколения. Более всего идеологизация проявлялась в специальной литературе. Наравне с идеологизированной существовала «великая» детская литература, где допускалась большая свобода жанра и слова [4, с. 31]. Однако, литературное наследие даже безыдейных детских авторов содержала вполне советские идеалы и образцы. Так, в стихотворении «Игра» Даниила Хармса существительное «самолет» употребляется с прилагательным «советский» [6, с. 55].

Мифологизация являлась основой для оценки детьми различных исторических личностей. Так, в книге Н. Тумаркина «Ленин жив!» очень обстоятельно и источниковедчески доказательно рассматривается превращение имени Ленина в ключевую фигуру ценностно-семантического поля массового детского сознания в 1920-е гг. [7].

В текстах песен задаются идеологические приоритеты: труд, наш, дружба, борьба, работа. Словами «барабан», «лагерь», «песня», «знамя», «ряд» создается контекстное окружение для субъектов действия [2, с. 11].

Детские социокультурные практики начала XX в. породили особые, очень специфические «детские» тексты-воспоминания. Данный источник обладает высокой эмоциональностью, фантазийностью представлений, символическостью образов, а также «плохостью», то есть несовершенством письма вне зависимости от происхождения источника. Скучность языка в полной мере окупается внутренней достоверностью и предельной честностью ребенка: «Я пишу теми словами, какими мне все это казалось» или «Я не умею врать, а пишу, что правда» [6, с. 78].

Картина детского мира была представлена и в советском художественном кинематографе, особенно в фильмах, созданных конкретно для детей. Например, в 1924 г. был снят фильм «Как Петюнька ездил к Ильичу» (реж. М.И. Доронин), который утвердился в кинематографе на правах особого жанра: спасенные от голода в Поволжье Петюнька и его сестра, став детдомовцами, связывают свое наступившее благополучие с именем Ильича (Ленина) и поэтому воспринимают его смерть как личное горе. Сам кинематограф тоталитарной эпохи был, по существу, превращен в «футурологию оруэлловского типа, где дети представляли как взрослые маленького роста, своего рода пришельцы из прекрасного мира коммунизма в пока еще несовершенный взрослый мир строящегося социализма» [5, с. 23], то отношение самих детей советским детским фильмам было далеко не однозначным, и не все дети высказывали восторг по поводу революционного кино.

После 1917 года у российских детей наступило «другое» детство. На смену прежней системе ценностей и текстов поведения пришло новое сконструированное социо-культурное пространство. Дети стали расцениваться как образцовые носители нового социального порядка, во имя которых была осуществлена революция и оказались вовлеченными в оптимизм новой социальной утопии построения светлого коммунистического будущего. Одной из важнейших форм, в которой происходило это великое социальное конструирование — было пионерское движение.

Библиографический список

1. Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. Сост. Г.В. Макаревич. М. — Тверь: Научная книга, 2008. 386 с.
2. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
3. Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.08; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006. 24 с.
4. Майофис М., Кукулин И. Семиотика детства: Вступительная заметка // Новое литературное обозрение. 2002. №58.
5. Нусинова Н. «Теперь ты наша» Ребенок в советском кино. 20–30-е годы // Искусство кино. 2003. №12.
6. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория, практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.: ил. 63.
7. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

Н.А. Мурзаков

Самарский государственный социально-педагогический университет

«КИРОВСКИЙ ПОТОК» И ПОЗИЦИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ БЫВШИХ ДИПЛОМАТОВ)

Совершенное 1 декабря 1934 года убийство секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова стало поводом к усилению внутривластных репрессий, впоследствии получивших название «Кировский поток». Обращая внимание на неоднозначность результатов расследования, ряд исследователей указывают на его сфабрикованный характер [1; 2]. Одним из направлений следствия был поиск следов участия белоэмигрантских организаций в подготовке и осуществлении убийства, поэтому стоит рассмотреть взгляд на события «снаружи» — позицию эмигрантских кругов по этому делу.

Источниками для анализа стала частная переписка между дипломатами Е.В. Саблиным и В.А. Маклаковым, представлявшими интересы русской эмиграции в Великобритании и Франции соответственно. В период с де-

кабря 1934 по январь 1935 г. корреспонденты обменивались мнениями о вышеупомянутых событиях, а также сопровождали свои сообщения информацией из различных источников в странах своего пребывания.

Первое письмо Е.В. Саблина В.А. Маклакову, содержащее упоминание об убийстве С.М. Кирова, датировано 6 декабря 1934 года. Саблин пишет о том, что местная коммунистическая газета сразу же предприняла попытку увязать убийство с деятельностью белогвардейцев. На основании этого у него возникла идея обратиться в газету «Таймс» с письмом, в котором он хотел бы от лица русской эмиграции выразить непричастность к событиям и выступить с осуждением таких форм борьбы [3, с. 205]. Несмотря на твердость своей позиции, Саблин не решается высказаться от лица всей эмиграции, т.к., по словам А.В. Тырковой «в Париже все «таксичники» радуются такого рода актам», а иначе говоря, эмиграция в своем большинстве сочувствует террористическим актам против большевистских лидеров. В связи с этими сомнениями Саблин обращается за мнением Маклакова.

В ответном письме от 12 декабря 1934 г. В.А. Маклаков подтверждает его сомнения, и пишет о том, что большая часть эмиграции сочувствует террористическим актам. Маклаков вспоминает здесь убийство П.Л. Войкова и торжественное заседание в честь Б. Коверды, его убийцы, организованное представителями эмиграции. Маклаков считает, что к выступлению Саблина эмигрантская среда отнеслась бы с полным негодованием [3, с. 208–209].

Письмо Е.В. Саблина от 14 декабря 1934 г. весьма показательно. За невозможностью обратиться с осуждением теракта самостоятельно, Саблин обратился в письме, «указывая на возобновление террора в России в связи с убийством Кирова» к сэру О. Чемберлену с просьбой «возвысить свой голос против бессудных расстрелов в нашем отечестве» [3, с. 213]. Также Саблин сообщает, что рассылал письма британскому политическому эстеблишменту с просьбой обратить внимание на новые декреты «ЦИКа об упрощенному порядке рассмотрения дел о лицах, обвиняющихся в связи с террористическими организациями». Все эти действия Е.В. Саблин проводит «для очистки совести».

Следующее письмо В.А. Маклакову от 16 декабря уже содержит четкую позицию по делу убийства Кирова, вызвавшему уже «около сотни казней и тысячи арестов». Е.В. Саблин предполагает, что «большинство казненных и арестованных не имели к факту убийства никакого отношения», а затем прямо заявляет, что советское правительство «использует этот акт терроризма для того, чтобы упрочить свое положение и вывести в расход под «благовидным предлогом» всех неугодных лиц» [3, с. 219]. Также он отмечает стремление большевиков «создать впечатление, что оно было инспирировано из заграницы и являлось, таким образом, делом контрреволюционеров-белогвардейцев». Здесь же Саблин отмечает тягу некоторых эмигрантских организаций приписывать себе «многие события контрреволюционной борьбы в России», приводя в пример «Братство русской правды».

В.А. Маклаков в своих ответных письмах от 22 декабря и 16 января подчеркивает свою позицию по отношению к террору: «уже больше ста человек расстреляно, и в этот момент нам присоединять к этому наше моральное осуждение жертвам – не элегантно» [3, с. 225], «ни подстрекать террористов, ни топтать их, когда они в руках палачей» [3, с. 248]. Попытка занять нейтральную позицию В.А. Маклаковым по делу об убийстве Кирова объясняется недостаточностью информирования о том, был ли теракт действительно совершен контрреволюционной группой, имелось ли в нем участие эмигрантских организаций. Маклаков лишь высказывает мнение, что «к несчастью, такие шаги, как николаевские, служат только на пользу большевикам и усилению террора...» [3, с. 248].

Таким образом, несмотря на разницу позиций по отношению к убийству Кирова, оба представителя эмиграции сошлись во мнении, что оно стало удобным оправданием для последующего проведения партийной верхушкой массовых репрессий. Что же касается широких эмигрантских слоев, то ими убийство крупного большевистского деятеля было воспринято как успешный результат работы контрреволюционных организаций. О реальных обстоятельствах дела и последующих событиях эмиграция была не информирована.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э., Михеенков В.П., Шубин Н.А. Выстрел в Смольном: заговор или «Трагическая случайность»? // Сервис в России и за рубежом. 2012. №4. С. 108-121.
2. Тихий К.Т. Пролог «Большой чистки» (убийство С. М. Кирова и мнение американских дипломатов) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. №4 (23).
3. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940: Сборник документов в двух книгах. Книга первая: 1934-1937. М.: Гея, 1998. 562 с.

Д.Р. Ямаева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П.Н. МИЛЮКОВА И А.Ф. КЕРЕНСКОГО

Задачей исследования стал контент-анализ воспоминаний П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского [1;2]. Были выделены основные смысловые единицы и осуществлен математический подсчет объема информации за хронологический отрезок январь-май 1917 г. из общего объема воспоминаний (табл. 1).

Таблица 1

Анализ объема информации у Керенского и у Милокова

Смысловые единицы контент-анализа	Объем информации в воспоминаниях, в страницах			
	А.Ф. Керенского		П.Н. Милокова	
	в абсолютных единицах	в %	в абсолютных единицах	в %
Первые месяцы революции	8	8,16	6	5,36
Причины революции	11	11,22	19	16,96
Отношение к самодержавию	13	13,26	16	14,29
Временное правительство	51	52,05	38	33,93
Отношение к первой мировой войне	15	15,31	33	29,46
Итого	98	100,0	112	100,0

Данные таблицы 1 показывают, что объем информации, посвященной смысловым единицам контент-анализа в абсолютных единицах в воспоминаниях политиков, примерно одинаков. Однако в воспоминаниях П.Н. Милокова больше внимания уделяется анализу причин Февральской революции, оценке самодержавной власти и проблем военного времени. В воспоминаниях А.Ф. Керенского фактически более половины объема информации посвящено оценке деятельности Временного правительства. Оценка относительных показателей показывает, что наибольшее внимание Керенский уделяет временному правительству и войне, также как и Милоков. На третьем месте по значимости Керенский раскрывает вопрос отношения к самодержавию, а Милоков анализирует причины Февральской революции. Керенский о причинах революции рассуждает меньше. У обоих авторов менее всего в количественном объеме отводится описанию первых дней революции. Далее были выделены индикаторы смысловых единиц (таблица 2).

Таблица 2

Индикаторы смысловых единиц

Смысловые единицы контент-анализа	Индикаторы
Первые месяцы революции	народ, царь, правительство, рабочие, забастовки, стачки,
Причины революции	война, царь и народ, реформы, отсталость, кризис.
Отношение к самодержавию	закономерность, кризис власти, уступки власти, внешняя политика.
Временное правительство	свобода, рабочие и солдаты, интересы народа, реформы, война.
Отношение к первой мировой войне	причины войны, ошибки старой власти, проблемы вооружения и офицерства

Был произведен анализ частоты употребления наиболее употребляемых слов (табл. 3).

Таблица 3

Анализ частотности употребления смысловых единиц

Смысловые единицы	Частота употребления			
	в абсолютных единицах		в %	
	А.Ф. Керенский	П.Н. Милюков	А.Ф. Керенский	П.Н. Милюков
Первые месяцы революции	29	51	6,39	7,13
Причины революции	63	137	13,88	19,16
Отношение к самодержавию	84	117	18,5	16,36
Временное правительство	164	236	36,12	33,01
Отношение к первой мировой войне	114	174	25,11	24,34
Итого	454	715	100,0	100,0

За единицу счета принималось одно появление смысловой единицы в единице текста — каждой странице. Изучение воспоминаний А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова позволило определить круг проблем, находившихся в центре внимания политиков, и определить их эмоциональные реакции. Проведенный анализ показал особенности взглядов авторов на характер Февральской революции и предшествующих ей событий, деятельность Временного правительства. Они примерно в равных долях освещены в воспоминаниях и имеют достаточно большой объем информации, что показывает значимость этих событий в жизни авторов.

На такие смысловые единицы как первые месяцы революции, причины революции, отношение к самодержавию, приходятся наименьшие проценты от всего объема воспоминаний, однако в сумме они занимают более половины всего объема информации. Эмоциональные реакции политиков разнятся, поскольку окрашены личными симпатиями и антипатиями, авторы стремятся преувеличить свою роль в событиях Февральской революции и показать себя с наилучшей стороны.

Библиографический список

1. Керенский А.Ф. Русская революция 1917 / Пер. с фр. Е. Нетесовой. М., 2005. 383 с.
2. Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1. Противоречия революции. Киев: Летопись, 1919. 171 с.

А.Ф. КЕРЕНСКИЙ И КООРДИНАЦИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ В США

К середине двадцатого века русская эмиграция в США имела несколько представительных организаций, которые были на грани распада или слишком разрознены между собой. Американское правительство было заинтересовано в унификации этих организаций, как в эффективном средстве борьбы против коммунизма. В перспективе, благодаря поддержке и финансированию американского правительства, эта организация, по мнению американских экспертов, должна была перерасти в мощный антикоммунистический Объединенный фронт и стать ценным союзником для США против «московского коммунизма» [3, с. 2-4]. В связи с этим в Нью-Йорке в 1948 г. для «координации левых сил на демократической основе» была создана Лига борьбы за народную свободу, возглавляемая А.Ф. Керенским и Б.И. Николаевским.

Лига называла себя «объединением групп нескольких политических течений с целью борьбы за демократическую-республиканскую федерацию народов России». Ее программа базировалась на «достижениях Февральской Революции» и оставляла детали будущего устройства России Учредительному собранию. Влияние Лиги достигло некоторых сегментов новой эмиграции через их собственные бюллетени, периодические публикации в секции «New-YorkDaily» – «Новом русском слове» и ежемесячном журнале «Социалистический вестник», также издающийся в Нью-Йорке. В 1948 году Лига неофициально контактировала с «Союзом борьбы за освобождение народов России» (СБОНР), чья деятельность также прослеживается в архивах американских спецслужб [3, с. 69,70].

От политической оппозиции белой эмиграции были предприняты две попытки объединения под общей целью. Приблизительно в начале осени возник «беспартийный» комитет в Мюнхене, который анонсировал план под названием «Конгресс Свободной России» и пригласил к участию все эмигрантские группы, в том числе Лигу борьбы за национальную свободу. Керенский отказался участвовать в предприятии с самого начала, заклеив его в своей бюллетени, как «воскрешение старых Белых схем». Вторая попытка была предпринята 17 декабря того же года, заключающаяся в организации «Русского Демократического блока». Несколько эмигрантских либеральных объединений направили обращение к шести группам, среди которых были Лига и СБОНР [9, с. 74-76].

Остановившись подробнее на организации «Русского Демократического блока», можно отметить непосредственно роль Керенского в этом событии. Инициатором создания блока стал Американский комитет по освобождению народов России, тесно сотрудничавший с ЦРУ. Идея же при-

надлежала Сергею Петровичу Мельгунову, главе «Союза борьбы за свободу России», который писал о необходимости создания союза с Лигой и СБОНР [1, с. 270].

На время было создано Бюро, в состав которого вошли по одному представителю от каждой организации, в том числе Керенский. Любопытно, что на его приглашении настаивал Американский комитет, хотя для большей части эмигрантов он был нежелательной фигурой [1, с. 273, 274]. Летом 1951 года Александр Федорович покинул Лигу из-за политических разногласий и возглавил «Российское народное движение», созданное еще в Париже в 1948 году, но в 51-м перенесенное в Нью-Йорк. В итоге Американскому комитету пришлось добавить организацию в число участников собрания, чтобы сохранить для будущего объединения «легитимного» Керенского [2, с. 44].

В 1952 году был создан «Координационный Центр Антибольшевистской Борьбы» (КЦАБ), полностью контролировавшийся американскими спецслужбами через Американский комитет освобождения народов России [2, с. 45]. Ощутимое влияние Американского комитета, который был готов финансировать объединенную организацию и спонсировал проходящие встречи, стало одним из основных факторов провала создания «Русского Демократического блока» [1, с. 273, 274]. Главным же камнем преткновения стал национальный вопрос: у КЦАБ и, в целом, всех эмигрантских организаций, позиция сводилась к объединению и удержанию Российских земель после разгрома советского правительства, в то время как Американский комитет был заинтересован в разобщении народов, путем дачи автономии тем народам России, которые этого захотят.

16-го октября 1953 года в газете «The Washington Post» вышла статья под названием «Soviet Minorities Again», освещающая спор между КЦАБ и Американским комитетом. В ней приводится письмо Керенского к New York Times, в котором он утверждает, что обсуждение предполагаемого «разделения» России на независимые или условно независимые национальные штаты опасно и глупо и, что в меньшей степени сказано о «больших шансах Америки на успех в борьбе за свою и мировую свободу». Он настаивает, что доказательство всех недавних достижений «железного занавеса» состоит в отсутствии долгих или реальных национальных противоречий между народом Советского Союза. «Великая Русская эмиграция, в которую входит и Керенский, категорически против любой программы, которая может быть направлена на «разделение» России. Позиция Американского комитета состоит в откладывании этого вопроса до тех пор, пока не будет достигнута главная цель — свержение коммунистической диктатуры» [4].

Таким образом, ЦРУ были заинтересованы в координации русской эмиграции, для чего им нужен был А.Ф. Керенский, как легитимный представитель российского правительства в изгнании. Спецслужбы были заинтересованы в дальнейшем на автономию многих советских республик, в то

время как Керенский считал ее невозможной, хотя представители этих республик в эмиграции придерживались противоположного мнения, что и стало причиной для политического забвения Александра Федоровича.

Библиографический список

1. Климович Л.В. Попытка объединения российской эмиграции в 1950-е годы (по материалам совещаний эмигрантских организаций в Фюссене, Штутгарте, Висбадене) // Научный диалог. 2015. №12(48). С.268-279.

2. Ручкин А.Б. Создание антикоммунистического фронта русской эмиграции как проект американских спецслужб в начальный период холодной войны // Историческое обозрение. 2017. С. 34-49.

3. CIA Archives. CIA-RDP80R01731R000500560009-1. Russian emigre politics. 30 January 2002.

4. CIA Archives. CIA-RDP75-00001R000300360028-6. Soviet minorities again. 16 October 1953.

А.А. Сухорукова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ОЦЕНКА СССР В РАБОТАХ МАО ЦЗЭДУНА В 1941–1945 гг.

Выступления политиков являются одним из элементов реагирования на те или иные события в мировой истории. Оценка СССР в работах Мао Цзэдуна – это частный пример реакции на явления, связанные с внутренней политикой и нарастающим кризисом в международных отношениях.

В Китае в рассматриваемый период существовало две основные партии – Гоминьдан, во главе которой стоял Чан Кайши, и Коммунистическая партия Китая (КПК), где с 1938 года должность Генерального секретаря занимал Мао Цзэдун. Несмотря на сохранение единого антияпонского фронта, который создавался при активном содействии СССР, противоречия между данными политическими силами никуда не исчезли.

В рамках исследования было проанализировано более 40 работ Мао Цзэдуна середины 1930-1940-х гг. Оценка СССР не ограничивается 1941 – 1945 гг., так как ее формирование затрагивает более ранний период, и данный процесс связан с возрастающей ролью Мао Цзэдуна внутри КПК. Следовательно, можно выделить следующие этапы формирования оценки СССР: 1) 1936 – 1939 гг.; 2) 1940 – 1942 гг.; 3) 1943 – 1945 гг.

Первый этап. Стоит учитывать важное обстоятельство – для внешней политики СССР становится принципиально важным дальневосточное направление с точки зрения сохранения безопасности границ. Идеологический аспект в данный период уходит на второй план.

Начальная точка – первое упоминание СССР в документе «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.). [2, т. 1. с. 227-323].

С одной стороны, общая идея работ 1936-1939 гг. – Советский Союз является «могущественным государством» [2, т. 2. с. 92], «неизменно лучшим другом» [2, т. 1. с. 342] и ориентиром для Китая. С другой стороны, стоит отметить, что и в этот период наблюдается критика Мао Цзэдуном тенденции копирования теоретиками КПК модели СССР без учета китайской специфики [2, т. 1. с. 234].

Второй этап. 1940 год является ключевым в формировании определенной оценки СССР и связан с созданием теории «Новодемократической революции», концепция которой была изложена в работе «О новой демократии» [2, т. 2. с. 429-487]. Ее идея заключалась в следующем: 1) за основу бралась не социальная составляющая, а национальная; 2) вместо классовой составляющей (т.е. рабочих) Мао Цзэдун предлагал опираться на крестьянство. Как отмечает Д. А. Смирнов: «речь шла не просто о «китаизации» марксизма, а о создании «китаизированного марксизма» [5, с. 383-384].

Доминирующая идея в работах Мао Цзэдуна 1940 – 1942 гг. – революционная история Китая начинается с Опиумных войн (1840-е гг.), а революционная история Советского Союза – с 1917 года [2, т. 3. с. 20, 43-44], т.е. по мнению Мао Цзэдуна революционная история Китая богаче революционной истории СССР, и, в отличие от Советского Союза, шла параллельно с развитием марксистских идей на Западе.

Проблематика формирования оценки СССР в работах Мао Цзэдуна связана как с внешними, так и с внутренними обстоятельствами. Такие обстоятельства как японо-китайская война (1937-1945), формальное сохранение единого антияпонского фронта, финансирование Советским Союзом КПК, начало Великой Отечественной войны (1941-1945), позволили Мао Цзэдуну сконцентрироваться на внутренних вопросах партии [1, с. 165]. Поставленная перед КПК задача – построение единой и централизованной партии – была непрерывно связана с двумя процессами – формирование «культы личности» Мао Цзэдуна и проходившие в КПК «кадровые чистки» (чжэнфын) [4, с. 270-285].

Третий этап. Оценка СССР в работах Мао Цзэдуна за 1943 – 1945 гг. продолжают намеченную линию 1940 – 1942 гг.

К особенностям данного периода относятся, во-первых, сокращение упоминаний Советского Союза; во-вторых, оценка в рассматриваемый период выражена слабее. Можно выделить внешнюю и скрытую оценку СССР.

К внешней относится тенденция восхваления Советского Союза. В основном в подобных документах председателя КПК наблюдается тяготение к шаблонности и использование фраз-лозунгов. В качестве примера можно привести фразу из документа «Обстановка после победы в войне Сопро-

тивления японским захватчикам и наш курс»: «Миллионная Красная Армия — это неодолимая сила» [2, с. 232].

К скрытой оценке относится сама по себе внутрипартийная линия Мао Цзэдуна. Чжэнфын — это и есть оценка СССР, которая носит антисоветский характер и выражает стремление к самостоятельности и утверждению собственной теории Мао Цзэдуна.

Таким образом, формирующаяся оценка СССР неразрывно связана с внутренними процессами, происходившими в КПК в 1936 — 1945 гг., и со сложившейся в данный период международной обстановкой, которая позволила Мао Цзэдуну сконцентрироваться на внутренних вопросах партии и в 1945 году выполнить основную задачу — создать единую централизованную партию, во главе которой стоял уже китайский лидер с собственной теорией — Мао Цзэдун.

Библиографический список

1. Галенович Ю. М. Китай в годы войны // Свободная мысль. №4. М.: Политиздат, 2014. С. 155-170.
2. Мао Цзэдун. Избранные произведения. В 5 т. Пекин, 1969.
3. Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палей — Мишин, 2000.
4. Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007.
5. Смирнов Д. А. К вопросу об идейных истоках теории «новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае, №1. М., 2012.

Д. В. Богданов

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1966-1969 ГГ.)

Как известно, Куйбышевский государственный университет стал реализовывать учебные программы 1 сентября 1969 года, а торжественное собрание, посвященное началу образовательной деятельности нового вуза состоялось 17 октября 1969 года [6, с. 35]. Открытию университета в областном центре предшествовала работа по формированию структуры и материальной базы вуза: был разработан проект университетского кампуса, определена смета на строительство учебных и лабораторных корпусов, а также студенческих общежитий и жилого дома для преподавателей и сотрудников. Решались вопросы предоставления молодому вузу лабораторий и учебного оборудования высшими учебными заведениями города.

Все эти важнейшие мероприятия нашли отражение в исторической информации, которая содержится в делопроизводственной документации,

хранящейся в фонде Р-1255 Центрального государственного архива Самарской области. Ценные сведения о подготовительном периоде открытия университета имеются в переписке обкома КПСС и облисполкома Совета трудящихся Куйбышевской области с правительствами СССР и РСФСР. Среди этой переписки особую значимость имеют 2 документа. Речь идет о докладной записке заведующего отделом науки и учебных заведений Куйбышевского обкома КПСС И. Русских, а также о протоколе заседания бюро Куйбышевского обкома КПСС об организации Куйбышевского государственного университета [3, л. 9-14]. В них обосновывается актуальность открытия университета в одном из крупнейших мегаполисов РСФСР. Здесь же говорится о географическом размещении вуза в городском пространстве и предлагается структура университета. Несомненно научную значимость имеет и историческая информация, которую мы извлекаем из решения Исполнительного комитета Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся «О создании минимальных условий для открытия Куйбышевского Государственного университета» и приложение к нему, принятое 30 июля 1968 г. В этом документе имеется «Приложение», в котором перечислялись мероприятия по созданию материальной базы Куйбышевского университета [3, л. 6-8]. Как видим, документы, вышедшие из партийных и советских органов, генетически связаны друг с другом.

В деле №9 отложились материалы по организации первого Самарского университета в 1918 году, а также справка о деятельности этого университета. Эти материалы должны были убедить центральные органы власти в том, что и в начальный период реализации социалистического проекта в Самаре эффективно функционировал Самарский университет. Венчает эту группу делопроизводственной документации такой важнейший источник как «Приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР № 719 от 31 декабря 1966 г. об организации Куйбышевского государственного университета» [2, л. 3-5]. В «Приказе» имеется ссылка на Постановление Совета Министров СССР от 14.12.1966 г. №940 [4] и Постановление Совмина РСФСР от 21 декабря 1966 г. №1006, по которому Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР обязано организовать Куйбышевский государственный университет с сопутствующей материальной базой.

К этой группе документальных источников примыкает дело №11, в котором отложились приказы за 1969 год. Это подлинные документы, подписанные первым ректором Куйбышевского университета А.И. Медведевым, и приказы по университету, подписанные проректором Д.С. Синегубовым. Их можно разделить на несколько групп: приказы о командировках [5, л. 1-3], дисциплинарного характера [5, л. 9, 14-15], приказы о материальных поощрениях [5, л. 5-6, 22], организационного характера [5, л. 42]. Отдельного внимания заслуживают приказы об отстранении абитуриентов от вступительных испытаний [5, л. 30-34].

Важная информация содержится в отчетных документах. В деле №14 содержится годовой отчет за 1969 год. В пояснительной записке к нему приведена информация о кадровом составе, научно-исследовательской работе, организации учебного процесса и внеучебной работы [1, л. 2-3]. В отчет включены обязательства коллектива университета по достойной встрече 100-летия со дня рождения В.И. Ленина [1, л. 5-6].

Подводя итоги работы, можно сделать следующие выводы. Все приведенные документы являются подлинными. Анализ данных документов позволяет сделать вывод о быстром формировании Куйбышевского (Самарского) государственного университета в конце 1960-х гг., а наиболее полный массив источников по данной теме, хранящийся в Центральном государственном архиве Самарской области и в других архивах региона, позволит в дальнейшем реконструировать все направления деятельности вуза, начиная с 1969 г. до слияния его с Самарским государственным аэрокосмическим университетом в 2015 году.

Библиографический список

1. Годовой отчет по показателям работы университета за 1969 год и приложения к нему //Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 14.

2. Материалы об организации Куйбышевского госуниверситета (приказ, декрет, справка за 1917-1927 гг.) // ЦГАСО. Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 9.

3. Переписка с вышестоящими организациями по вопросу открытия университета // ЦГАСО. Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 2.

4. Постановление Совмина СССР от 14.12.1966 № 940 «Об организации Куйбышевского государственного университета»// КонсультантПлюс [Электронный ресурс]URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38025#UL6ploSiHYBySpX01> (Дата обращения: 14.11.2021).

5. Приказы №№ 15-142-а ректора университета. Подлинники // ЦГАСО. Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 11.

6. Самарский государственный университет. 1969-2009: к 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения /Самар. гос. ун-т; под общ. ред. Носкова И.А. Самара, 2009.

В.В. Коюшева

Сыктывкарский государственный университет

ЗАРОЖДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ: ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследователи выделяют два подхода к характеристике истории зарождения либерализма в России. Первый (философский) рассматривает историю распространения в российском обществе либеральных идей, зарождение либеральной мысли. Второй (политический) акцентирует внимание на

формировании в общественном движении либерализма как социально-политического направления (формирование “деятельного либерализма”).

В последние десятилетия среди представителей либерального направления в историографии общепризнано: «либерализм пришел в Россию в виде просвещенного абсолютизма»; именно при Екатерине II дух либерализма проник в российское общество; в русскую жизнь вошли краеугольные для либерализма понятия о свободе и праве [4, с. 9].

Наиболее дискуссионной в современной историографии признается проблема зарождения «деятельного либерализма»: формирование либеральной доктрины и разработки политической программы, возникновения первых либеральных организаций.

Высказывается мнение, что политическая доктрина русского либерализма сформировалась уже на рубеже XVIII-XIX вв.: в творчестве А.Н. Радищева либерализм уже обрел черты «достаточно последовательного социально-политического учения» (Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская [4, с.9], А.В. Гоголевский [2, с. 151]).

Первой либеральной организацией исследователи признают “Союз благоденствия”. «В декабризме в различные периоды и в различных политических обстоятельствах, — считает Т. В. Андреева, — сосуществовали и по-разному проявляли себя конституционно-либеральные и республиканско-революционные тенденции, но в целом всегда сохранялся либерально-конституционный характер движения» [1, с. 262]. Союз Благоденствия, по мнению Т.Н. Жуковской, — организация, намеревавшаяся постепенно реформировать общество в соответствии с идеями либерализма [3, с. 63–91].

В 1830-1850-е гг. складывается западничество как новое направление общественной и философской мысли, с которым многие исследователи связывают начало либерального движения. «Время появления западничества в общественном движении, — пишет Д.И. Олейников, — стало в либеральной традиции начальной точкой летоисчисления деятельного русского либерализма, временем рождения русской интеллигенции, как особого общественного слоя» [5, с. 132].

Наиболее популярно в современной историографии традиционное для советских историков мнение о том, что только во второй половине 1850-х — первой полов. 1860-х гг. в русском общественном движении «выкристаллизовывалось» особое либеральное течение. С концептуальными работами К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина историки связывают зарождение двух течений русского либерализма (охранительный и народнический), претендующих на право выражать национальную либеральную аутентичность [5, с. 131].

В последнее десятилетие в российской исторической науке складывается “скептическое” направление, заимствующее из западной историографии утверждение, отрицавшее серьезность рассуждений о русском либерализме XIX в. История русского либерального общественного движения на-

чинается, по их мнению, на рубеже XIX–XX в. и связана с формированием протопартийных организаций и либеральных партийных структур [6, с. 182].

Представляется, что дискуссии в современной историографии вокруг истории зарождения в России либерализма так или иначе связаны с не утихающими (и очень политизированными) спорами об «укорененности» в русской истории демократической (либеральной) политической традиции.

Библиографический список

1. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
2. Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996.
3. Жуковская Т. Н. «Тайные общества» первой трети XIX века и организационные модели декабризма. Часть I // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. V. СПб.; Кишинев, 2002. С. 63–94. [Электронный ресурс] URL: https://imwerden.de/pdf/14_dekabrya_1825_goda_istochniki_issledovaniya_istoriografiya_bibliografiya_vzpusk_5_2002__ocr.pdf (дата обращения: 12.11.2022)
4. Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/shelohaev_russikiy_liberalizm.pdf (дата обращения: 30.10.2022).
5. Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм: дискуссии в отечественной историографии // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2004. № 3 (34) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ranniy-russkiy-liberalizm-diskussii-v-otechestvennoy-istoriografii> (дата обращения: 04.11.2022).
6. Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Историография, источниковедение, методы исторического исследования. 2010 [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/varwk/Downloads/68329.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).

Е.В. Давыдова

Самарский национальный исследовательский университет

«ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ»: М.М. КОВАЛЕВСКИЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ АНГЛОВЕДЕНИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ

В работах Ковалевского вопросы политического обустройства России формирование политических институтов и идей рассматриваются на опыте Англии, а также Франции, Германии и иногда США.

Ковалевский писал свои работы по истории государственно-правовых идей и институтов (учреждений). Его исследования наряду с исследованиями Кареева затрагивают политические и социальные отношения, право и

общественные институты [6, с.86]. Он исследовал Европу в средние века, предметом было ее социально-политическое развитие, а также общественный строй и политические организации.

Ковалевский не только историк, но и социолог, что делает его работы особенными. Ковалевский изучал политические идеи, политические и правовые институты. Его труды затрагивают не просто истории политинститутов, но и их становление и развитие сразу в нескольких странах (при чем не всегда европейский, у него также есть работы о США). Работая над исследованиями он описывал близкие именно ему идеи и объяснял их, развивал таким образом свои взгляды. Он считал историю политучреждений неразрывно связанной с их анализом [4, с.3].

Так, учения он применял к политическому развитию России. Много внимания он уделял развитию политического устройства Европы, в частности Англии, он исследовал конституционное развитие, либерализм, общественный строй и многое другое. Он много времени работал над парламентаризмом и писал: «английская свобода есть продукт многотрудной, вековой и совокупной борьбы всех и каждого из классов английского общества против непрестанных и вполне естественных стремлений королей к единоличному правлению» [1, с.21]. Парламентаризм для него и есть свобода. Демократия, конституция, либерализм для него есть развитие, но автор делает ремарку о том, что в каждой стране процесс постижения данных течений происходит по-особенному, следовательно, западный опыт не есть российский, его нельзя просто переложить, а нужно выстраивать по-своему. Для этого нужно осознавать традиции. Так, например, Государственная Дума в России не может основываться на сословиях, по его мнению [5, с.4].

Про Тюдоровскую Англию он пишет «процесс вымирания старых и рождения новых хозяйственных порядков» [3, с.132-133]. Главная причина преобразований в общественном укладе кроется, по его мнению, в переходе от натурального хозяйства к, так сказать, капиталистическому. Тюдоровскую эпоху он оценивает следующими словами: «Век Елизаветы положил прочные основы владычеству Англии над морями, обеспечил ее развивающейся промышленности близкие и отдаленные рынки и дал стране возможность принять участие в разделе заморских материков и архипелагов» [2, с.194].

В его работах мы также встречаем труды о местном самоуправлении. Он их также строит, основываясь на истории Англии Средних веков. Для него Англия — страна с наиболее ранним развитием полицейской администрации. Она сосредоточилась у землевладельцев аристократов, и Ковалевский этот процесс прослеживает. Он пишет про “зависимость политического строя средневековой Англии от общественного”. Сословие, у которого больше всего земли, имеет власть и в центре, и на местах, укрепляя свое сословное господство.

Например, работа Ковалевского, касающаяся самоуправления за рубежом имела значение для построения российской структуры. Он изучил опыт других стран и представил все в своих трудах для, можно сказать, дальнейшего руководства и организации. Он также исследовал демократические институты России и отечественный парламентаризм. В какой-то степени его идеи способствовали становлению в России конституционализма.

Ковалевский полагал, что такой стране как Россия нужна сильная центральная власть, но и органы местного самоуправления должны при ней работать исправно вместе. Федерализм для него скорее проблема, но он не помеха, если есть стремление к объединению.

Библиографический список

1. Ковалевский М.М. Английская конституция и ее историк. М., 1880.
2. Ковалевский М.М. История Великобритании.
3. Ковалевский М.М. Общественный строй Англии. М., 1880
4. Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. Т. II. М., 1906.
5. Ковалевский М.М. Русская конституция II. Избирательное право. Бесплатное приложение «Биржевым новостям». II издание. 1906.
6. Чикалова И.Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях, 1801-1917. СПб.: Алетейя, 2013.

Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет

СМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

В современном мире базовые коллективные представления одного народа о жизни другого во многом продолжают формироваться в рамках системы образования. Важными медиумами остаются школьные учебники, не только отражающие основные идеологические запросы государства и общества, но и транслирующие наиболее устоявшиеся положения в соответствующих областях знания. Их содержание напрямую оказывает влияние на становление идентичности человека, не только на уровне формирования его отношения к «чужому», но и в рамках определения границ «своего» [5, с. 7]. Потому вопрос особенности репрезентации исторических процессов и событий в школьных учебниках истории является чрезвычайно важным для рассмотрения.

В контексте рассмотрения репрезентации мировых событий, явлений и процессов в отечественных учебных пособиях особое внимание следует

уделить школьным учебникам истории, так как, в данном случае, именно в рамках ознакомления с историческим материалом происходит обращение учеников к страноведческому дискурсу. Современные российские учебники по новой и новейшей истории весьма разнообразны, однако в их содержании наличествует ряд общих черт, свидетельствующих об устойчивости определенных глобальных тенденций.

Учебники по истории, выпущенные на территории РФ в XXI веке, во многом наследуют черты, характерные для пособий, изданных в 1990-х годах. Например, авторы в основном избегают использования «советских» штампов, отказываются от подчеркивания детерминирующей роли классовой борьбы в истории и акцентируют внимание учащихся на многофакторном характере глобальных социальных и исторических процессах. Так, текст учебника А.А. Улуяна и Е.Ю. Сергеева «Всеобщая история. Новейшая история» для 11 класса, выпущенного в 2009 году, прямо указывает на то, что события и явления мировой истории неразрывно связаны с объективными, не зависящими от воли частных лиц или социальных групп, глобальными процессами, явлениями [3].

То же характерно и для содержания учебника Е.Ю. Сергеева «Всеобщая история. Новейшая история» для 9 классов. Автор излагает фактический материал, чрезвычайно детализированный, но лишенный всяких оценок, тем самым предлагая учащимся произвести самостоятельный анализ причинно-следственных связей [2].

В то же время существует тенденция возвращения к внедрению экспрессивно окрашенных элементов, однозначных характеристик больших социальных групп в тексты учебников истории. Например, в учебнике А.В. Шубина «Новейшая история», в разделе, посвященном «западногерманскому экономическому чуду», автор называет важной причиной выхода ФРГ из кризисной ситуации «трудолюбие немцев», что является оценочным суждением [6, с. 138].

Аналогичным образом можно охарактеризовать стремление авторов учебника «Всеобщая история. Новейшая история», О.С. Сороко-Цюпы и А.О. Сороко-Цюпы, четко определить черты, свойственные, по их мнению, народам мира. В частности, в указанном пособии содержится прямое указание на то, что немцам как нации «свойственны трудолюбие, дисциплинированность, педантичность» [4, с.17]. Кроме того, стоит отметить особый акцент, который авторы делают на сюжетах противостояния России и западных стран. К примеру, одной из основных целей стран Тройственного союза называется стремление захватить и колонизировать территории Российской Империи [4, с. 38].

Вкупе с ясным отказом отечественных авторов учебников истории от жесткой критики советского режима и опыта как такового, появление в текстах пособий подобных утверждений можно рассматривать как стабилизацию системы ценностей, относящихся к категории исторической па-

мента, что является свидетельством преодоления методологического и идеологического кризиса 1990-х годов. Показательным в этом плане является переиздание учебника В. Загладина «Всеобщая история. XX век» для 11 класса, которое отличается от предыдущей версии книги, изданной во второй половине 90-х годов, более подробным освещением преступлений германского нацизма и исключением фрагментов, содержащих критику сталинского режима и политики советского руководства как такового [1].

Указанные тенденции свидетельствуют не только об изменении доминирующих нарративов в изложении мировой истории в рамках системы среднего образования, но и о трансформации социальных, идеологических запросов российского общества, что в очередной раз подтверждает важность изучения содержания школьных учебников истории как медиумов, укрепляющих главенство определенных представлений об окружающем мире и формирующих основы идентичности индивидов в период становления их личности.

Библиографический список

1. Загладин Н.В. Всеобщая история. XX век: учебник для школьников 11 класса. М., 2007.
2. Сергеев Е.Ю. Всеобщая история. Новейшая история: учебник для 9 класса среднеобразовательных учреждений. М., 2011.
3. Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Всеобщая история. Новейшая история: учебник для 11 класса / под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2009.
4. Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история: учебник для общеобразовательных учреждений, 9 класс. М., 2018.
5. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.
6. Шубин А.В. Всеобщая история. Новейшая история; учебник для общеобразовательных учреждений, 9 класс. М., 2010.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С.В. Николаев

Самарский национальный исследовательский университет

МУЗЕЙ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО В САМАРЕ КАК ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

Автор выражает благодарность за помощь в проведении исследования президенту Самарского регионального общественного фонда «Центр В. Высоцкого в Самаре» Михаилу Трифонову.

Важнейшую роль в сохранении исторической памяти о Владимире Высоцком в городском пространстве Самары играет самарский музей Владимира Высоцкого, существующий на средства регионального общественного фонда «Центр В. Высоцкого в Самаре». Музей функционирует благодаря энтузиазму членов Фонда и лично Михаила Трифонова – высококоведа, директора музея Высоцкого, который занимается изучением творчества поэта с 1980-го года.

Историография проблемы ограничивается несколькими работами, а именно статьей З.С. Пискаревой [3] и книгой М.Г. Трифонова [4].

Источниковую базу исследования составляют экспозиция и фонды музея Владимира Высоцкого в Самаре, а также материалы устной истории (личные интервью).

Целью данной работы является исследование содержания экспозиции и музейных фондов музея Владимира Высоцкого в Самаре и его деятельности в сохранении исторической памяти о поэте и артисте в городском социокультурном пространстве города Самары.

Центр В. Высоцкого был создан в декабре 1996 году. Первой инициативой Фонда было открытие мемориальной доски на ныне снесенном здании Дворца спорта, посвященной 30-летию выступления Высоцкого в городе 29 ноября 1997 года. В 2000 г. по инициативе Фонда была открыта памятная стела, памятник у Дворца спорта в 2008 г. и мемориальная доска у актового зала в Политехническом институте, где выступал артист. Музей открылся 24 мая в 2001 г. в доме №8 по улице Высоцкого. Эту улицу в честь поэта переименовали в 1998 г. В 1999 г. ближайший сквер был назван именем поэта [2, с. 39]. Таким образом, увековечивание памяти о Высоцком в Самаре началось с топонимического и мемориального аспектов.

Поначалу музей был размещен в одной комнате, позже, в мае 2008 г., в связи с созданием экспозиции музею были выделены еще две комнаты [1].

В центральной комнате представлены две выставки: «Мир слова глазами Высоцкого» и «Я, конечно, вернусь...». Автором первой выставки является М. Трифонов. Она была открыта 25 января 2012 г. В ней размещены около 67 «предметов или их изображений, которые Высоцкий упоминал в своих песнях и стихах». Вторая выставка была открыта к 30-летию памяти поэта и представляет собой «42 фотографии, что соответствует числу прожитых Владимиром Высоцким лет. 21 фотография выполнена в цвете и столько же фотографий представлено в черно-белом варианте съемки...» [6]. Отметим, что вначале выставка была открыта в Самарском художественном музее 1 июля 2010 г. [5].

Во второй комнате представлены библиографические издания исследователей и ученых о творчестве В. Высоцкого. Здесь же выставлены сборники стихотворений поэта и “самиздат”. Особый интерес представляют издания сборника «Нерв», начиная с 1981 года, а также многотомник самиздата стихотворений Высоцкого, напечатанное самим М. Трифоновым. В комнате представлены различные сувенирные экспонаты: нумизматические, филателистические (марки), фалеристические (медали). Имеются и такие необычные экспонаты, как игральные карты с изображением Высоцкого, спичечные коробки и чай “Wissotzky”, привезенный из Израиля. Стену украшают картины-портреты В. Высоцкого различных художников, в том числе копия картины «Высоцкий» А.В. Горбуновой, победительницы Международного конкурса «Лучший портрет – образ Владимира Семеновича Высоцкого» 2012 году. Представлена и картонная афиша кинофильма «Высоцкий. Спасибо, что живой», на которой автограф оставил актер Сергей Безруков, сыгравший Высоцкого в этом фильме и посетивший музей несколько лет назад [7].

В третьей комнате представлено две фотовыставки: фотографии концертов Высоцкого в филармонии и клубе им. Дзержинского 24 мая и во Дворце спорта ЦСК ВВС 29 ноября 1967 г. Здесь же в боксах находятся пластинки-миньоны с песнями Высоцкого, в отдельном боксе выставлены входные билеты ГМК-62, заявки различных производственных коллективов на приобретение билетов на концерт поэта в 1967 г. и другие материалы, связанные с приездом Высоцкого в Куйбышев. И, конечно, посетители могут увидеть программы спектаклей театра на Таганке, в которых принимал участие артист. Всего же в комнате установлены 6 тематических боксов, а также экспонаты тематической выставки «45 лет назад», которая состоит из фотографий и копий автографов Высоцкого. Кроме того, здесь находится микрофон, идентичный тому, который использовал артист на концертах в 1967 г., радиоприемник, катушечные магнитофоны и винтажная мебель, а на стене висит 7-ми струнная гитара, что воссоздает реальный интерьер советской атмосферы [8].

Кроме этих экспонатов в музее имеются бюсты В. Высоцкого, различные плакаты и афиши. В многочисленных книгах и брошюрах есть авто-

графы деятелей культуры и искусства, в том числе знакомых и друзей Высоцкого, а также исследователей, с пожеланиями успехов музею и его директору. Как таковых “запасников” у музея нет, поскольку все экспонаты и материалы находятся в выставочных залах. Всего в музее находится около 10 000 единиц экспонатов и около 7 000 тысяч фотографий Высоцкого [5].

Помимо музейной деятельности Фондом проводятся различные мероприятия городского уровня, которые направлены на популяризацию как имени Высоцкого, так и его творчества в Самаре. В 2005, 2006 и 2007 гг. в день памяти и день ноябрьского приезда Высоцкого на волжскую землю Фонд организовал концерты в честь этих памятных дат. С конца 1990-х гг. ежегодно 25 июля проводятся вечера памяти В. Высоцкого, а с 2014 г. статус мероприятия изменился на “городской”. Тем самым было положено начало проведения ежегодного фестиваля песен В. Высоцкого в сквере, названном в его честь [1].

В 2000-х гг. в Самаре была проведена акция, приуроченная к 40-летию выступлений Высоцкого: на городских улицах были установлены сто баннеров с портретом артиста. В последние годы мероприятия, связанные с памятью о приезде поэта в город заметно возросли. Отметим майские вечера памяти в Самарской областной универсальной научной библиотеке, посвященные первому приезду Высоцкого [5].

Свой вклад музей внес и в кинодокументалистику. В 2003 г. был выпущен двухсерийный фильм «Волга песни слышала...», а в 2006 г. «Не дам порочить наш советский городок». Обе картины посвящены приезду Высоцкого в Куйбышев. В 2007 г. состоялась премьера картины «Недавно, сорок лет назад...» В. Куликова. Также в 2008 г. на городском телевидении к 70-летию поэта вышел пятисерийный проект М. Трифонова «Вспоминая Высоцкого». А в 2013 и 2017 гг. транслировались ленты, созданные руководителем музея «Звезда поэта Высоцкого» и «Но родился, и жил я, и выжил...» [7].

Помимо фильмов музеем были выпущены фотокарточки, сборник малоизвестных стихотворений (сост. М. Трифонов), а также компакт-диски концертов Высоцкого в Куйбышеве [5].

Таким образом, в фондах музея Владимира Высоцкого в Самаре представлены не только предметы, связанные с концертами поэта в городе, но и с его творчеством в целом. Основу музея составляют различные экспонаты: от сборников стихотворений и грампластинок до выпущенных в единственном экземпляре значков и медалей. В фондах музея также имеются официальные документы – телеграммы. Отметим, что на момент написания данного исследования (октябрь 2022 года) музей существует благодаря инициативам общественного фонда и не имеет государственного статуса. При этом «Центром В. Высоцкого в Самаре» проводятся различные мероприятия городского уровня совместно с администрацией города. Несомненно, важность проводимых мероприятий в публичном пространстве крайне

высока в контексте сохранения исторической памяти о Высоцком, а совокупность музейной и фестивальной деятельности Фонда способствует формированию позитивного имиджа города, в котором Владимир Семенович впервые в своей карьере дал концерт для многотысячной аудитории.

Библиографический список

1. Интервью автора с М. Г. Трифоновым – президентом Самарского регионального общественного фонда «Центр В. Высоцкого в Самаре» и директором музея В. Высоцкого в Самаре. Самара. 18.10.2022 г.
2. Липатова А. М. Самарских улиц имени. Самара: Самарский Дом печати, 2008. 288 с.
3. Пискарева З.С. «Неужели такой я вам нужен после смерти?!»: увековечение памяти В. Высоцкого // Владимир Высоцкий в контексте художественной культуры: сборник научных статей / под ред. С.А. Голубкова, М.А. Перепелкина, И.Л. Фишгойта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 271-287.
4. Трифонов М.Г. Популярный артист из Таганки. Самара: «РПП Мир печати», 2014. 210 с.
5. Трифонов М.Г. Статья для энциклопедии «Литературные музеи России» // Архив музея Владимира Высоцкого в Самаре. 20.10.2022 г.
6. Экспозиция №1 // Коллекция СРОФ «Центр В. Высоцкого в Самаре».
7. Экспозиция №2 // Коллекция СРОФ «Центр В. Высоцкого в Самаре».
8. Экспозиция №3 // Коллекция СРОФ «Центр В. Высоцкого в Самаре».

Д.И. Овчинников

Самарский государственный институт культуры

О СОЗДАНИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ КЕЛИИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА (СНЫЧЕВА) В САМАРСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Актуальной темой в настоящее время является история служения архиереев Самарской епархии как в дореволюционную эпоху [11], так и в советское время [10]. Особый интерес вызывают личности тех из них, кто проявил себя не только на ниве церковного управления, но и в более широком спектре культурных деяний [6]. Важную роль в изучении различных аспектов духовной жизни нашего края и распространении знаний о ней среди учащейся молодежи и других групп населения играют музейные собрания, особенно, Самарский епархиальный церковно-исторический музей (УСЕЦИМ) [2].

В современных исследованиях все более значимое место занимает «разработка концепции исторической, или коллективной, памяти», а также изучение практик «социальных, когнитивных, этических коммуникаций между историей и исторической памятью» [3, с. 359, 370]. Данная статья

рассматривает конкретный вопрос музейной коммеморации выдающегося религиозного подвижника и архипастыря митрополита Иоанна (в миру Ивана Матвеевича Снычева), который был видным церковным деятелем, публицистом, богословом, историком [4]. В трудное для страны время он громко призывал к духовному возрождению России, одним из оснований которого должна стать православная вера [1].

В г. Куйбышеве владыка Иоанн занимал епископскую кафедру с 1959 по 1990 г. Проживал он постоянно либо в служебном архиерейском доме, либо на собственной даче, которую купил на окраине города близ пос. Толегово. Сохраненная нетронутой обстановка дачи ныне передана в УСЕЦИМ.

Сам музей отметил свой двадцатипятилетний юбилей. Он был учрежден в 1997 г. по благословению владыки Сергия (Полеткина). С 2001 г. УСЕЦИМ вошел в Союз музеев России и стал первым церковным музеем в стране, который официально зарегистрирован как учреждение культуры. Музей располагается в трех залах, что отражает его концепцию: зал истории Самарской епархии, зал церковного искусства, выставочный зал. За годы существования здесь было организовано более 80 тематических и художественных выставок. В музее и при его участии проводятся научно-практические конференции, посвященные памяти владыки Иоанна и другим важным событиям религиозной, общественной, культурной жизни, на которых освещаются вопросы истории, краеведения, богословия, церковного искусства, издаются сборники трудов участников этих форумов [9]. В научной регионоведческой литературе по дается высокая оценка сборникам, издаваемым по итогам этих конференций, где «публикуется немало материалов как по церковной, так и по гражданской истории Самарской земли» [5, с. 14].

Ныне УСЕЦИМ предстоит создание экспозиции, посвященной истории РПЦ в XX в. на основе мемориальных предметов, поступивших в музей за последние два года. В основном, это личные вещи, предметы обстановки, церковные предметы, принадлежавшие владыке Иоанну, что позволило поставить вопрос о создании в музейном пространстве мемориальной келии (комнаты) этого выдающегося церковного деятеля XX в., которая отразила бы духовно-просветительскую и научно-публицистическую деятельность митрополита Иоанна, а также бытовую сторону его жизни.

Мемориальный музей-квартира может быть создан после смерти человека или по прошествии ряда лет, когда возникают условия, необходимые для осознания в обществе значимости и актуальности памяти о нем, появляются желание и возможности ее музеефикации. Также любая деятельность мемориального характера связана с растущими «потребностями развития исторического сознания у музейной аудитории» [7, с. 117].

Сейчас сложились все необходимые условия и имеются материально-технические возможности создания экспозиции в виде мемориальной келии-комнаты владыки Иоанна. Для нее выделены необходимые помеще-

ния, имеется достаточное количество музейных предметов, реликвий. Однако всякая экспозиция — это целостная предметно-пространственная система, в которой музейные предметы и другие материалы объединены концептуальным (научным и художественным) замыслом [8, с. 306-307].

Все поступившие предметы можно разделить на несколько категорий:

1. Более десяти икон, относящихся как к XIX, так и к XX вв., а также церковные предметы медного литья — образки, кресты, складни;

2. Несколько картин на религиозные темы и портреты ряда иерархов РПЦ;

3. Рукописи и издания трудов Иоанна (Снычева);

4. Преподнесенные авторами владыке Иоанну книги с автографами;

5. Документы: личные записи, входящая и исходящая корреспонденция, поздравления, благодарности, грамоты, наградные документы и проч.;

6. Облачения: мантии, головные уборы, полные архиерейские облачения, подсакосники разных цветов, параман, панагии;

7. Личные вещи митрополита Иоанна, состав которых весьма разнообразен: тапочки, употребившиеся при монашеском постриге владыки, пичие, столовые приборы, часы, памятные предметы от духовных чад.

Таким образом, возможность приблизить новую экспозицию мемориальной келии к определенному мемориальному максимуму здесь может быть реализована полностью. Ее создание и наполнение подлинными предметами позволит музею глубже и эмоциональней показать среду и быт эпохи, полнее реализовать функцию популяризации культурно-исторического наследия, вызвать и поддержать интерес музейной аудитории к личности владыки Иоанна.

Библиографический список

1. Митрополит Иоанн (Снычев). Битва за Россию. Самара: Венета, 1994. 268 с.

2. Артамонова Л.М. Участие студенческой молодежи в мероприятиях Самарского епархиального церковно-исторического музея и в изучении истории РПЦ // Музей как хранитель исторической памяти. Сборник материалов науч. конф., посвящен. 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: НТЦ, 2022. С. 57-66.

3. Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. Аксаковский кружок трудовой помощи как опыт коммеморативной практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 2. С. 358-372.

4. Кабытов П.С. Историческая концепция митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна // Иоанновские чтения памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Самара: Самарский ун-т, 1997. С. 5-7.

5. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. и др. Изучение истории Самарского края XVI — начала XX вв.: историографический обзор // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 8-24.

6. Климкина Э.В. Труды епископа Герасима (Добросердова) как церковного писателя и мемуариста // Двадцать четвертые Иоанновские чтения: материалы науч.

конф., посвящен. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского. Самара: НТЦ, 2020. С. 58-64.

7. Кузина Н.В. Основы музееведения. Нижний Новгород: Изд-во НГУ, 2013. 151 с.

8. Музейное дело России / отв. ред. Каулен М.Е. М.: ВК, 2003. 615 с.

9. Радченко О.И. Социальная функция, цели и задачи епархиального музея // Музей как хранитель исторической памяти. Сборник материалов науч. конф., посвящен. 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: НТЦ, 2022. С. 57-66.

10. Чирков М.С. «Должен быть нажим на церковь»: православие и власть в Куйбышевской области (1953–1962 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XVI Международ. науч. конф. Иваново: ИГУ, 2017. С. 255-260.

11. Якунин В.Н. Роль правящих архиереев в становлении и развитии Самарской епархии в 1851-1917 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 9-25.

А.А. Емельянова

Оренбургский государственный педагогический университет

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ НА АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДА ОРСКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Русская Православная Церковь, как один из главных социальных институтов дореволюционной России, влияла не только на духовно-нравственную составляющую подданных империи, но и активно развивала культуру и искусство даже в самых отдаленных регионах страны. Такое культурное развитие осуществлялось, прежде всего, посредством строительства храмов и монастырей. Предметы храмового зодчества пореформенного периода представляли собой наивысшие достижения строительного искусства, которые непосредственно влияли на создание общего образа российских городов.

Конец XIX века ознаменовался небывалым развитием православной архитектуры во всей Оренбургской губернии, в том числе и в городе Орске. Орские церкви строились, преимущественно, неподалеку от купеческих и мещанских домов, поскольку именно представители этих сословий становились меценатами и благотворителями в постройке культовых сооружений. Кроме того, некоторые купцы жертвовали территорию, прилежащую к их домам, духовенству для строительства храмов.

В середине XIX века в центре Орска, по улице Купеческой (ныне улица Пионерская) началось строительство главного храма города – Спасо-Преображенского собора. Согласно архивным данным, храм был выстроен по сформировавшимся в Византии типу конструкции – крестово-купольно-

му, а также имел один большой купол на восьмиугольном барабане и колокольню высотой 7 сажен [4, оп. 27. д. 3342. л. 1]. Собор строился из кирпича, был оштукатурен и окрашен масляной краской. Строение сочетало в себе два архитектурных стиля – русский и классицизм. Общий вид улицы, на которой находился собор, описывает в своей повести «Несчастный» Т. Г. Шевченко: «Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками; это баталионные казармы, примыкающие одним концом к деревянному сараю, называемому экерсисгауз, а другим концом выходящие на четырехугольную площадь, украшенную новою каменною церковию и обставленную дрянными деревянными домиками» [1, с. 70]. В годы гонений на религию здание церкви было разрушено, в настоящее время на его территории находится Орский индустриальный колледж.

Еще одним памятником церковной архитектуры, украшающим центральную часть города Орска с конца XIX века, стала Никольская церковь. Строение расположилось на самой высокой точке города – горе Преображенской, где ранее находилась сгоревшая церковь Преображения Господня. Новый храм решено было строить в качестве памятника о посещении цесаревича Николая Александровича Орска, поэтому и освятить его должны были именем Николая Чудотворца – небесного покровителя наследника российского престола. Главным архитектором храма выступал Михаил Арефьевич Шурупов, проекты которого знамениты по всему миру. Храм строился из кирпича, который позднее окрасили желтой краской. Длина здания с учетом колокольни составила 13 сажен, ширина – 6 сажен, высота – 5 сажен [2, оп. 9. д. 1556. л. 1]. По стилиевой принадлежности – эклектика с барочными элементами и мотивами русской архитектуры.

Летом 1885 года, на средства жителей Форштадта и Новой слободки, был построен деревянный храм, освященный в честь Архангела Михаила. Однако размеры храма не позволяли вместить всех прихожан, в связи с этим к 1916 году выстроили еще одно здание – каменное [3, оп. 1. д. 329. л. 61]. По архитектурному стилю – эклектика, совмещенная с русским стилем. Купол храма с колокольней напоминали собой формы Храма Василия Блаженного. К сожалению, до наших дней не сохранилась информация об архитекторе, которому принадлежит проект данного культового сооружения, поскольку в 1930 году церковь была разобрана, а в архивах сохранилась лишь одна фотография, благодаря которой можно увидеть, как выделялся Михайло-Архангельский храм среди довольно бедных казачьих и мещанских домов.

Приблизительно до начала 1930 года архитектурный облик Орска, основу которого составляли купеческие и мещанские дома, украшался церковными постройками. В годы репрессий городские храмы закрыли, а некоторые из них полностью разрушили представители советской власти. Только к концу XX века верующие города, с помощью многочисленных

спонсоров, смогли восстановить порушенные святыни. В настоящее время храмы, которые были вновь отстроены и освящены, представляют собой ключевые точки туристических маршрутов по историческому центру Орска. Так, например, вокруг уцелевшей колокольни на горе Преображенской отстроили практически точную копию дореволюционного Никольского храма – церковь Преображения Господня, с территории которой, гостям и жителям города, открывается вид на всю старую часть Орска.

Библиографический список

1. Большаков Л.Н. «Все он изведаль...»: Тарас Шевченко: поиски и находки. Киев, 1988. 543 с.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173.
3. ОГАОО. Ф. 15.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 349.

А.И. Овчинников

Самарский национальный исследовательский университет

СТАРООБРЯДЦЫ В ГОДЫ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ

В ряду религиозных преобразований, происходивших в годы церковной реформы, отдельно стоит отметить изменения в положении старообрядцев. В исследовательской литературе дается различная оценка причин и эффективности принятых мер в отношении старообрядцев в годы правления Александра II. В частности, Е.Л.Кузьмишин полагает, что реформы были вызваны ожиданиям перемены в самых разных сферах государственной и общественной жизни и воздействием периодической печати и были достаточно эффективны. Он отмечает, что политика власти воспринималась как «могучая сила движения вперед», а ее «участливость ко всем вопросам улучшения не могла не возвышать ее авторитета», и соответственно, общество ожидало видеть в ней реакцию на актуальные проблемы современности» [2, с.4]. Ряд исследователей, вслед за современниками событий, полагает, что предпринятые властью мероприятия не способствовали коренному изменению положения раскольников и преодолению их кастовой замкнутости и оторванности от общества [1].

Первым и наиболее важным изменением было то, что «в 60-х годах XIX в прекратились гонения, каким подвергались старообрядцы при Николае I» [4, с.228]. Более того, за легализацию «раскола» выступала в печати либеральная общественность, которая полагала, что поскольку старообрядцы не нарушают государственных законов, гонения против них противозаконны, а зачастую приводят к обратным результатам. В ней отмечалась неэффективность прежней правительственной политики, которая лишь оже-

сточала старообрядцев, придавала им ореол «мучеников», и провоцировала конфликты, так как «нельзя действовать грубой силой против идей, учений, веры» [4, с.228]. Помимо этого, в отношении «раскольников», были утверждены особые «правила» о старообрядцах. Согласно ним лицам, лояльным к светской власти, разрешалось свободно отправлять богослужение, открывать школы, занимать общественные должности, и выезжать за границу» [3, с.51]. 4 ноября 1863 г. было выпущено постановление, изменившее в Своде законов Российской империи о наказании юридические нормы по отношению к раскольникам. Согласно ему «предусматривались многоступенчатые назидания и увещания на православных, уклонившихся в раскол», которые должны были осуществляться сначала местными приходскими священниками, а затем епархиальным начальством. Если меры оказывались безуспешными, то «совратившихся» вызывали в духовное правление или в консисторию, где увещания иногда проводил даже архиерей. Однако в законодательстве уточнялось, что «такие увещания и назидания» должны производиться «без отвлечения от места жительства и обыкновенных трудов и занятий» [1, с.16]. Следует отметить, что данные изменения не привели к решению проблемы.

В частности статский советник Стенбок отмечал, что «меры излишней строгости порождали в раскольниках фанатизм, лицемерие, подкупы и усиление доходов земской полиции и сельского духовенства». Он полагал, что главной причиной, усиливающей и поддерживающей движение раскольников, был «протест против правительства, невежество и корыстолюбие духовенства, ...и вообще жадность чиновного мира к раскольническим деньгам» [1, с.17].

Проводимые меры по интеграции данной религиозной группы в общество, уравнение ее в правах с остальными религиозными группами, осуществлялось с сохранением доминирующего положения Русской Православной церкви.

Равные с другими гражданами империи права были предоставлены старообрядцам только Указом «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., что стало одной из причин резкого роста количества старообрядческих общин, выпускавших даже собственные периодические издания — журнал «Изборник», газеты «Голос старообрядца» и «Народная газета» [2, с.4].

Безусловно, в процессе проведения церковной реформы подвергся корректировке правовой и религиозный статус старообрядцев, но коренных изменений в их положении не произошло.

Библиографический список

1. Карнишина Н.Г. Церковные реформы в России второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 14–22.

2. Кузьмишин Е.Л. Государственная политика Российской империи по отношению к староверческим общинам во второй половине XIX века // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 27. Июнь 2011. С. 1-4.

3. Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.

4. Федоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

В.А. Каргашов

Саратовский национальный исследовательский университет

МОЛОКАНЕ В КОНТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ МИССИОНЕРСКОЙ ПРАКТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ И САМАРСКОЙ ЕПАРХИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ)

Последнее время в исследовательской среде набирает обороты интерес к проблемам изучения феномена секты в провинциальном пространстве Российской империи в XIX в. и ее отношений с внешним миром. При должном внимании становится ясно, что фактор сектантства оказал большое значение на религиозную и социокультурную жизнь многих российских регионов, где имели место быть подобные движения, и регион Среднего и Нижнего Поволжья тому не исключение. Активная проповедь разных сект, имевших популярность, вызывала жесткое противодействие со стороны церковных властей, где своеобразной softpower стала миссионерская деятельность на базе местных ресурсов. Обращение к материалам религиозной печати Саратовской и Самарской епархии показывает, что одним из серьезных конкурентов православной церкви наряду с не менее массовым расколом является секта молокан или «духовных христиан», как они сами себя называли. Именно на борьбе с ней в векторе церковной миссии, а также отражении образа молокан в зеркале печати религиозного характера концентрируется фокус данной работы.

Распространение молокан началось со стороны Тамбовской губернии, откуда те вели проповедническую деятельность в Балашовском уезде во главе с их духовным лидером Семеном Уклеиным [2, с.373]. Также молоканские начетчики совершали движения на юг в сторону Камышина и Царицына, а затем и в восточные уезды (в особенности Аткарский), достигнув, в конце концов, и территорий Самарского Заволжья. Уже к середине XIX в. секта молокан стала довольно массовой в сравнении с другими религиозными движениями, уступая только расколу. Эта тенденция продолжилась и в постреформенный период: так, число молокан в Балашовском уезде выросло еще почти в 2 раза [1, с.201].

По итогу увеличение численности молокан мотивировало церковные власти развернуть активную борьбу с «ересью», делегировав ее миссионер-

ским институтам. Среди любопытных деталей стоит отметить, что в «просветительской» деятельности принимали активное участие местные миссионеры благочиний и приходов, и зачастую этими деятелями были «выходцы» из народа, которые имели большой успех в силу их коммуникации на одном уровне. Комплекс «антисектантских» мероприятий носил разнообразный характер, где особо привлекают внимание полемические беседы, проводимые в селах Балашовского и Аткарского уезда, в посаде Дубовка Царицынского уезда, в самарской епархии — с 1870 г. в г. Новоузенске. Первоначально воспринимаемые со скепсисом, эти встречи, проводимые внутри храмов и сельских училищ, вскоре стали площадкой, на которой православные и молокане погрузились в бурные дискуссии [4, с.14]. По итогам этих миссионерских встреч, отчеты которых фигурируют на газетных страницах, сложно судить о четких тенденциях, хотя в локальных случаях миссия имела успех [3, с.51].

Особый интерес вызывают понимание и образ секты молокан, который складывался в миссионерском дискурсе, где приходится сталкиваться с размытостью определений сект. Вполне очевидно, что их конструирование находилось в рамках враждебного образа Другого («врага церкви»), где большую роль играли не только удачные или неудачные опыты коммуникации, но и набор стереотипов. В адрес сектантов встречаются термины с негативными коннотациями, такие как «лжеучители» и «ересеначальники», или метафоры евангельского характера вроде: «живые мертвецы для духовной жизни» [5, с.121]. Приводимые заметки и записи диалогов, которые отражали те или иные встречи, имеют вполне стандартизированный характер: этот шаблон построен на оппозиции «ортодокс/еретик», где первый является носителем истинности. Сектанты предстают в образе эмоционально-агрессивных проповедников, занимающихся спекуляцией на толкованиях библейских текстов. Основной пафос обвинения молокан направлен на отрицание с их стороны обрядовых практик и символов (в частности, икон) и института священства, а также на несоответствие христианским моральным идеалам, на что указывают свидетельства о сожительствах у молоканских учителей [6, с.71].

Таким образом, говоря об успехах миссии среди молокан, крайне сложно утверждать о каких-либо четких трендах. Приводимые в официальной печати религиозного характера свидетельства чаще всего показывают конкретные единичные случаи перехода в православие отдельных лиц или семей. В целом же, общины и учителя «духовных христиан» имели устойчивость к проповеди епархиальных миссионеров Саратова и Самары. Сами православные полемисты пытались объяснить поведение молокан через их фанатизм и «слепую» приверженность своей доктрине [7, с.249]. Причины же этой нечастой результативности кроются в том, что в рамках полемики верующие изначально полагают непреложность своих положений, определяемых интенциональными предпосылками «истинности». Поэтому меха-

низм православного толкования становится нерабочим в рамках понимания Евангелия молоканами, и, таким образом, коммуникация отнюдь не всегда могла выйти на общие точки соприкосновения.

Библиографический список

1. Давыдова, М.Ю. Сektантские религиозно-реформационные учения в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 194–208.
2. Ливанов Ф.В. Острожники и раскольники. СПб.: в типографии М. Хана, 1870. Т.2.
3. Приложение к № 7 Самарских епархиальных ведомостей // Самарские епархиальные ведомости. 1873. № 7.
4. Приложение к № 8 Самарских епархиальных ведомостей // Самарские епархиальные ведомости. 1872. № 8.
5. Самарские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. № 5.
6. Самарские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. № 22.
7. Саратовские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1893. № 10.

А.А. Ламонова

Самарский национальный исследовательский университет

БОРИС СВОЙСКИЙ – ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ СТУДИИ КИНОХРОНИКИ

*«Не хочу я особенной славы.
Мне другая мечта дорога»*

Б. Свойский

Прежде чем перейти к личности Бориса Своейского, нужно рассказать, как «умерла» Куйбышевская студия кинохроники – это одна из старейших советских киностудий. Она была основана в Самаре в 1927 г. для создания документальных фильмов и киножурналов, долгие годы студия была единственной на Волге (ее корреспонденты работали от Ярославля до Астрахани [4]). Это необходимо сделать, чтобы подчеркнуть научную актуальность темы и значимость ее в культурно-нравственном отношении, так как это был значительный и выдающийся пласт отечественной культуры, ведущий кинематографическую, документальную летопись истории страны.

В советский период каждая студия кинохроники выпускала три вида продукции: еженедельный киножурнал, документальные фильмы и фильмы по заказу министерств и ведомств. Куйбышевская студия кинохроники выпускала 48 киножурналов в год, которые показывались в шести областях России, и 6–8 документальных фильмов, демонстрирующихся по всему Советскому Союзу [4].

В связи с изменениями, произошедшими в стране после развала Советского Союза, началось медленное умирание студии. Как с болью в интервью отмечал Б.Кожин, долгое время занимавший должность главного редактора кинохроники, «сначала мы вынуждены были отказаться от еженедельного киножурнала «Современник». Вместо него с 1992 г. мы стали из-за отсутствия денег выпускать киноальманах «Самарская хроника», «Кинолетопись», не требующих еженедельного выхода. А два года назад опять же из-за отсутствия финансов мы прекратили выпускать и «Кинолетопись» [4].

По мнению Б.Кожина, катастрофа для российского неигрового кинематографа наступила тогда, когда он потерял свою самостоятельность и был объединен с Министерством культуры [4].

В апреле 2001 г. произошло разделение собственно киностудии и фильмофонда: киностудия была преобразована в Открытое акционерное общество, а фильмофонд остался государственным имуществом. В 2005 г. все материалы самарской студии переданы в государственный архив (г. Краснoгорск, Московской области). В 2007 г. ОАО «Самарская студия кинохроники» перешло во владение частного лица.

Что касается исторического осмысления этого уникального феномена, то, на сегодняшний день существует только одно диссертационное исследование В.В.Заводчикова «Деятельность Куйбышевской студии кинохроники и кинообслуживание населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны» [1]. Как видим, эта работа охватывает только период 1941-1945 гг. Остаются не изученными, как в общероссийском, так и в региональном аспекте, вопросы, связанные с организацией подобных студий по всей стране с 1918 по 1993 г. [2]. Ничего не написано о Марке Иосифовиче Ципорине, основателе Куйбышевской студии кинохроники, о Самарской базе треста агитмассовых фильмов и кинохроники «Союзкинохроника» и ее директоре Анатолии Поспелове и т.д. Несмотря на диссертацию В.В.Заводчикова, хочется заметить, что продукция Куйбышевской студии кинохроники была известна в годы войны за пределами СССР. Для зарубежного зрителя на студии создавались специальные киножурналы «СССР на экране», которые отправлялись союзникам — в Великобританию и США. В 1942 году на студии были произведены фильмы на экспорт — «Героический Севастополь», «Парад польской части» [6, оп.1. д.22. л.2]. Таким образом, перед нами стоит задача научного осмысления истории Куйбышевской студии кинохроники от ее создания, в первые годы советской власти, до гибели в ранний постперестроечный период.

Одной из личностей, связанных с этим уникальным историко-культурным феноменом, был Б.И.Свойский, кинодокументалист, драматург, поэт, заслуженный деятель искусств РСФСР, 30 лет, проработавший на Куйбышевской студии кинохроники.

Борис Иосифович Свойский родился в городе Куйбышеве 3 ноября 1937 года. Первые годы жизни жил в большом доме, рядом с банком на

Куйбышевской улице, а потом вскоре вся семья: мать, отец, бабушка, дедушка (родители матери) переехали на улицу Обороны, ближе к Волге. Борис окончил Куйбышевскую школу №6, а затем историко-филологический факультет в педагогическом институте. Работал учителем [5, оп.1. д.70. л.1].

Борис Свойский пробовал себя на телевидении, но посчитал, что это не его и спустя некоторое время ушел оттуда. И тогда начался особый путь в его биографии. Он начал создавать документальное кино.

Как режиссер-сценарист, как автор текстов, Борис Свойских один из самых известных режиссеров документального кино. Он создал сотню журналов, десятки документальных фильмов, прежде всего о Волге, о Жигулях, о своей Самаре. И вот лишь некоторые из них: «Таинственная Самара», «Судьбы Алексея Толстого», «Провинциальный актер», «Столица эвакуации» [5, оп.1. д.70. л.2]. Фильмы о своей родине занимают особое место в его творчестве. По инициативе Свойского на студии начались съемки киноальманаха «Самарская хроника». Он стал его художественным руководителем. Для его творчества характерно стремление понять окружающую действительность, тонкое сложное отношение к человеку, поддельная боль к дому, за свою страну [5, оп. 1. д. 62. л.12]. Он снял около 200 документальных фильмов на различные темы. Фильмы Свойского в полном смысле этого слова – авторский кинематограф.

Также стоит сказать, что Свойский великолепно монтировал, чтобы сделать отличный сюжет. Именно за монтажом начиналась его настоящая работа. Нина Алексеевна Шумкова говорила: «Иногда нельзя было сделать хоть какое-то кино, потому что был плохой материал, но Боре это удавалось»[3]. Стоит привести пример в подтверждение данных слов. Однажды вышел фильм «Перед судом», который был посвящен ужасному случаю, произошедшему в городе. Два шестнадцатилетних парня запинали до смерти пожилого мужчину. Изначально хотели делать фильм со словами, но Борис Свойский настоял на том, чтобы фильм был молчаливым. Кино начинается с эпитафии «два парня убили беззащитного старика, водка убила в них все человеческое». Далее идут кадры этих парней, судьи, их девушек, а также плачущих матерей. На кадр последних была наложена колыбельная. А в финале показывают кадры того, что они потеряли, что никогда не сбудется. Это считается самым лучшим его фильмом, который длился всего 10 минут, но за это время можно увидеть потрясающую музыку и такой же монтаж.

Но, к сожалению, Бориса Иосифовича Свойского не стало летним утром 16 июня 2001 года. Таким образом, можно сделать вывод, что этот выдающийся человек внес неопределимый вклад в развитие документального кино.

Библиографический список

1. Заводчиков В.В. Деятельность Куйбышевской студии кинохроники и кинообслуживание населения среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): дис. ... канд. ист.наук. Ижевск, 2007.
2. Информация о киностудиях РСФСР и СССР, созданных в период 1918-1993 г. // Интернет-музей Центральной студии документальных фильмов 1927-2022[Электронный ресурс] URL:<https://csdfmuseum.ru/> (дата обращения: 20.11.2022)
3. Интервью. Н.А. Шумкова. Самара, 2022.
4. Самарская кинодокументальная история исчезнет в архивах Москвы[Электронный ресурс]URL:<https://news.samaratoday.ru/news/69557/> (Дата обращения: 19.11.2022)
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 474.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.4095.

В.И.Елин

Самарский национальный исследовательский университет

САМАРСКИЕ БИБЛИОТЕКИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА 1920-Х ГГ.

В послереволюционный период, в 1920-е годы, были осуществлены изменения в различных сферах общественной и политической жизни страны. Это коснулось и социокультурного развития. Именно в этот период времени проходил процесс формирования советской идеологии на государственном уровне. Усилия власти были направлены на внедрение в массовое сознание новых идейных постулатов. Для этого использовались традиционные методы трансляции советской идеологии. Они распространялись различными способами, в том числе и через библиотеки. Целью данного исследования является выявление роли самарских библиотек в организации советского социокультурного пространства. Задачами данного научного исследования являются: сохранение фондов дореволюционных изданий, пропаганда и пополнение советской периодики.

Идеологический отдел Самарского губкома РКП (б) особое внимание уделял деятельности библиотек, направленной на изучение материалов, публикуемых в советской прессе [4, с.189]. В то время существовал орган Самарского губкома ВКП (б) газета «Коммуна», правопреемница большевистской газеты «Приволжская правда». Спустя 11 лет она получила новое название – «Волжская коммуна», впоследствии стала главным средством агитации и пропаганды, широко использовавшейся в самарских библиотеках.

Для обеспечения библиотечных фондов новыми поступлениями 30 апреля 1920 г. было учреждено отделение Центрального государственного

издательства. В сферу его регионального обслуживания вошли Самарская, Оренбургская, Уфимская, Уральская и Челябинская области. Самарским отделением руководил коммунист с дореволюционным стажем Петр Воеводин [4, с.189].

13 июня 1920 г. в помещении Самарского отделения Российского телеграфного агентства состоялось торжественное открытие Дома печати. Оно объединило деятельность местных поэтов, журналистов и писателей. В этом же году, 29 ноября вышел первый номер «Известий Самарского губернского комитета РКСМ», а через два года – первый номер газеты «Голос молодежи», органа Самарского губисполкома РКСМ [4, с.189]. Все эти издания освещали деятельность властных и общественных организаций Самары по актуальным вопросам местной жизни. Например, публиковался разработанный план мероприятий по предупреждению вспышки холерных заболеваний, обсуждался вопрос о положении губернии в связи с голодом в Поволжье [2, с. 141].

Партийные организации ВКП (б) придавали большое значение деятельности библиотек в пропаганде идейных постулатов советской власти. Так, 31 мая 1925 г. при Самарской губсовпрашколе были открыты курсы для секретарей волостных ячеек и избачей (заведующих избами-читальнями) [2, с. 148]. В Самаре особое значение придавалось Александровской библиотеке. В послереволюционный период она была переименована в краевую. В сентябре 1924 г. библиотеке было предоставлено одно из зданий закрывшегося Самарского университета. В ее фондах находились сочинения видных общественных деятелей Самары А.Г. Елшина, С.Е. Пермякова, книжные коллекции петроградского ученого П.К. Симони, профессора К.Д. Чичагова, а также редкие старопечатные издания. В библиотеке были открыты кабинеты истории, литературы, археологии и искусств. Сотрудники читального зала организовывали лекции и встречи с местными писателями. В дни открытых дверей отделы библиотек выставляли для читателей наиболее актуальные книги из своих фондов. У читателей повышенным спросом пользовались литературно-художественные журналы «Октябрь», «Красная новь», «Молодая гвардия» и т.д. [3, с. 35].

Наряду с центральной продолжала функционировать народная библиотека в поселке Зубчаниновка, основанная в 1912 г. Интересные воспоминания о ней оставил публицист, краевед и картограф Владимир Сутырин (1912–2001). Описывая условия функционирования библиотеки, он отмечал: «Библиотека помещалась в клубе им. Линдова...У двери стоял маленький столик. На столике керосиновая лампа, ее свет еле доходит до стен большой комнаты, где установлены полки с книгами. Книги лежат «навалом», безо всякой системы. Найти нужную почти невозможно. Брали то, что попадало под руку. За столиком сидел библиотекарь – товарищ Фарай, бывший военнопленный (вероятно, венгр). Безусловно, честный, преданный делу строительства новой счастливой жизни, но малограмотный, явно

не подходящий к должности библиотекаря. Все вредные – «буржуйские» книги были им изъяты и уничтожены. В их число попали: «Собор Парижской Богоматери», «Князь Серебряный» А. Толстого и многие другие с подобными названиями. Все эти подробности узнал я от Жуковой Л.П. близкой знакомой Надежды Алексеевны Покровской, которая заняла место товарища Фарая, т.е. стала заведующей библиотекой и спасла остатки растерянной, погибающей библиотеки. Покровская была образованной женщиной, знала и любила литературу и быстро навела порядок. Запретила читателям самим брать книги с полок. Установила двухнедельный срок для прочтения двух книг; установила ответственность за целостность книги» [1, с.1].

В целом работа библиотек была направлена на привлечение молодежи к чтению не только художественной литературы, но и на изучение периодических изданий, пропагандирующих советский образ жизни, новые нормы организации общественного и бытового социокультурного пространства.

Библиографический список

1. Воспоминания поэта, краеведа и старожила поселка Зубчаниновка Владимира Виссарионовича Сугырина о библиотеке. Рукописные материалы, предоставленные библиотекой №22 г.о. Самара// Архив автора.

2. Самара-Куйбышев. Хроника событий. 1586-1986. Составители: В.С. Блок, В.И. Буртова, К.А. Катренко (ответственный составитель), И.Г. Королева, Ю.Е. Рыбалко, О.С. Струков. М.: Куйбышевское книжное издательство. 1985. 368 с.

3. Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия/ М-во культуры Самар. обл.; Самар. обл. универс. науч. б-ка; сост. А.Н. Завальный. 2-е изд., испр. и доп. Самара: «Офорт», 2014. 420 с.: ил.

4. Храмов Л.В., Смирнов С.В. Знаешь ли ты свой край? Самара. М.: ООО «Порто-принт» 2012. 350 с.

М.А. Ермолаева

Самарский национальный исследовательский университет

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ г. САМАРЫ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В период середины 1920-х – начала 1930-х гг.в нашей стране происходили качественные изменения во всех сферах общественной жизни. Все многообразие процессов этого десятилетия нашло отражение в советской литературе вообще и в самарской в частности. В литературе этого периода можно выделить три главные темы, которые разрабатывались писателями: индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства и тема обороны Родины.

Отсутствие крепкой сплоченной литературной организации и периодических изданий отрицательно сказывались на качестве литературного процесса [2, с. 47]. В Самаре до 1932 г. существовали три литературные группы: Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), Общество пролетарско-колхозных писателей (ОПКП), а также Самарская ассоциация пролетарских писателей (САПП) [4, д. 1. л. 7].

ЛОКАФ – Литературное объединение Красной армии и флота, было создано в Самаре в 1928 г. Членами общества были красноармейцы и командиры Красной армии, руководителем – писатель-прозаик И.Г. Горюнов. Произведения локафовцев были посвящены повседневной красноармейской службе, проблемам быта, боевой и политической учебы, а также воспоминаниям о Гражданской войне. Напряженная международная обстановка и нарастание внешней угрозы делали военную тематику остро актуальной, поэтому материал самарских писателей о жизни и быте Красной армии был обширен и значителен. Возвращавшиеся из рядов Красной армии бойцы становились передовиками промышленности сельского хозяйства. Об этом рассказывали члены ЛОКАФа в литературном сборнике «К бою» [1], выходившем в 1931-1932 гг. [4, д. 1. л. 5].

ОПКП – Общество пролетарско-колхозных писателей, получило свое название в 1930 г., хотя фактически оно существовало еще в 1920-е гг. и называлось Обществом крестьянских писателей (ОКП). Самарское ОПКП непосредственно подчинялось существовавшему до 1932 г. Краевому обществу пролетарско-колхозных писателей. Активными членами этого объединения были: Н. Морозов, В. Алферов, В. Кузьмин и И. Горюнов [4, д. 3. л. 9]. Темой произведений ОПКП была деревня, ее взаимоотношения с городом, новый быт, борьба с пережитками прошлого, а также сложные процессы коллективизации. Свои произведения члены общества публиковали на страницах «Волжской коммуны», «Волжского комсомольца» и в журнале «Волжская новь». В 1931 г. обществом был выпущен литературно-художественный альманах «Волжские огни». Члены ОПКП оказывали большую помощь сельской молодежи в приобщении ее к работе в областных газетах и в стенной печати на селе [4, д. 1. л. 10].

САПП – Самарская ассоциация пролетарских писателей, являлась самой многочисленной и деятельной организацией в Самаре до 1932 г. Данная организация, сложившаяся еще в начале 1920-х гг., называлась «Слово», а с 1926 г. – САПП «Слово». Секретарем ассоциации был Е. Охитович, деятельными участниками – писатели А. Хохлов, К. Львова, Н. Чибураев, В. Лукин, А. Савватеев, В. Иванов-Паймен. Одним из воспитанников «Слова» был поэт Н. Жоголев. На литературных средах и пятницах «словисты» читали и обсуждали свои произведения. Ключевыми темами произведений были прошлое и настоящее города Самары, производственная жизнь фаб-

рик и заводов [4, д. 4. л. 11], вопросы деревни и много других жизненно важных тем. Большую работу «словисты» провели по изучению народного эпоса. Они собрали и записали более пятисот песен, около трех с половиной тысяч частушек, несколько сотен пословиц, поговорок, сказок и легенд. Свои произведения члены САПП печатали в газете «Коммуна» и в журнале «Волжская новь», а в 1926 г. Самарская ассоциация пролетарских писателей «Слово» выпустила литературно-художественный сборник «Сарынь» [3].

Самарская ассоциация одной из первых в городе организовала литературные бригады («литбригады») на производстве. Они оказывали практическую помощь работникам заводских стенных газет в их оформлении и организации рабочих корреспондентов. Писатель А. Савватеев по поводу деятельности литбригады на Самарской Государственной районной электростанции писал: «... поворот литературы лицом к производству, навстречу заводским будням с их героической борьбой за выполнение промфинплана — есть важнейшая политическая кампания, требующая от местных ассоциаций и каждого пролетарского писателя глубоко продуманного и ответственного разрешения этой задачи» [4, д. 1. л. 12].

Таким образом, все три литературные организации г. Самары, созданные после 1925 г., оказывали положительное влияние на развитие литературного процесса. Они помогали рабочему и крестьянскому читателю ближе познакомиться с достижениями советской литературы, популяризировали богатое наследие русской классической культуры, вели работу по созданию литературных кружков на заводах, фабриках, в районах и селах. Данные организации приобщали широкую массу рабочих корреспондентов к работе в газете. Но к началу 1930-х гг. в РАПП проникли чуждые пролетарской идеологии элементы, которые повели активную борьбу против социализма. Разрушительные идеи и взгляды рапповцев проникли во все литературные организации страны, поэтому ЦК ВКП(б) принял решение ликвидировать существующие ассоциации во всех видах искусства и объединить писателей, поддерживающих Советскую власть, в единый Союз советских писателей.

Библиографический список

1. К бою. Литературно-художественный сборник. В 3 т. Самара: Сред.-Волж. краев. гос. изд-во, 1931-1932.
2. Очерк истории русской советской литературы. В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954-1955.
3. Сарынь. Литературно-художественный сборник. Самара: Самарский Губиздат, 1926. 120 с.
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 692. Оп.1.

ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЧТОВЫХ МАРКАХ

Цель данного доклада состоит в том, чтобы охарактеризовать опыт визуальной репрезентации истории российской культуры в почтовых марках, осуществленный коллекционерами.

Отличительной особенностью современной культуры является визуализация, что стало основанием для выделения исследователями визуальной культуры как совокупности различных зрительных (визуальных) образов, репрезентирующих ее [3; 6]. К числу таких визуальных образов относятся почтовые марки.

История отечественных знаков почтовой оплаты начинается со времени, когда Санкт-Петербургская городская почта выпустила конверты со штемпелем синего цвета – 1 декабря 1845 года, а Московская городская почта – со штемпелем красного цвета, что произошло 27 февраля 1846 года. Штемпели явились прообразом почтовых марок. Прокат рисунка первой русской марки создан гравером Ф. М. Кеплером в 1856 году. Его проект стал образцом при доработке рисунка первой русской марки. Император Александр II утвердил этот образец и с ноября 1857 года вместо штемпельных конвертов стали выпускать почтовые марки [2]. С 1 января 1858 года почтовая марка стала важным элементом, так как почтовый департамент Российской империи издал циркуляр «О введении почтовых марок для всеобщего пользования». На основании этого циркуляра марки вводились в почтовый оборот на европейской части территории России» [1, с. 16].

Попыткой осмысления богатства марочного фонда является изданная И.И. Кривошеиным и Т.Л. Кривошеиной книга-альбом «Русская культура в филателии. Хроника событий до 1917 года», где марки иллюстрируют наиболее важные события российской культуры. Данные события и факты отобраны коллекционерами согласно «Хронике мировой культуры», а также из книги С.В. Стахорского «Русская культура: популярная иллюстрированная энциклопедия» [4] и дополнены сведениями из энциклопедических изданий и других источников [5]. В 2020 году книга-альбом экспонировалась на Всероссийской филателистической выставке и была отмечена двумя Большими серебряными медалями.

Идея создания книги-альбома выросла из семейного увлечения филателией, которое началось еще в 60-е годы прошлого века. По словам коллекционера Т.Л. Кривошеиной, «мы увидели, что кроме маленьких обыденных монохромных почтовых марок существуют большие высокохудожественные яркие, цветные, поражающие своей красотой и информативностью, поэтому нам захотелось их собирать. Одной из первых таких марок

была иностранная, даже не одна, а лист в целую страницу, там был изображен африканский континент, на нем обитающие там животные. Это было что-то невероятно красивое. Куплена она была в командировке в Донецке, рядом с магазином «Филателия», где собирались коллекционеры» [7]. Со временем коллекционеры собрали довольно большое количество марок по разным темам. Затем произошел большой перерыв и вновь коллекционеры вернулись к маркам в 90-е годы и стали формировать уже коллекции марок.

Коллекции формировались ими на основе той периодизации русской культуры, которую предложил в своей книге «Русская культура: популярная иллюстрированная энциклопедия» С.В. Стахорский. И.И. Кривошеин задумал каждую марку, иллюстрирующую конкретное культурное событие, снабдить соответствующей информацией, взятой из этой книги. При этом информация была не только расширена и дополнена, но и выражена в образной и яркой форме. Такой подход был впоследствии отмечен российским Обществом филателистов, которое наградило их медалью за разработку новых методов и форм работы с молодежью.

Со временем коллекционерам стало понятно, что историю российской культуры, репрезентированную в почтовых марках, невозможно представить в одной книге-альбоме, поэтому для первого альбома были взяты марки, представляющие российскую культуру во временном отрезке до 1917 года. Тем не менее объем работы оказался громадным. Сначала был создан рукописный вариант в 3-х томах.

Не все было гладко, коллекционеры столкнулись с трудностями. К примеру, один и тот же деятель культуры, например, Лев Толстой был изображен на нескольких марках. Писатель был изображен на марках в разном возрасте и надо было совместить их с его произведениями. Коллекционерами был составлен именной указатель – примерно 850 имен.

Колоссальная работа была проведена над составлением перечня рисунков (марок): для каждого рисунка был указан номер марки и страница в соответствующем Государственном каталоге. В итоге получилось 400-страничное уникальное справочное издание, в котором 1700 цветных иллюстраций.

Таким образом, богатый марочный фонд, посвященной российской культуре, был в книге-альбоме коллекционеров Кривошеиных представлен как ее визуальная репрезентация, что позволяет использовать ее как для преподавания культурологии и истории российской культуры.

Библиографический список

1. Бородин А.А. АО «Марка». Опыт многолетней работы // Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: Сб. методических материалов. СПб., 2018.

2. Каталог. Государственные знаки почтовой оплаты. Почтовые марки Российской империи. 1857-1919. Почтовые марки РСФСР 1919-1923. Почтовые марки СССР 1923-1960. 2-е изд. М.: Марка, 2011.

3. Сальникова Е. Визуальная культура в медиасреде. Современные тенденции и исторические экскурсы. М.: Прогресс-традиция, 2017.

4. Стахорский С.В. Русская культура: популярная иллюстрированная энциклопедия. М.: Дрофа-Плюс, 2006.

5. Хронология всеобщей и русской истории. По изданию 1905 Брокгауз-Ефрон. М., Калининград: Аргумент, Янтарный сказ, 1995.

6. Штомка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: пер. с польск. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2007.

7. Воспоминания Т. Л. Кривошеиной (из личного архива автора).

Д.Д. Шихова

Самарский национальный исследовательский университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО БАЛЕТА В 1920–1930-е гг.

Становление русского балета приходится на первую половину XX в. Именно в этот период были заложены основы классического танца, преподавания в хореографических училищах, создания балетных постановок. Время требовало новых открытий в области метода и стиля.

Годы, совпавшие с первым периодом становления советского балета (1917-1920-е гг.) были особенно трудными для страны. В этих условиях перед советским балетом встали две проблемы: сохранить классическое наследие русского императорского балета и создать новое искусство, созвучное революционной современности [7, с. 103-104].

В этот период советские хореографы политизировали балет, отражая в постановках дух революции. Так, балетмейстер А.А. Горский выступил за целостность балетного действия, историческую достоверность стиля, естественность пластики. «Мне хотелось бы, чтобы в основу исполнения легло художественное чувство каждого, чтобы каждый проникся духом изображаемого лица и представил его так, как он его понимает» [2, с. 89].

Балетмейстер М.М. Фокин обновил содержание и форму балетного спектакля, создал новый тип – одноактный балет, где содержание раскрывалось в единстве музыки, хореографии и сценографии [1, с. 197-202]. Также он полностью отказался от основ классического танца: «Арабески, аттитюды, вытянутые, как палки, ноги в четырех позициях, руки “веночком” над головой... – все это раз и навсегда ушло из моих балетов на античные сюжеты» [9, с. 92]. Главными соавторами обоих балетмейстеров стали художники. Горский писал: «Балет представляет собой ряд картин, но вдруг оживших и зашевелившихся...» [2, с. 89].

Наибольшее развитие в балетном искусстве 1920-1930-х гг. получила хореографическая драма – синтез танца, пантомимы, музыки, исторически достоверной сценографии и профессиональной актерской игры [8, с. 79-82]. Первый такой спектакль – балет Р.В. Захарова «Бахчисарайский фонтан».

Изменения 1920-30-х гг. коснулись и балетного костюма. Он должен был выявлять историческую, социальную, национальную, индивидуальную характерность персонажа, быть легким, удобным для танца, подчеркивать структуру тела и движения [4, с. 5-7]. Теперь балетмейстер должен был подробно изучить эпоху, перед тем как приступить к работе над балетом. Реформы 20–30-х гг. XX в. вывели балет как искусство в центр эстетических исканий, а также заставили современников по-новому взглянуть на него.

Что касается артистов балета и их обучения в 20-30-х гг., то, несмотря на эмиграцию некоторых выдающихся деятелей после 1917 г., школа русского балета сумела выдвинуть новых исполнителей.

После революции 1917 г. Императорские театральные училища вошли в общую государственную систему образования как «хореографические техникумы». Распространенными типами учебных заведений стали студии, балетные школы, институты, вечерние курсы. В 1930-е гг. открываются новые оперно-балетные театры в Ленинграде (Малый оперный театр), Москве (Московский художественный балет) и в других городах.

Первые учебные планы и программы подготовки преподавателей балета Ленинградского государственного хореографического техникума, вышедшие в 1928 г., разрабатываются А.Я. Вагановой совместно с Л.С. Леонтьевым, А.М. Монаховым, В.И. Пономаревым [3, с. 33-36]. Имя Вагановой – педагога особенно значимо в искусстве балета: «... жизнь Вагановой, ее убежденность в том, что место классическому балету есть в этой новой стране, во многом спасли тот золотой фонд балетной классики, который мы сегодня можем видеть» [6]. В 1934 г. вышел учебник А. Вагановой, который включал систему воспитания от простого к сложному и новую постановку корпуса и рук.

В числе ведущих артистов балета конца 1920-х – начала 1930-х гг. были Т.М. Вечеслова, О.В. Лепешинская, Е. Гельцер, А.Н. Ермолаев, которые внесли большой вклад не только в развитие русского, но и мирового балета. Татьяна Вечеслова в совершенстве владела техникой классического танца и легкостью бега на пальцах, она создавала как глубоко трагичные, так и комедийные образы. Ольга Лепешинская участвовала во многих новаторских постановках того времени. Екатерина Гельцер с легкостью создавала энергичные и жизнерадостные образы, она была первой балериной, отмеченной званием народной артистки РСФСР. Алексей Ермолаев изменил представление о мужском танце и вывел его на новый уровень виртуозности.

Таким образом, период 1920-1930-х гг. был одним из ключевых этапов в формировании и дальнейшем развитии русского балета. В эти годы происходит формирование основ балетной педагогики, которые сохраняются и в наши дни. В балетах конца 1920-1930-х гг. создали свои лучшие роли многие талантливые артисты. Это было начало реформ и формирования официального метода социалистического реализма в новом хореографическом театре, где форма балета XIX в. сочеталась с новым содержанием. Русский балет этого периода оказывал существенное влияние и на развитие мирового хореографического искусства.

Библиографический список

1. Бахрушин Ю.А. История русского балета. М.: Советская Россия, 1965.
2. Балетмейстер А.А. Горский: Материалы. Воспоминания. Статьи. СПб., 2000.
3. Валукин М.Е. Анализ педагогики балета конца XIX – первой половины XX века // Вестник МГУКИ. 2010. № 6(38).
4. Ергалиева К., Сайганова К.А., Исаковских Е.И. Балетный костюм – от жизни к сцене и от сцены к жизни // Костюмология. 2018. № 2.
5. Красовская В.М. История русского балета. Л.: Искусство, 1978.
6. Лиёпа И.М. Мой балет. М.: АТС, 2018.[Электронный ресурс] URL: <https://iknigi.net/avtor-ilze-liepa/158000-moy-balet-ilze-liepa.html> (дата обращения: 18.11.2022).
7. Предеина Т.Б. Вопросы периодизации истории отечественного балета XX-XXI веков // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1(33).
8. Розанова О.И. «Драмбалет» – взгляд из XXI века // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2016. №1 (42).
9. Фокин М.М. Против течения. Л., 1981.

А.В. Михеева

Самарский национальный исследовательский университет

ПОХОРОННАЯ КУЛЬТУРА РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Процесс создания нового советского человека в начале 1920-х гг. комплексно складывался из множества факторов, одним из которых было установление атеистического общества и создание новых повседневных практик для населения, ранее связанных с религиозными догматами. Изменения в порядке регистрации и оформлении процессов, связанных с переходными периодами в жизни каждого человека, таких как рождение, заключение брака и смерть, сопровождалась трансформацией их обрядной составляющей, что коренным образом меняло жизнь граждан советской России. Изучение советской смертности, заключающийся в анализе изменения государственной политики в отношении смерти и погребения, а также в появлении новых похоронных практик является важным для создания полной картины реформированного советского общества.

Изменение государственной политики советской власти в отношении смерти и погребения началось с принятием ряда декретов, первым из которых стал декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [4, с.161-163], который создавал новую систему в организации браков, рождений и смертей. Регистрация смертей отныне должна была производиться светскими властями и проходить через органы ЗАГС. Кодекс 1918 г. пояснял, что «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений» [2]. Одним из самых важных для реформирования похоронных практик стал декрет «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г. [1]. Ключевой особенностью данного документа стало установление одинаковых похорон для всех категорий населения, так как были отменены разряды мест погребений, все кладбища и прочие места захоронений были переданы под контроль местных Советов.

Изменения в повседневных практиках организации похорон можно условно разделить на частные и общественные. Если частные процессии в основном сохраняли в 1920-е гг. церковную составляющую и в целом процент обращений в ЗАГС для проведения гражданских похорон составляло на 1927 г. лишь 40,4% по Самарской губернии [7, л.33об], то общественные похороны, имеющие политическую окраску, были организованы по-новому и хорошо описаны в рамках архивных материалов. Изменение смертных практик можно проследить во время похорон жертв крестьянского восстания в Сызранском уезде в марте 1919 г. [5, л. 104], которое относится к крупнейшему крестьянскому восстанию эпохи военного коммунизма, в исторической литературе получившее название «чапанной войны» [3].

На похоронной процессии присутствовал оркестр, Исполком коммунистического военного отряда с партией коммунистической ячейки, военный отряд Сызранского Уездпродкома. Первый гроб принадлежал Смирново – Смирницкой. По сообщениям из доклада по обеим сторонам гроба стояли по три служащих Отдела по Народному образованию, а за гробом шли дети столовой имени Луначарского, где в последнее время занималась товарищ Смирницкая. Стоит заметить, что при заседании комиссии по похоронам согласовывались внешние атрибуты похоронной процессии. Например, Смирницкой от Отдела Народного образования, где она трудилась служащей, заказывался отдельный венок с лентой, на которой находилась надпись: «Борцу Пролетарской Революции товарищу Смирницкой, погибшей за торжество великой идеи коммунизма» [5, л.105]. За детьми поперек улицы шла цепь служащих уже упомянутого отдела по Народному образованию в составе шести человек и несла «стяг», или попросту флаг. Второй гроб занимал Тарасов. По обеим сторонам от гроба находились по три человека из Совета профессиональных союзов со стягом. Третий из описываемых покойников был воспитанником Вольмарской Учительской семинарии товарищ Пугуна. Его сопровождали воспитанники семинарии. Да-

лее в шествии следовали остальные гробы, около которых стояли лица от всевозможных организаций, к которым принадлежали павшие в восстании. Стоит отметить, что в похоронной процессии принимали участие самые юные граждане советской России, как, например, воспитанники детского сада, учащиеся I и II ступени с учителями, Союз учителей интернационалистов, Союз молодежи III интернационала. Кроме молодого поколения, в шествии были задействованы профессиональные союзы, рабочие тоннеля, железнодорожники, воинские части и другая публика. По сообщениям из доклада, сборным пунктом для всех участников процессии был Женский Монастырь, а братская могила для покойников была организована в Кузнецком садике. Также стоит сказать, что для данного мероприятия были закреплены ответственные ораторы, которые должны были выступить с речами. Так, среди них обязательно должен был быть представитель партии, представитель учителей-интернационалистов, представитель воспитанников Вольмарской учительской семинарии, представитель I-го коммунистического отряда, а также выступить мог любой желающий.

Таким образом, «десакрализация похорон, вывод их из сферы ответственности религиозных институтов в сферу социальной и даже санитарной ответственности государства сопровождалась — и во многом обуславливались ревизией представлений о человеке, связанной с доминированием материалистического мировоззрения и отчасти спровоцированной такой ревизией десемантизацией смерти...» [6, с. 281]. Изменения, начавшиеся с принятием ряда законов, касающихся организации похоронного дела, существенным образом оказали влияние на трансформацию повседневных практик советских граждан. В первое десятилетие советской власти частные похороны были еще сильно связаны с религией и ее традициями, однако, общественные погребальные обряды стали практически полностью светскими.

Библиографический список

1. О кладбищах и похоронах: Декрет Совета Народных Комиссаров. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17275#GRw5SQTiijQkuEe4> (дата обращения 19.12.2022).

2. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. [Текст] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1957. 640 с.

3. Ерофеев В. Чапанная война. 1919 год // В. Ерофеев. Историческая Самара. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--7sbbaaazuatxpyidedi7gqh.xn--p1ai/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3/%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B-%D1%85%D1%85-%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0/1919-%D0%B3%D0%BE%D0%B4.html> (дата обращения 19.12.2022).

4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР // Исторические материалы [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/27646> (дата обращения 07.11.2022).

5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.141. Оп.1. Д.8.

6. Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022.

7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р20. Оп.1. Д.21.

Ю.Р. Ахмадуллина

Самарский государственный институт культуры

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ОБЪЕКТОВ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ САМАРСКИХ ТАТАР

Своеобразным феноменом, характерным для этнической культуры любого народа, являлась сакрализация природных объектов – водных источников (озер, родников), гор, деревьев, уникальных мест окружающего ландшафта. Научные публикации по теме рассматривают, как правило, сакральные объекты в православных религиозных практиках, значительно реже это относится к исламским традициям [2;4].

В действительности же, культура повседневности и ритуальные действия мусульманских народов повсеместно обращены к сакральному пространству, которое включает в себя места почитания святых (аулие), мечети, родники и деревья, камни, горы [1] и другие ландшафтные объекты. Все они, почитаемые как священные, демонстрируют тесную связь с этнической идентичностью народа.

Данная работа посвящена сакральным объектам, расположенным на территории Камышлинского района Самарской области и включенным в культурные практики самарских татар. Основными источниками явились визуальные наблюдения, материалы устной истории, полученные автором от старожилов ряда селений.

Особую роль в обрядности самарских татар играет вода. Сакрализация воды человеком обусловлена ее жизненной оздоровительной и очистительной силой, способностью разделять и соединять два мира – жизни и смерти. Главной водной артерией в райцентре Камышла является река Сок. В ее верховьях располагается сероводородный источник. Согласно описанию П.С.Палласа, «...горы, вдоль Сока простирающиеся верст на 8, состоят отчасти из гипсового, отчасти из белого крепкого известкового камня, и на речной стороне видны утесы из дикого камня, между которыми везде растет малое гороховое дерево. Из-под такого от Сока на 30 сажен, а от деревни Камюшли на 2 версты отстоящего каменного утеса бежит между камнями у дороги чистый источник, в котором вода несколько смешана с частицами горючей серы и известняка, также имеет нарочитый серный

запах, и, протекая по низкому месту в Сок, оставляет на траве малую белую осадку. ...Татары называют сей ключ Кюкерт, что значит «горючая сера» [3]. Сегодня этот родник и его вода, овеянные легендами о чудесном исцелении людей, местные жители называют **Камышлинская Мацеста**.

Родник **Озын-Тау** (длинная гора) около с. Камышла получил название от местности, где он находится – на высоком левом берегу реки Камышлинка, куда и впадает. По рассказам старожилов села, уставшие пешие путники, на обозах с лошадьми останавливались около родника, чтобы отдохнуть и напиться прохладной водой. Иногда здесь же приходилось хоронить спутников, о чем молчливо свидетельствуют холмики, расположенные неподалеку от родника. Обращают на себя внимание камни, лежащие на дне источника и на его берегу, похожие на «гусей» и «уток». Место это почитается окрестными жителями как священное.

Сакральный объект села Новое Усманово Камышлинского района – Родник Святых. Его появление связано с тем, что в давние времена при эпидемии тифа в деревне умерло очень много людей. Среди них было несколько проповедников-святых, которых хоронили отдельно, на высокой горе. Отсюда и название родника. Эти погребения в настоящее время аккуратно огорожены. Молодые информаторы рассказали нам, как они ходят к родникам перед сдачей ЕГЭ. Перед экзаменом обычно просят, чтобы Алла́х дал школьнику «тел ачыкчы» («ключ языка»).

Родниквсех Святых – Изгелэр чишмэсе расположен на высокой горе около с. Старая Балыкла. Как гласит легенда, арабский путешественникИбн-Фадлан, возглавлявший мусульманскую миссию из Багдада в Волжскую Булгарию в 922 г., остановился здесь, чтобы совершить намаз. В это время пробил родник. Сегодня он вытекает из-под березы и с горы спускается к речке Телегес (бешеный глаз). Сохранившиеся около родника стол и скамеечки свидетельствуют о почитании и паломничестве в эти места.

Гора Зэрэ-тау – гора богини – сестры Солнцаоколо с. Старая Балыкла, за ней всходит солнце. Здесь проводили обряд зазывания весны, встречи птиц (Каргатуй – грачиная свадьба). По прилету грачей определяли – будет ли весна теплая, выходили на излучину горы (жэйлэу) – первую проталинку, освободившуюся от снега. Там многодетная бабушка (плодовитая женщина) собирала детей, они приносили с собой крупы, яйца, масло для каши (Карга боткасы – грачиная каша). Разводили костер, в казане варили кашу. Дети играли в догонялки: если с неба падала тень, они бежали от тени, на солнечную сторону. Сваренную кашу раскидывали на землю – кормили грачей, ели все присутствующие на обряде.

Одинокая береза, под которой, согласно легенде, покоится проклятая своей семьей девушка-мусульманка из с. Старая Балыкла. Она вышла замуж за русского генерала из исчезнувшего с. Седяково; умерла во время

родов. Жители обоих сел не разрешили похоронить ее на своих кладбищах. Могилу выкопали между двумя селами, а на ней посадили молодую березу — дерево «печали и горя» в татарской традиции. Этой березе около 200 лет, но и по сей день она остается «одинокой», без отростков. В весенний период береза «плачет» каплями сока, которые ассоциируются со слезами девушки.

Родник Томай около с. Старая Балыкла, где совершался обряд вызывания дождя.

Одинокое старое захоронение святого (изгелэр зияраты), на Липовой горе у с. Старое Ермаково. Здесь местными татарами проводился обряд вызывания дождя (янгыр ашы). Около могилы читали молитву, просили дождя. Впервые об этом захоронении в краеведческой литературе сообщила Рауфа Каримовна Уразманова (г. Казань), зафиксировав 2 захоронения в полевых исследованиях 1990-х гг. Подобная ситуация характеризует и место около захоронения святого в центре с. Татарский Байтуган Камышлинского района.

В 2016 г. в селе Назаровка Клявлинского района, где сегодня проживают крещеные татары — кряшены, был проведен обряд вызывания дождя. Главный распределитель обряда — пожилая женщина «дождевая бабушка» (янгыр эбисе) пышный букет из декоративного растения приносила в жертву роднику мертвых (улеклер чишмэсе). После участники обряда шли на кладбище, «отливали покойников», умерших недавно и не своей смертью, собирали в носок с их могил землю, привязывали его к дереву на самой старой могиле. Заключительный этап обряда завершился массовым обливанием водой.

Таким образом, мы видим, что сакральные объекты являются памятниками нематериального культурного наследия указанных селений, времен связующей нитью в передаче культурного опыта предков молодежи.

Библиографический список

1. Аминев З.Г. Отголоски культа гор у башкир // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Республики Хакасия (23–24 июня 2011 г.). Абакан, 2011. С. 269–277.

2. Ларина Е.И. Сакральные пространства казахов: историческая память, иеротопия и идентичность // Электронный образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75). <https://doi.org/10.18254/S0002560-5-1>

3. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773.

4. Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

**«ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»: ИСТОРИЯ ДАЧ ДЛЯ ДЕТСКИХ САДОВ
И ДЕТСКИХ ДОМОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Занимаясь проблемой феномена советской дачи 1960–х гг. как историко–культурного и социального явления, возникла необходимость проанализировать предтечу дачной повседневности в СССР, корнями уходящей не только в дореволюционную историю дач, но и в «детское движение» первых лет советской власти, когда в рамках формирования нового советского человека, власть обратилась к юной «аудитории» советской страны, ее здоровью и моральному облику. Помимо создания общественных детских организаций с их инкорпорированностью в идеологию, стали проводиться мероприятия по оздоровлению детей. В Куйбышеве в 1935 году для детей до 4–летнего возраста больных туберкулезом открылся санаторий на Крестьянской улице № 36. Стоимость двухмесячной путевки – 200 руб. [10, ф. 9527. оп. 5. д. 46. л. 4]. В 1832 г. соцбыт сектор КСПС собирал информационные сводки с подтверждением цифровых данных по решениям и директивам КСПС по вопросам о развертывании сети детучреждений на летний сезон, о летней оздоровительной работы среди [10, ф. 9474. оп. 1. д. 307. л. 2].

Многие городские дети из низших сословий в дореволюционный период, как герой повести Леонида Андреева «Петька на даче», даже и не подозревали, как можно оказаться «в раю» за городом, а уж тем более, там отдыхать. Поэтому с первых же лет советской власти была поставлена задача вывозить детей на лето отдыхать на дачи. То, что было недоступно в царской России таким детям, как маленький подмастерье Петька, теперь становилось доступным: кто был ничем, тот станет всем. «Униженные и оскорбленные» дореволюционного времени с приходом советской власти не только овладевали материальными ценностями свергнутых, но и в некоторой степени получали возможность приобщаться к их образу жизни. Так в «Бронзовой птице» Анатолия Рыбакова, пионерский отряд получает возможность проводить время в бывшей графской усадьбе Карагаевых. Там же размещалась трудовая коммуна для беспризорников. То есть советская власть стала на практике претворять в жизнь лозунг: «Все лучшее – детям!», в том числе и возможность летнего отдыха на даче. В 1945 г. выходит рассказ Н.Носова «Про репку», в котором описан летний дачный быт детского садика. Популярный в СССР Джанни Родари, автор «Чипполино», написал даже стих в переводе Маршака, про летний отдых на дачах.

Одним из теоретиков, которые в первые годы советской власти разрабатывали проблему «материнства и детства», была Н.К.Крупская. В своей работе «Женщина-работница», Надежда Константиновна писала о тяже-

лом положении трудящейся матери в дореволюционной России. «... в большинстве случаев женщина-работница поставлена в полную невозможность разумно воспитывать своих детей» [8]. «Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста», считает Макаренко в статье «Некоторые выводы из моего педагогического опыта». Таким образом, дача становилась как раз той формой коллективного отдыха и оздоровления детей, которые были описаны в трудах теоретиков советской педагогики.

Среди диссертационных работ, посвященных детской советской повседневности отсутствуют сюжеты, связанные с дачами и так называемыми «очагами» первых лет советской власти. В публицистике заслуживает внимания статья Т.Воеводиной «Детсадовская дача как советский феномен» [4].

Опубликованные воспоминания о повседневной жизни на советской детсадовской даче в Вырице позволяют выявить некоторые черты этого летнего мира: «... на эту дачу выезжали дети из нескольких садиков, потому что там было много незнакомых детей... Бытовые удобства были на улице, отправляли большими группами, а на ночь в группе ставили ведро. Мыли детей в бане раз в неделю» [14].

Чем-то похожим, с вышеуказанной дачей, являются Балтымские дачи Свердловской области [12]. Тогда дачи и пионерские лагеря содержали на балансе все крупные предприятия и организации города, включая Уральский военный округ. Детские дачи УрВО располагались на берегу озера Балтым.

Была еще и «лесная школа», например, в эколого-эстетическом лагере «Дружба» Утевской средней школы. Желающих в эту школу было больше, чем мест в лагере. Поэтому проводили отборочные районные соревнования и выбирали лучших, которые и представляли свои школьные лесничества в Утевке. Изучали биологические особенности лесных насаждений, знакомились с техникой и инструментами лесного хозяйства, а в перерывах «лесовички» купались в целебной воде озера Лещевое [11].

В 1920-е гг. начали проявляться черты феминизма, женщины зарабатывали меньше мужчин, пытались прокормить потомство. Дети жили в грязи, без кроватей, умывальников. В доме жил и домашний скот. Смертность детей до года достигала 30% [9]. Поэтому стали появляться детские учреждения, в которых дети жили сутками, не мешая матерям учиться и работать. В детском саду Союза кооперации и госторговли тов. Гусева было такое расписание занятий [10, ф. 9474. оп. 1. д. 307.л. 46-49]: С 9 до 10 ч. вечера-приход, свободные занятия. / С 10 – 10 1/2 – приведение в порядок/ умывания, чистка зубов. / С 11 – 12 ч. плановая красота / С 12 – 1 ч прогулка / с 1-2 ч – обед / После обеда свободные занятия / В летнее время сон от 2 до 3-х часов. / 10 человек уходят в 5 1/2 – 6 часов.

Открывали «Дома беспризорной матери» для женщин с детьми, лишенных поддержки семьи. В Самаре Крайком Союза пищевкусовых предпри-

ятий открывает дет”ясли для работниц предприятий [10, ф. 9497. оп. 2. д. 383. л. 4]. В 1931г. в Самаре Крайком предложил открыть деточаг на 4 просеке. Плата за пребывание детей в деточаге была такой: с родителей получающих до 50 р. – 10 р., до 75 р. – 12 р. 50к., 100 р. – 15 р., 150 р. – 20 р., свыше 150 р. – 25 р. [10, ф. 9474. оп. 1. д. 307. л. 3].

В 1929 г. в официальном путеводителе по городу деточаги и детсады разделялись. Вероятно, деточаг более образцовое учреждение. В 1934 – 1935 гг. “деточаг” и “детсад” стали одновременно употребляться. Возможно, детский сад по революционному назывался “деточаг”.

Что касается Самарского края, детсадовские летние дачи связаны с именем А.Гайдара. До сих пор точно неизвестно, в каком конкретно детском оздоровительном учреждении проводились в 1930–х гг. съемки фильма «Тимур и его команда», вышедшего на экраны в декабре 1940 г., а через год вышла повесть [6]. Часть съемок проходила в подмосковном Нахабино, а часть на дачном пригороде г.Куйбышева – Поляне им. Фрунзе [3] в районе 9 просеки. Краевед И.Кондратьев пишет «... в районе 3-й просеки» [7]. Сюжет посвящен игре, объединившей детей дачного поселка. Через игру Гайдар хотел рассказать детям о важных вещах: дружбе, порядочности и милосердии.

Актеры и кинематографисты разместились на дачах, построенных для офицеров военного гарнизона. Из воспоминаний участницы съемок Зои Романюк: «Шел 1938 год. Нам было по 11-12 лет. Жили мы в детском доме № 1 на 2 линии (так называлась наша улица)» [5].

«Кроме самарских детдомовцев на съемки возили испанских детей. Они тогда жили в доме отдыха «Коминтерн» в 1939-1940 [2]. По другим данным – детский дом якобы находился на бывшей даче купца Соколова [13].

На территории просек располагались летние дачи детских садов, но не все детские сады пользовались «загородной недвижимостью». В даче купца В. Неклютина (Шихобалова), непонятно кому из братьев она принадлежала, Владимиру или Виктору [2], в 1920-х гг. располагался детский дом. После Великой Отечественной войны создан детский сад-ясли № 111. Дача Неклютина снесена на рубеже 1980-90-х гг.

Дальнейшая судьба советских детских дач на сегодняшний день не изучена в историографии. Исключения составляют статьи в газетах. Например, из газеты «Волжская заря» за 1987 год [7], Т. Миганова рассказала о даче, в которой был детский сад №55, затем №16, который располагался на улице Алексея Толстого 47 и был подшефным элеватора и мельзавода №3 (Крупской, 1) [1], а летом на 3-й просеке. Не осталось предприятий, которые помогали детским садам – элеватор снесен, мельзавод №3 закрыт [7].

Закат детских дач пришел в начале 90-х годов, с развалом советской системы здравоохранения. Начался процесс приватизации, предприятия стали сбрасывать с себя балласт – пионерские лагеря, дачи, детские комбинаты.

Библиографический список

1. Артемов А. Крупным планом 2-я и 3-я просеки: пионерлагерь им. Ляпидевского, санаторий «Волжские зори» и агробиологическая станция. 2022. // Журнал «Другой город» [Электронный ресурс] URL: https://drugoigorod.ru/second_and_third_clearings/
2. Артемов А. Крупным планом 9-я просека: поляна им. Фрунзе, бывшие дачи Соколовых и Шихобалова, лесная школа и первый самарский автобус. 2022 // Журнал «Другой город» [Электронный ресурс] URL: https://drugoigorod.ru/ninth_clearing_frunze_glade/
3. Бакуменко Е.В. История съемок фильма «Тимур и его команда» в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). 2016. // г. Самара. В моем городе снимается кино. Чувство родины [Электронный ресурс] URL: https://rodinamal.blogspot.com/2016/08/blog-post_15.html?m=1
4. Воеводина. Т. Детсадовская дача, как советский феномен. 2015 // Газета «Завтра» [Электронный ресурс] URL: <https://zavtra.ru/blogs/detsadovskaya/dacha>
5. Генина Е. Самарские детдомовцы учили Женю из фильма “Тимур и его команда” переплывать Волгу и воровать яблоки. 2017. // Комсомольская правда [Электронный ресурс] URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26680/3703567/>
6. Добрусин В. Тимур и его команда 1940 // Самарские судьбы. 2010. # 12. С. 70. [Электронный ресурс] URL: www.samsud.ru
7. Кондратьев И. Когда заводы Куйбышева спонсировали летние дачи детских садов. 2020 // Блог Игоря Кондратьева. Город на реке Самара [Электронный ресурс] URL: <https://gregorkon.wordpress.com/2020/05/28/letniedachi/>
8. Крупская Н. К. Женщина-работница. 1899. Библиотека фантастики: rulibs.com [Электронный ресурс] URL: http://rulibs.com/ru_zag/prose_contemporary/kрупskaya/0/j69.html
9. Младенческая смертность в РФ: статистика, причины, динамика. 2016. UroWeb. Урологический информационный портал. [Электронный ресурс] URL: <https://www.uroweb.ru/article/mladencheskaya-smertnost-v-rf-statistika-prichiny-dinamika>
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ).
11. Чернецова А. Лесная школа // Вечерняя Самара. 1998. 25 июля. С. 2.
12. Шаповалова Л. Летняя дача для детсадовцев: пережиток советского прошлого или несбыточная мечта современных родителей. 2018. // Общественно-политическая газета «Уральский рабочий» [Электронный ресурс] URL: <https://www.uralsky-rabochi.ru/news/item/22156>
13. Шорина А. «Вива СССР!»: как жили маленькие испанцы в Куйбышевском детдоме. 2018. // 63RU Самара онлайн [Электронный ресурс] URL: <https://63.ru/text/culture/2018/05/07/54398941/>
14. Я вспоминаю – детский сад на даче. 2012 [Электронный ресурс] URL: <https://hettie-lz.livejournal.com/1386627.html>

СЕКЦИЯ V. ИСТОРИЯ РОССИИ В XX В.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

Д.С. Митяев

Самарский национальный исследовательский университет

ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гражданской войне в Самарской губернии посвящено множество научных трудов — монографий и статей. В российской историографии Гражданской войны можно выделить три периода. Первый период начинается в: 1918 г. и завершается серединой 50-х гг. Второй период охватывает вторую половину 50-х гг. и первую половину (середины) 80-х гг. В третий период мы включаем конец XX в. и первые десятилетия XXI столетия.

К числу первых документальных публикаций, вышедших в 1918 г. в период Самарского Комуचा следует отнести «Революция 1917—18 гг. в Самарской губернии» [5] под редакцией одного из лидеров самарской организации партии эсеров П.Д. Климушкина. Сборник состоит из двух разделов. В первый вошли 12 статей. Во второй включено — 14. Ценная историческая информация содержится в статьях Г. Хрунина «Первые дни в Самарском гарнизоне», К. Г. Глядкова или «История Комитета Народной власти первого периода». Здесь же помещено лирическое стихотворение Я. Тисленко, а также воспоминания И. М. Брушвита.

Другая, марксистско-ленинская точка зрения о революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне представлена в сборнике воспоминаний участников событий «Красная бэль» [2] подготовленном к изданию сотрудниками бюро Истпарга Самарского губкома РКП (б). Он был издан в Самаре 7 ноября 1922 г. тиражом в 1000 экземпляров. Во «Введении», написанном составителями, говорится о том, что сборник создавался в спешке, и из-за этого в нем большое количество опечаток. Их составители разделили на 2 категории: 1 — важнейшие, 2 — те, которые дают возможность чтения без дополнительного исправления. Составители сборника ставили цель на основе воспоминаний участников событий воссоздать историю Октябрьской революции и деятельности самарской организации коммунистической партии в Самарской губернии. В «Красной бэли» присутствуют воспоминания, и прочие материалы, относящиеся к революционному движению в Самарской губернии. Одним из главных минусов данной работы, является то, что в разделе «Воспоминания» отсутствуют фамилии авторов воспоминаний, из-за чего авторство трудно установить.

Среди документальных публикаций, вышедших в 70-е годы XX в. отметим хроники событий, составленные куйбышевским краеведом Ф.Г. Поповым. Первая хроника «1918 год в Самарской губернии» [4] была издана Куйбышевским книжным издательством в 1972 г. Эта книга стала продолжением другой работы Ф.Г. Попова «Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917». В хронике отражена политическая жизнь в губернии в первые месяцы 1918 г., Он уделит внимание событиям, связанным с установлением и созданием органов, советской власти после Октябрьской революции. В частности, включены материалы о съезде представителей крестьян 13 волостей Николаевского уезда в селе Дергачи, который состоялся 1 января 1918 г. Съезд принял решение об организации Советской власти во всех селах и деревнях этого района. В хронике приведены материалы о ходе реализации «Декрета о земле» в Самарской губернии. В 70-е гг. Ф.Г. Поповым были подготовлены и изданы хроники событий в Самарской губернии в 1919–1921 гг. Публикация хроник способствовала расширению источниковой базы по истории Гражданской войны в Самарской губернии.

Среди исследований по истории Гражданской войны выделяется монография профессора, заведующего кафедрой Куйбышевского университета Е.И. Медведева, «Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.)» [3], изданная в 1974 г. Автор ставил цель показать историю военной интервенции и Гражданской войны в Среднем Поволжье. По его мнению, процесс установления советской власти органично связан с началом Гражданской войны. Для автора это единый целостный процесс. Поэтому он повествует о первых днях установления Советской власти, анализирует события, связанные с мятежом чехословацкого корпуса и созданием Самарского Комуч, показывает разгром и изгнание чехословацкого корпуса, и воинских частей адмирала Колчака. Е.И. Медведев уделит внимание реконструкции процесса создания Рабочей крестьянской Красной армии и углубление социалистической революции в деревне. В Среднее Поволжье автор включает территории Самарской, Симбирской и Пензенской губерний. Позитивным является то, что монография Е. И. Медведева написана на обширной источниковой базе. Он цитирует труды В.И. Ленина, архивные документы, материалы центральной и местной прессы, документальные публикации, вошедшие в сборники документов.

Из новейших исследователей следует выделить доктора исторических наук В.В. Кондрашина, который в 2009 г. опубликовал монографию «Крестьянство России в Гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма» [1]. Автор анализирует крестьянское повстанческое движение против политики «военного коммунизма» большевиков на территории Поволжья. Кондрашин в отличие от Медведева исследует события Гражданской войны на обширной территории Поволжья и Южного Урала, включая Казанскую, Симбирскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Царицынскую,

Астраханскую и Уфимскую губернии. В центре внимания автора следующие аспекты проблемы: причины крестьянского движения, крестьянство и Самарский Комуч, крестьянство и партия эсеров, крестьянство и белое движение, масштабы движения, особенности и результаты крестьянских восстаний в Поволжье в 1918–1922 гг. Автор анализирует позиции крестьян в Гражданской войне, их поведение в условиях вооруженного противостояния двух политических лагерей.

Библиографический список

1. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. Москва: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 574 с.
2. Красная быль: сб. бюро Истпарта Самар. губкома РКП № 1. Самара: Тип. Совнархоза № 1, 1922. 140 с.
3. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Куйбышев. гос. ун-т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 352 с.
4. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника Событий. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. 328 с.
5. Революция 1917–18 гг. в Самарской губернии: сборник. Т. 1 / под ред. П.Д. Климущкина. Самара: Тип. А. М. Аверинского, 1918. 160 с.

Д.О. Наприенко

Южный федеральный университет

ВОСПРИЯТИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ОТОБРАЖЕНИИ МЕСТНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЫ

В начале XX века, по выражению Л. А. Молчанова, «газетная периодическая печать была одним из центральных элементов в пропагандистских системах России» [4, с. 5]. Ее влияние на формирование картины мира обывателя, не поддающееся сомнению, еще более усиливается в период информационного голода предреволюционного времени, явившегося неизбежным следствием цензуры военных лет. Соразмерно с конструированием мировосприятия, пресса играла образующую роль и в деятельностном поле человека, непосредственно определяя линию его поведения в условиях всеобщей нервозности [1, с. 608]. Тем самым изучение отображения в печати социально-психологических процессов, которому на региональном материале посвящено небольшое количество работ, представляет интерес для современного исследователя.

Вести о свержении монархии дончане восприняли воодушевленно. Новочеркасцы, первыми отреагировавшие на произошедшие изменения, уже 2 марта заполнили зал городской думы настолько, «что гласным не осталось места, и им пришлось сесть в одном из кабинетов, где они выработали

текст воззвания к народу» [5, 1917. №60. с. 5]. Журнальный протокол этого собрания сохранил в себе ликующий тон, передавшийся массам жителей области Войска Донского (далее – ОВД) [3, с. 25-26] через газеты следующего дня [5, 1917. №58. с. 2]. Появление в печати столь громкого и обнадеживающего документа, прямо говорившего о лишении власти враждебного народу правительства и заверявшего в «переломе во внутренней истории отечества», особенно после напряженного ожидания последних февральских дней, в которые не приходили бывшие регулярными известия от петроградского телеграфного агентства, всколыхнули поверхность обыденной жизни, по всей области: в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге, Александровске-Грушевском, Сулине, и др. произошел всплеск народной инициативы. Начали активную работу как местные органы власти, так и профессиональные, любительские, неформальные и иные общества, единодушно отправляя приветственные телеграммы М. В. Родзянко. О своей поддержке Временному правительству заявляли рабочие [2, 1917. №72. с. 3], служащие [5, 1917. №60. С. 4], представители интеллигенции [5, 1917. №60.с. 3], солдаты [3, с. 28]. Люди с самозабвенным восторгом встречали освобожденную Россию. Возбужденные граждане обнаружили в себе большие творческие потенции, став собственноручно налаживать общественную жизнь. Помимо советов рабочих депутатов, было положено начало многим гражданским комитетам [6, 1917. №50. с. 4] и социально ориентированным организациям. Ярким примером является общество «Народное просвещение», учрежденное 5 марта азовскими ремесленниками при поддержке городского самоуправления. Однако, крупнейшими свидетельствами настроений дончан тех дней стали многочисленные митинги и манифестации. Несмотря на упомянутое выше воззвание Новочеркасской думы, призывавшее воздержаться от «всякого рода уличных выступлений», на заводах [2, 1917. №72. с. 3], рудниках [6, 1917. №50. с. 4], просто в станицах [2, 1917. №56. с. 3] и на городских улицах [5, 1917. №61. с. 3] в первые послереволюционные дни регулярно проходили шествия в честь «русской армии, обновленной России и пролетариата». Состав таких акций был истинно общенародный, в некоторых учебных заведениях даже приходилось принимать меры по недопущению участия в них детей [2, 1917. №62. с. 3-4]. Впрочем, даже в этих случаях действующие лица горячо одобряли свершившиеся перемены, чего нельзя сказать высших должностных лиц казначей администрации. Наказной атаман ОВД М. Н. Граббе с войсковым начальником штаба еще 3 марта отвергли предложение Донисполкома о совместной работе, но в быстро меняющейся ситуации, когда офицерский корпус Новочеркасского гарнизона подтвердил необходимость тесного сотрудничества с комитетом, а по области прошел парад признаний новой власти, уже на следующий день Михаил Николаевич изменил свое мнение и «выразил согласие признать Донской исполнительный комитет за правомочную общественную власть и выразил готовность с ней контактировать»

[6, 1917. №50. с. 4]. Правда, сохранить свое место он так и не сумел, 7 марта сложив с себя полномочия «ввиду отсутствия доверия со стороны общества». За этим последовали и отстранения окружных атаманов, подвергавшихся аресту и заключению в тюрьму [2, 1917. №62. с. 4].

Таким образом, восприятие Февральской революции населением ОВД, отобразившееся на страницах газетной прессы, представляет собой достаточно однородную картину. Дончане восхищенно встретили коренные внутриполитические изменения страны и на некоторое время плотно объединились в единую гражданскую общность, вместе славя новый строй, вместе и хуля самодержавный. Ярко видно активное участие широких масс в общественной жизни, выражающееся, главным образом, не импульсивно-деструктивными, а творчески-созидающими интенциями. Защитники же старого порядка, оставшиеся в абсолютном меньшинстве относительно революционного большинства, не получают никакого освещения в периодической печати.

Библиографический список

1. Аксенов В. Б. Общественные настроения в России в годы Первой мировой войны и революции (1914 – 1917). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 791 с.
2. Донские областные ведомости.
3. Дон в годы революции и Гражданской войны. Сборник документов, сост. Морозова О. М. Т.1. Ростов-на-Дону, 2017. 464 с.
4. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002. 276 с.
5. Приазовский край.
6. Ростовская речь.

Л.Э. Павлов

Ульяновский государственный университет

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ СССР В 1920-ЫЕ ГОДЫ

Создание СССР стало поворотным моментом в истории развития международных отношений. Падением Российской империи и появлением нового государства с новой общественно-политической и экономической формацией заставило западные и восточные государства выстраивать односторонние отношения с молодой советской республикой, выявить специфические черты в налаживании отношений и процессе признания советской государственности.

По началу, с приходом к власти большевиков, наблюдается резкое отрицание западными властями советской власти. Но и сами большевики проявляли негативное отношение. Так в В.И. Ленина писал: «Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних и внутренних

врагов. Виден уже подъем среди рабочей массы, обеспечивающий победу. Видно уже, как участились искры и взрывы революционного пожара в Западной Европе, дающие нам уверенность в недалекой победе международной рабочей революции [1, т. 37. с. 38].

С завершением Гражданской войны, Интервенции в Россию и пониманием невозможности реализовать идеи «мировой революции», правительство большевиков пошло на смягчение риторики в отношении установление дипломатических отношений с западными странами. Страны запада, с одной стороны понимали опасность распространения коммунистических идей, и поэтому поддерживали идею о политической изоляции СССР, но с другой испытывали потребность в приобретении советских ресурсов. В.И. Ленин прекрасно понимал эту взаимосвязь: «Буржуазным странам надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор» [1, т. 45. с. 440-441]. Первыми в вопросе налаживания отношений с СССР стала Англия. В 1920 году в Лондон отправляется делегация первого наркома внешней торговли СССР Л.Б. Красина. Миссии удается зарегистрировать частную корпорацию с ограниченной ответственностью «АРКОС», которая выступала посредником в торговле между двумя странами. Таким образом, продвижение советских экономических интересов, стало дорогой и к политическому признанию. В 1921-1922 годах аналогичные торговые соглашения подписываются с Норвегией, Австрией, Италией и Чехословакией.

В 1922 проводится Генуэзская конференция, главной темой которой стало урегулирование спорных экономических вопросов, а также признание СССР. Однако в ходе переговоров на запрос Западных держав о компенсации долгов царского и Временного правительства в размере 18.000.000.000 рублей, Советское правительство потребовало возмещения ущерба за годы Гражданской войны и Западной интервенции в размере 39.000.000.000 рублей, из-за чего переговоры провалились [4, с. 40].

Первыми государствами, установившими дипломатические отношения с РСФСР, а позже и с СССР, стали Афганистан (1919), Эстония и Латвия (1920), Германия (1922). Важным шагом стало признание и установление дипломатических отношений с Великобританией в 1924 г., за этим последовало ряд таких же признаний со стороны Швеции, Италии, Греции и Франции [3, с. 269-301].

Важным этапом в становлении СССР субъектом международной дипломатии стало построение отношений со странами Востока: Турцией, Персией и Афганистаном. Афганистан стал первым государством признавшим молодую советскую власть. По договору от 13 августа 1921 года стороны обязывались признавать суверенитет друг друга и не вступать в союз с третьей державой с целью «доставления ущерба» подписавших сторон. В 1921 году подписывается договор с Персией, по которому происходит аннуля-

ция всех долгов и возвращения концессий [2, с. 9-22.]. Уникальные отношения складывались с Турцией, которая после итогов революции и борьбы за независимость нуждалась в сильном экономическом и политическом союзнике. В 1923 году подписывается договор, по которому СССР отказывается от любых территориальных претензий к Турции [3, с. 883].

Среди крупнейших держав, не признававших суверенитета СССР, оставались лишь США. Причиной, по которой этого не происходило, являлось требованием полного аннулирования декретов о национализации иностранных предприятий со стороны большевистского правительства, возвращение американским инвесторам средств, которые были потеряны в ходе Гражданской войны, снятия монополии на внешнюю торговлю и выплата долгов Российской империи. Признание независимости СССР, Соединенными Штатами, произошло в 1933 г., однако экономические и торговые отношения начались гораздо раньше.

Таким образом, анализ дипломатических отношений СССР показал, что со странами Запада решающий вопрос отдавался экономическим отношениям, за которыми следовало и политическое признание. Со странами Востока, ключевым фактором являлись геополитические и идеологические интересы.

Библиографический список

1. Белковец Л.П. Ликвидация дипломатической изоляции СССР (от признания де-факто к признанию де-юре) // История и археология. 2016. Т. 3.
2. Иоффе А.А. Генуэзская конференция // Красная новь. 1922.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва, 1967.
4. Минц И.И. История дипломатии. Дипломатия в период подготовки Второй Мировой войны (1919-1939гг.). М., Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945.

М.С. Кирдяшев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ ДЕТЯМ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ

Потомки переживших голод 1920-х гг. в Поволжье добрым словом вспоминают тех, кто оказывал им помощь. Материалы воспоминаний участников событий позволяют реконструировать эмоции и чувства людей, переживших страшные голодные годы. Они свидетельствуют о количестве и качестве оказанной гуманитарной помощи голодающим, прежде всего, детям, позволяют оценить вклад различных организаций в оказание помощи голодающим Самарской губернии.

Голод в Бузулукском уезде начал ощущаться еще в 1920 г. Небывалые климатические условия 1920-1921 гг. негативно повлияли на полуразрушенное крестьянское хозяйство, которое не имело достаточных ресурсов для жизнедеятельности, результатом чего стало массовое обнищание населения деревень [2, с. 13]. Пик голода наступил в период зимы 1921-1922 гг., когда многие семьи теряли по несколько родственников за месяц. Люди умирали не только дома, но и в поле, на улицах, в столовых, в сельсоветах и т.д. При помощи российского правительства и губсоюза в Самарской губернии была организована эвакуация детей и инвалидов, однако это существенным образом не повлияло на ситуацию в голодающих уездах губернии. В Бузулукском уезде к июлю 1921 г. насчитывалось около 80 детских домов. В город продолжали прибывать эшелоны с партиями сирот, чьи родители умерли от голода.

По воспоминаниям квакеров, в одном из детских домов г. Бузулука, находившемся недалеко от железнодорожных путей, в бывшем военном госпитале, насчитывалось около «1 300 сельских ребятишек, из которых 731 – умерло, сбежало 99, пропали без вести 10 детей. Направляли туда пищу, но было уже поздно. В живых осталось лишь 460 детей, которых эвакуировали в более хлебные районы России» [1, с. 8].

Английская медсестра Мюриэл Эми Пайн, приехавшая в Россию в апреле 1922 г., и занимавшаяся обеспечением продовольствием Борского района, отмечала ужасающее состояние здравоохранения, отсутствие персонала и оборудования для лечения больных детей в детских домах. В ее воспоминаниях констатируется отсутствие необходимой медицинской помощи: «они умирают от тифа, дизентерии, от пневмонии. Каждая поездка в детский дом для меня мучительна, потому что у нас нет ни кусочка чистой материи, чтобы наложить на их язвы; и лежат эти несчастные там на голых досках, чуть прикрытые какими-то невероятными тряпками. Каждый день ты видишь все эти ужасы, трагедия происходит перед твоими глазами, но нет никаких сил описывать происходящее» [4, с. 39].

В воспоминаниях очевидцев страшных событий и работников иностранных общественных организаций сохранились сведения о численности детей и деятельности детских домов. Журналистка Эвелин Шарп, побывав в Алексеевской волости Бузулукского уезда, так описывала оснащение столовой и процедуру распределения пайка между детьми: «та столовая, в которую зашли мы, была типичной квакерской столовой, которые есть во многих селах Бузулукского уезда Самарской губернии. Размещалась она в крестьянском доме. Там кормились около 50 детишек. С потолка свисала люлька, в которой спал младенец. Остальные дети сидели на печке, разглядывая нас с любопытством. В двух больших котлах грелись суп и какао. Группа детей и их матерей стояла тут же, тихо и спокойно. В моих руках были металлические ложки и глиняные горшки, очертаниями напоминавшие греческие вазы. С потолочной балки свешивались примитивные весы,

в которых взвешивали пайки хлеба, около четверти фунта на каждого ребенка. Процесс проходил под внимательным взором крестьянского контролера – эта женщина была выбрана самими матерями. Взгляд ее был полон суровой справедливости, и не хотела бы я быть, скажем, владельцем помещения столовой, решившим утащить крошку хлеба у детей» [3, с. 223–224].

К началу 1922 г. в Бузулукском уезде практически все детские дома находились под опекой иностранных общественных организаций. Английская и американская группа Общества Друзей (квакеров) организовывала их ремонт, благоустройство и опеку над сиротами. Больных детей направляли в специализированные диспансеры, которые обеспечивались необходимыми препаратами и персоналом для лечения. В середине июня работал детский лагерь для больных туберкулезом [3, с. 308].

Организованная гуманитарная помощь детям, осуществляемая представителями местной власти и иностранными организациями дала возможность преодолеть последствия страшного голода, поразившего Советскую Россию в начале 1920-х гг., не допустить социально-демографического спада сельского населения.

Библиографический список

1. Баранова Е.Н. Страницы «великого голода» // Вести от Партнера. 2018. 22 августа.
2. Книга о голоде. Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара: Гос. изд-во, Самарское отделение, 1922. 146 с.
3. Никитин С.А. Как квакеры спасали Россию. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
4. Пейн Мюриэл. Чума, мор и голод. 2022. 104 с.

М.Р. Неманова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЕЙ В ГОДЫ НЭПА (1921–1929 гг.)

Потребность в создании специализированных органов, занимающихся лечебной и просветительской деятельностью в области здравоохранения, в Самарском уезде была вызвана необходимостью преодоления массового распространения инфекционных заболеваний, эпидемий и высокой смертности населения, наблюдавшихся в конце 1910-х – начале 1920-х годов. В задачу Самгубздрава входило исключение кадрового дефицита в Самарской губернии.

Всю лечебную сеть в Самарском округе (с 1928 года, до 1928 года в Самарской губернии) было решено разделить на больничную и внебольничную помощь. Больничная помощь в городе становилась равна 8 больницам количеством коек в 1927-1928 гг. — 1300 (в 1928-1929 гг. — 1255). Второй вид помощи — внебольничный — подразделялся на амбулаторную помощь на дому, скорую помощь и пункты первой помощи на производствах, а также на амбулаторную помощь, оказываемую 5 городскими амбулаториями исключительно для застрахованных граждан и 3 амбулаториями для всех жителей Самары.

Помощь на дому оказывалась 14 районными врачами, прикрепленными к амбулаториям. На каждого районного врача полагалось по норме 8 вызовов [5, д.8. л. 140].

В городе, на улицах Самары санврачи обязывались участвовать в проведении ремонтных работ в городе [5, д.7. л. 65об.], а также проводить профилактические осмотры на уровень загрязнения в Самаре воздуха, почвы, вод; с 1928 года в Самаре были введены дежурства по воскресеньям [5, д.8.л. 140]. Ответственность за осмотр всех эпидемических очагов в городе стояла за 4-мя общими санитарными врачами и 4-мя жилищными санитарными врачами. В среднем, в месяц отчетного квартала производилось порядка 1180 обследований эпидемических очагов. Таким образом, в день 8 медицинскими работниками обследовалось 48 мест общественного пользования.

Отсутствие нужного количества медицинских кадров, а также сильная нагруженность врачей любого профиля (на одного врача в Самаре приходилось 8453 пациентов [5, д. 8. л. 140] порождали следующие тенденции: увольнение медицинских кадров из лечебных учреждений, халатность в выполнении своих обязанностей. Также в самарских поликлиниках пациентами часто отмечалось, что врачи с пренебрежением относились к их проблемам медицинского характера.

По упоминаниям современников, к концу 1920-х годов встречались случаи, когда врачи неправильно заполняли больничные листы, писали диагнозы по латыни, не ставили диагнозов. Неправильным заполнением бюллетеней врачи заставляли застрахованных пациентов напрасно ходить в страховую кассу, что порождало всевозможные нарекания со стороны людей на бюрократические подоплеку [5, д. 1. л. 29].

Врачи скорой помощи выполняли функции, не имеющие ничего общего с их задачами, в частности, перевозку психически больных и находящихся в состоянии алкогольного опьянения людей: за 1927-1928 год с эпилептическими, истерическими и нервными припадками было госпитализировано 426 человек и 100 человек с тяжелым опьянением. Работу скорой помощи также нарушали и наркоманы, настойчиво добивавшиеся вспысков морфия [2, с. 32]. В среднем количество вызовов, на момент 1928 года, в день было 12 [5, д. 7. л. 120].

Множество жалоб медицинского персонала поступали с психо-неврологического диспансера. По мнению врачей данного учреждения, их работа не отличается от особенностей работы в психиатрической больнице, а в некоторых моментах становилась ее более опасной: многочисленные скандалы, угрозы, избияния и т.д. со стороны людей с нестабильной психической организацией [5, д. 1. л. 71об].

Консультация безграмотного населения по вопросам сохранения здоровья считалась среди санврачей (не всех) делом постыдным [4, с. 54]. В селах крестьяне таких врачей называли «рекрутами», которые приезжали на село «отбывать повинность» и ровно через год возвращались обратно в город [3, с. 2].

Недостаток мед. кадров и мед. учреждений повлиял на ситуацию в регионе. В среднем по России 1 больничная койка приходилась в городах на 152 человека, а в сельских местностях – на 1140 человек. В целом к 1927 году лечебная помощь по Самарской губернии в сельских местностях удовлетворяла потребности населения лишь на 22-24%; в городах – на 78-80% [1, с. 151-152].

Библиографический список

1. Захарова Л.Б. Концепция социальной политики Советской власти: теория и практика (1920-е годы). Самара: Издательство СамГТУ, 2012. 214 с.
2. Коген Ф. Скорая помощь в г. Самаре (1927-1928гг.) // Вопросы Здравоохранения Средне-Волжской Области. 1928. №3. С. 28-36.
3. Коммуна.1927. 12 января.
4. Раков И.Ю. О санитарных консультациях // Вопросы Здравоохранения Средне-Волжской Области.1928. №2. С. 54.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 2148. Оп.1.

И.Д. Янцен

Самарский национальный исследовательский университет

МОБИЛИЗАЦИЯ И ДОБРОВОЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Массовое участие советских женщин в Великой Отечественной войне было обусловлено усложнением организационной структуры армий мира и Красной Армии в частности, огромным размахом и продолжительностью военных действий, большими потерями на фронте [1, с. 14; 7, с. 351].

Отбор, подготовка и прием невоеннообязанных женщин и девушек в войска проводились прежде всего из числа добровольцев [8, с. 18]. Юридически их мобилизация проводилась на добровольных началах и преследо-

вала конкретную цель — высвобождение мужчин для боевых специальностей из небоевых войск и замена их женщинами [2, с. 17]. В сухопутных силах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее РККА) замещение мужчин женщинами проходило в ходе нескольких мобилизаций, большая часть которых пришлась на 1942 г. Так, в 1942 г. было мобилизовано 100 000 девушек-комсомолок для замены красноармейцев в зенитной артиллерии, в зенитно-прожекторных частях, в частях аэростатов воздушного заграждения, в частях Воздушного наблюдения, оповещения и связи, а также для замены санитаров и санинструкторов, писарей, поваров, частично шоферов и кладовщиков [5, с. 265; 9, с. 184]; 30 000 женщин, направленных для замены красноармейцев во фронтовых, армейских и запасных частях войск связи [5, с. 289; 9, с. 212]. Еще 50 000 женщин было мобилизовано осенью 1942 г. для замены красноармейцев рядового и младшего командного состава в войсках противовоздушной обороны [9, с. 349-350]. Также в течение 1942 г. продолжалось высвобождение личного состава военнослужащих-мужчин и замена их женщинами, ограниченно годными и старшими возрастами в штабах, учреждениях и тылах армий, фронтов и округов [9, с. 213-214, 295-296].

В 1943 и 1944 гг. численность мобилизованных женщин снижается и становится не столь значительной, как в тяжелом 1942 г. Последние мобилизации состоялись в октябре 1943 г. и мае 1944 г.: в октябре 1943 г. для работы на центральных артиллерийских базах и складах было призвано 4 200 женщин в возрасте от 18 до 45 лет [13], а в мае 1944 г. было призвано 25 000 женщин, которыми должны были укомплектовать должности поваров, прачек, связистов и санитарок войск ПВО и Главных Управлений Народного комиссариата обороны СССР [13]. По своему статусу мобилизованные женщины, находящиеся на службе в действующей армии, приравнивались к военнослужащим и имели право на положенные им льготы.

Кроме того, создавались и специальные женские стрелковые, артиллерийские и инженерные воинские формирования, организовывалось военное обучение женщин как в системе Всеобуча, так и в военных учебных заведениях. Наиболее распространенными военными специальностями среди женщин-военнослужащих в сухопутных силах РККА стали специальности, связанные со службой в войсках противовоздушной обороны, в частях связи и в военно-санитарных частях и учреждениях [3, с. 211-212].

Отбор женщин для службы в РККА был жестким: прежде всего отбирали комсомолок в возрасте от 19 до 25 лет, физически здоровых и морально выдержанных, не обремененных семьей, имеющих образование не менее 7 классов (не менее 4 классов для сандружинниц), не работающих на оборонных предприятиях, железной дороге, органах связи и НКВД; не являвшихся студентками ВУЗов и техникумов, а также не принадлежащих к национальностям воюющих стран, не являющихся выходцами из Западной Украины и Западной Белоруссии, не бывших на оккупированных немцами

территорий и не имевших родственников, осужденных за «контрреволюционно-вредительскую деятельность» [6, с. 196; 10]. Призыв по мобилизации для комсомолок зачастую носил добровольно-обязательный характер: как показывают обнаруженные архивные материалы, отказ от призыва был чреват лишением комсомольского билета [11; 12]. По своему социальному происхождению большинство мобилизованных девушек были горожанками (обязательное семилетнее образование было только в городах) [4]. Ведущими мотивами принять участие в вооруженной защите родины у женщин-военнослужащих стали патриотизм, моральная и психологическая готовность к войне, месть за смерть родных, желание биться вместе с членами своей семьи или с любимым человеком.

Библиографический список

1. Барсукова Н.В. Женщины в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: по материалам Красноярского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005.
2. Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Коми АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004.
3. Будницкий О. Люди на войне. М., 2021.
4. Всеобщее обучение // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 1993 [Электронный ресурс] URL: <http://www.otrok.ru/teach/enc/txt/3/page82.html> (дата обращения 28.10.2022).
5. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941-1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. Том 1: 1941-1943. М., 2015.
6. Женщины Великой Отечественной войны / Авт.-сост. Н.К. Петрова. М., 2018.
7. Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.
8. Пожидаева Н.Н. Женщины Курской области в вооруженных силах Советского Союза и в добровольческих военизированных формированиях в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.
9. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. – 1942 г. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Рос. гос. воен. архив; Отв. сост. А.И. Барсуков. М., 1997.
10. Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Материалы по отбору комсомольцев на работу в НКВД, Военно-Морской флот и РККА за 1941-1942 гг. Ф. 1683. Оп.1. Д. 201. Л. 157.
11. СОГАСПИ. Протоколы бюро обкома ВЛКСМ с № 92 по № 108. 6 января 1943 г. – 25 июня 1943 г. Ф. 1683. Оп.1. Д. 214. Л. 101, 103, 204.
12. СОГАСПИ. Протоколы бюро обкома ВЛКСМ с № 109 по № 122. 3 августа 1943 г. – 27 декабря 1943 г. Ф. 1683. Оп.1. Д. 215. Л. 96.
13. Сорокин А. В горящую избу вошли... О мобилизации женщин на разных этапах Великой Отечественной войны // Родина. 2015. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2015/12/22/rodina-mobilizaciya.html> (дата обращения 28.10.2022).

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СЕМЬЕ ВОЛОДИЧКИНЫХ

Многие трагичные страницы нашего общего прошлого в XX веке (год, репрессии, ГУЛАГ и др.) исследуются в современной историографии сквозь призму исторической памяти [8], репрезентации которой способствует устная история. Известно, что человек способен «встраивать» в историю своей жизни отдельные сведения, и даже событийные ряды, извлеченные не из его собственного опыта, а из иных источников. Таким образом, официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память, и происходит так называемое «забвение источника» [9, с. 168-185, 215-227 и др.]. С этой проблемой мы столкнулись при реконструкции биографии семьи Володичкиных, одной из многочисленных крестьянских семей, которые заплатили огромную цену за Победу в Великой Отечественной войне.

Сыновья Прасковьи Еремеевны Володичкиной: Василий, Николай, Петр и Федор ушли на фронт в 1941 г., Александр, Андрей, Иван, Михаил и Константин – в 1942 г. Воевали они на разных фронтах. Федору в августе 1942 г. оборвал жизнь вражеский снаряд, Александра не стало в ноябре 1943 г., Василий погиб в январе 1945 г. Остальные братья пропали без вести. Домой вернулись только трое: Константин, Петр и Иван.

О трагичной истории семьи Володичкиных широкой общественности стало известно в начале 1990-х гг., когда создатели Книги Памяти Самарской области обнаружили в списке павших на фронтах войны шестерых братьев Володичкиных из поселка Алексеевка. Председателю комиссии по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества Н.Е. Попкову и писателю В.Н. Мясникову пришлось буквально по крупицам собирать о них информацию. Естественно, что за минувшие полвека память о семье почти стерлась, что привело к многочисленным травмам памяти о ней. Данный вывод был сделан на основе анализа опросов членов семьи Володичкиных, хранящихся в Центральном государственном архиве Самарской области [1]. Новые сведения удалось выявить в процессе интервьюирования жителей Алексеевки в 2019–2021 гг. Беседы с респондентами проходили в два этапа: «life story» и работа по опросникам, составленных по методу Т.К. Щегловой [12, с. 136-144]. Всего были записаны 23 интервью, которые затем были транскрибированы. На основе материалов устной истории удалось установить, почему со временем память о семье Володичкиных оказалась болезненной для общества, земляков и даже родственников («травма» памяти).

Во-первых, несмотря на то, что об этой семье знали давно, имеющаяся неопубликованная и опубликованная информация не была систематизирована; неравномерно изучены судьбы погибших братьев Володичкиных, что привело к появлению большого количества ошибочных сведений и различий в региональной историографии и периодической печати. Например, можно встретить самые разные даты и причины смерти членов семьи, особенно матери. Согласно заключению о смерти она умерла в возрасте 68 лет 29 сентября 1941 г. (порок сердца) [2]. Однако И.А. Мудрова пишет: «после пятой похоронки не выдержало сердце Прасковьи и ее не стало в 1943 году» [10, с. 134]. Ю. Степанов продлил срок ее жизни до 1945 г. [11, с. 7]. Опрошенные нами респонденты почти в один голос утверждают: «умерла Прасковья после третьей похоронки...» [7]; «...всех не дождалась..., она умерла после пятой похоронки, насколько я помню...» [4].

Во-вторых, воспоминания жителей поселка Алексеевка – активных общественников, имеющих длительный опыт выступлений перед школьниками, студентами, наиболее изобилуют шаблонными фразами по сравнению с воспоминаниями других жителей. Так, большинство из них дают один и тот же ответ на вопрос о жертве, которую принесла семья во имя Победы: «...война отобрала самое дорогое – любимых сыновей...» [5]; «...она (Прасковья Еремеевна) отдала во имя свободы Родины самое дорогое, что у нее было – жизни своих сыновей» [3]. Большинство интервьюируемых ретранслируют информацию, полученную из литературы, периодической печати и других источников. Личный опыт представляется им менее ценным.

В-третьих, интервью, которые мы записали с родственниками семьи, свидетельствуют о самоцензуре памяти. Они просили о многом «не говорить», так как «...люди не поймут» [6], поэтому часть подлинной истории семьи Володичкиных так и осталась неизвестной.

В-четвертых, сохранение исторической памяти о минувшей войне во многом зависит от культуры памяти, как отдельных людей, так и общества в целом. Из-за отсутствия комплексного исследования истории семьи Володичкиных, основанного на достоверной источниковой базе и некоторым другим причинам, многие респонденты убеждены в том, что «...эта тема себя изжила», «...все, что удалось узнать, уже обнародовано...[7]», что негативно влияет на сохранение памяти о подвиге семьи.

В заключение подчеркнем, что изучение судьбы семьи Володичкиных с привлечением материалов устной истории позволяет расширить предметное поле исследования и выйти на новый уровень понимания не только народной, но и семейной трагедии периода Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-5140. Оп. 1. Д. 280.

2. Медицинское заключение о смерти Володичкиной Прасковьи Еремеевны от 29.09.1941 г. // Музей СОШ № 4 (п. Алексеевка).
3. Интервью с В.Д. Лазаревой. Интервьюер – А.К. Крылова. 28 сентября 2020 г.
4. Интервью с С.В. Яковлевой. Интервьюер – А.К. Крылова. 18 октября 2021 г.
5. Интервью с М.Г. Олениной. Интервьюер – А.К. Крылова. 11 февраля 2020 г.
6. Интервью с В.И. Володичкиным и его женой М.А. Володичкиной. Интервьюер – А.К. Крылова. 26 сентября 2019 г.
7. Интервью с В.Г. Игнатовой. Интервьюер – А.К. Крылова. 10 февраля 2021 г.
8. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 51-63.
9. Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2004. 543 с.
10. Мудрова И.А. Великие матери знаменитых людей: 100 потрясающих историй и судеб. М.: Центрполиграф, 2014. 330 с.
11. Степанов Ю. Девять шрамов на сердце матери [О трагической судьбе матери девятерых сыновей Прасковьи Еремеевны и возведении памятника в ее честь] // Русские вести. 1995. 12 января. С. 7.
12. Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

М.В. Кузнецова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЫЗРАНИ)

Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны являлась значимым с точки зрения эвакуации регионом. В регион было эвакуировано множество предприятий. Все города области работали на благо страны, обеспечивали всем необходимым фронт. В частности, в г. Сызрань были эвакуированы стратегически важные предприятия, которые в дальнейшем способствовали предстоящей победе.

Периодическая печать в годы войны являлась важным, зачастую единственным, источником информации. Периодика формировала представление населения о тех процессах, которые происходили в стране. Какие аспекты деятельности предприятий Сызрани выносились на страницы местной прессы? В газетах нашли отражение становление и деятельность промышленного комплекса Сызранского района в годы войны. О подвигах сызранских рабочих писали такие газеты как «Волжская коммуна» и «Красный Октябрь».

Газета «Красный Октябрь» появилась в г. Сызрани задолго до начала Великой Отечественной войны и не остановила свою деятельность в период боевых действий. Первые упоминания о деятельности сызранских пред-

приятый появились с конца лета 1941 г., публиковались призывы женщин занимать трудовые места своих мужей, ушедших на фронт, они призывали осваивать новые профессии. О непосредственной деятельности предприятий стало возможно говорить лишь к концу 1941 г., так как происходило налаживание производства.

В газете «Красный Октябрь» 26 декабря 1941 г. В. Константиновым был опубликован призыв ко всем работникам предприятий. В статье «Личный пример коммунистов на производстве» он писал: «Быть передовиком, личным примером увлекать всех рабочих на выполнение боевых заданий — святая обязанность каждого коммуниста-производственника» [2, л.20]. Представленная агитационная деятельность партийного руководства города сыграла важную роль в формировании стахановского движения на территории Сызрани и Сызранского района. В первые месяцы войны было необходимо поднимать моральный дух работников тыла, так как от них также зависел немалый успех Красной Армии.

В газетах рассказывалось не только об успехах предприятий в целом, но и о отдельных людей. Потенциал рабочих, которые постоянно совершенствовали свои знания и умения, отражался в статьях газеты «Красный Октябрь». Так 1 января 1942 г. было опубликовано письмо от рабочих авиационного завода, товарищей З. Мишенкова и А. Галактионова, в котором они рассказали о работе предприятия: «Новый 1942 год мы встречаем новыми успехами. Все месяцы давали не менее трех норм. Приложим все усилия к увеличению выпуска продукции!» [2, л.1].

«Красный Октябрь» являлась основной общественно-политической газетой Сызранского района. В редакцию приходили письма от жителей города, где они выражали свою благодарность работникам предприятий, которые, несмотря на все тяготы, справлялись со своей работой. Такие письма часто отправлялись в редакцию газеты для публикации руководителями предприятий. Это было необходимо для поднятия морального духа и демонстрации результатов производства.

В номере газеты «Красный Октябрь» за 1 января 1943 г. [3, л.1] в статье под названием «Под знаком всевозрастающего подъема», рассказывается о трудовом подвиге слесаря-сборщика В. Пряникова, который установил персональный рекорд. Он выполнил работу на 1300 %.

На всех предприятиях области заводчане старались перевыполнить план на 100, 200 и более процентов. Эти трудовые подвиги совершались в рамках нарастающего в области стахановского движения. Большое количество людей, которые работали на предприятиях г. Сызрани, получили различные государственные награды за вклад в Великую Победу.

Газета «Волжская коммуна» не обошла вниманием и деятельность Сызранского локомобильного завода, опубликовав статью «Выпуск локомобилей увеличивается вдвое» [1, с. 252]. Статья вышла в преддверии победы, 25 апреля 1945 г. В ней описывается подвиг работников локомобильного

завода: «За образцовую работу в марте и выполнение специального задания ГКО по выпуску сельскохозяйственных локомотивов для Украины Сызранскому локомотивному заводу присуждено переходящее Красное Знамя». Такую награду было нелегко получить, она доставалась лишь за мужество и стойкость работников различных предприятий.

Публикации в местной прессе отражали все аспекты деятельности сызранских предприятий. Своими публикациями периодическая печать способствовала поднятию престижа работников предприятий, призывала осваивать новые специальности, трудиться, несмотря ни на что. Рассмотрев особенности периодической печати военного времени на примере г. Сызрани, важно отметить, что газеты были тем мобилизующим фактором для жителей города и области, который помог не просто выстоять в годы войны, но и внести неоценимый вклад в дело Победы.

Библиографический список

1. Корреспонденция газеты «Волжская коммуна» «Выпуск локомотивов увеличивается вдвое» // Здесь тыл был фронтом. Самара, 2000. С. 252.
2. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО). Ф. Газета «Красный Октябрь». Оп. 1. Д. 93.
3. Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. Газета «Красный Октябрь». Оп. 1. Д.95.

А.В. Курбатова

Самарский национальный исследовательский университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КИНЕМАТОГРАФИИ В СССР В НАЧАЛЕ 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.

В истории советской кинематографии нет высказывания известнее, чем слова Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [2]. Несомненно, кинематограф на протяжении всего советского периода был одним из самых влиятельных, обсуждаемых и наиболее активно развивающихся из искусств. «Кино представляет собой наш лучший инструмент пропаганды», — писал Троцкий в 1923 г. [6, с. 50]. Именно такой позиции придерживалась Советская власть, активно используя кино с целью формирования нового сознания и нового человека [4, с. 212].

Для осуществления идеологической пропаганды через экраны власти требовалось подчинить себе всю киноиндустрию. 27 августа 1919 г. был принят декрет «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению», согласно которому вся кинопромышленность была национализирована [5, с. 130]. Важным событием в развитии советского кинопроизводства стало создание 19 декабря 1922 г. Государственного Комитета по ки-

немаатографии. С этого момента Госкино управляло производством фильмов и занималось цензурой.

Уже в первые годы Советской власти кинематограф был призван воспевать идеалы нового общественного строя [3]. Государственная политика сосредоточила внимание на кинохронике, лентах производственной пропаганды и агитационных фильмах. Среди многих кинолент, удовлетворявших политическим интересам партии были, например, кинохроника «Ленин на заседании III конгресса Коминтерна», «История Гражданской войны», «Серп и молот». Большой популярностью пользовались кинокартины «Борьба за ультиматум» и «Красные дьяволята» [3]. Но самыми любимыми жанрами кино для зрителей 1920-х гг. были комедия, приключения и драма [3].

В 1924 г. Госкино было преобразовано в единое акционерное общество «Совкино» [5, с. 130], что привело к усилению контроля над кинематографом.

В период 1920-х - 1930-х гг. всемирную известность получили документалист Дзига Вертов, режиссеры Лев Кулешов и Сергей Эйзенштейн. Ими были заложены основы советской кинематографической школы социалистического реализма. Суть заключалась в том, что мастера искусства обязаны были отображать не реальную советскую жизнь, а ту, которая должна быть в обещанном социализме. В 1920-1930-е гг. вышли десятки художественных фильмов, ставших классикой мирового киноискусства [5, с. 130]. Самыми любимыми фильмами стали «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Веселые ребята» и другие [1, с. 211].

В годы Великой Отечественной войны советское правительство приняло ряд мер по переводу кинематографа на военные рельсы. Выпускались фильмы, способствовавшие поднятию народного духа, например, «Два бойца», «Она защищает Родину», «Иван Грозный» и другие. И во время войны, и после весь кинематограф находился под полным партийным и государственным контролем [5, с. 130].

В марте 1946 г. Комитет по делам кинематографии был преобразован в Министерство кинематографии СССР. В период «оттепели» кинематографом руководило Министерство культуры, возглавляемое Е.А. Фурцевой. По большому счету в это время руководство кинематографом было достаточно формальным. Параллельно с осуждением культа личности Сталина происходит ослабление идеологического давления, отменяются многие цензурные запреты [5, с. 130]. Именно с «оттепели» советский кинематограф стал больше ориентироваться на раскрытие внутреннего мира героев и их нравственных исканий [3]. В результате этого отечественное кино вновь вышло на мировой рынок. В эти годы на экранах появляются знаменитые фильмы «Я шагаю по Москве», «Весна на Заречной улице», «Карнавальная ночь» и другие.

Таким образом, в рассмотренный период советский кинематограф находился под постоянным контролем государства. Разница была лишь в степени его регулирования, что было связано с политикой руководства и изме-

нениями в партийной идеологии. В целом советская киноиндустрия этих лет сыграла важную роль в воспитании «нового человека» — человека труда, патриота, гордого за свою страну и способного к великим свершениям.

Библиографический список

1. Анискин М.А. Становление Советской системы кинопроизводства (1920-1930-е гг.) // Власть. 2016. № 10. [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/home/Downloads/stanovlenie-sovetskoj-sistemy-kinoproizvodstva-1920-1930-e-gg.pdf (дата обращения: 18.11.2022).

2. Луначарский А.В. Беседа с В.И. Лениным о кино // Наследие А.В. Луначарского [Электронный ресурс] URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-kino/beseda-s-v-i-leninym-o-kino/> (дата обращения: 18.11.2022).

3. Мазурицкая М.А. Влияние российского кинематографа на формирование системы ценностей молодежи в 1920-2000-е гг. // Культура: теория и практика. 2016. № 4 [Электронный ресурс] URL: <http://theoryofculture.ru/issues/64/65/883/> (дата обращения: 19.11.2022).

4. Прохорова Л.Д. Кино как средство воспитания, пропаганды и агитации: создание условий для использования в СССР в 1930-е годы (на примере Омской области) // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 6.

5. Сердюков Д.Л. Государственное регулирование кинематографии Российской Федерации в исторической динамике // Петербургский экономический журнал. 2015. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-kinematografii-rossijskoj-federatsii-v-istoricheskoy-dinamike/viewer> (дата обращения: 19.11.2022).

6. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2.

А.А. Вишнякова

Самарский государственный социально-педагогический университет

«СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАЖДОГО ТРУДЯЩЕГОСЯ»: СОСТОЯНИЕ ЗЕЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА Г. КУЙБЫШЕВА В 1946-1950 ГГ.

«Озеленение города и сохранение насаждений должны стать священной обязанностью каждого трудящегося», — перечислял задачи, поставленные перед куйбышевским зеленым хозяйством на IV пятилетку, руководитель областного Управления благоустройства Я. Черкесов в очередном выпуске городской газеты «Волжская коммуна» [1, л. 2]. Исполнительные органы не зря обратили внимание на проблему защиты зеленых насаждений, которая крайне остро стояла на протяжении 1946–1950 гг. Молодые деревья постоянно обламывали прохожие, коржили машины и обдирали лошади. Рабочие треста Горзеленхоз вынуждены были высаживать новые растения по 7–8 раз за сезон, что приводило к неравномерному распределению денежных средств. Большая их часть уходила на высадку деревьев и кустарников [8, оп. 2. д. 9. л. 6].

Только к 1948 г. руководство треста и райисполкомы пришли к выводу о том, что установка ограждений и их охрана не только приведут к экономии средств, но и значительно облегчат эксплуатацию городского зеленого хозяйства. С этого времени начались не только активное сооружение штакетиной и металлической изгороди вокруг зеленых насаждений, но и борьба за их сохранение. Было решено проводить теоретические занятия не только с учащимися школ и ВУЗов, но и с жителями домов. Свою работу начала организация «Друзья зеленых насаждений», призванная осуществлять добровольный уход за растительностью города. В 1948 г. на базе школ и детских домов появились станции юных натуралистов, которые оказывали помощь при посадке деревьев и пр. на улицах и в парках города [4, л. 2].

Правила обращения с зелеными насаждениями получили свое отражение и в нормативно-правовых актах. Так, на облагороженной территории запрещалось складывать мусор, ездить на различных транспортных средствах, пасти крупный и мелкий рогатый скот. Надзор за исполнением постановления возлагался на милицию и административную инспекцию при исполкоме, предусматривались штрафы от 10 до 200 руб. [3, л. 2].

Наряду с борьбой за сохранение зеленых насаждений, рабочие треста не забывали и о своих прямых обязанностях: посадке и уходе за деревьями, кустарниками, газонами и цветами; разведении посадочного материала в питомниках и оранжереях, его выдаче и продаже; очистке прилегающих территорий, улиц и бульваров [8, оп. 2. д. 9. л. 10].

К 7 ноября 1947 г. было завершено благоустройство площади им. В.В. Куйбышева. Озеленение скверов площади продолжалась до 1949 г. и характеризовалось большим социальным охватом. Каждую неделю в воскресниках по благоустройству участвовало 3–5 тыс. чел. [2, л. 2]. За 1948 г. в г. Куйбышеве посадили 52 092 дерева и 131 431 кустарник, что составило 141% плана. В городе открылись еще три сквера (им. Фрунзе, №3 на пл. им. В.В. Куйбышева, на пересечении ул. Фрунзе и Вилоновской) [9, оп. 2. д. 60. л. 19].

Проблемы зеленого хозяйства г. Куйбышева с 1945 по 1948 г. были одной из животрепещущих тем, рассматриваемых на страницах местной периодической печати. Поэтому публикуемые в ней жалобы и предложения трудящихся относительно озеленения города имели огромное значение в деятельности треста. Если первые были необходимы для привлечения внимания к проблеме органов исполнительной власти, то последние отражали насущные вопросы повседневной жизни населения. Среди трудностей сферы зеленого хозяйства, активно обсуждаемых в 1949 г., следует выделить благоустройство оврага Подпольщиков и «грязных» улиц – Владимирской, Галактионовской (от ул. Венцека до Самарской площади), Осипенко [5, л. 2].

Состояние парков, скверов и улиц после окончания Великой Отечественной войны было в удручающем положении. Загородный парк стал местом выпаса коз и предприимчивого огородничества, а городской парк

культуры и отдыха им. М. Горького оказался в запущенном состоянии. Мусор, гнилые доски и столбы, скамейки с ржавыми гвоздями в парке стали обыденными явлениями [1, л. 2]. Если благоустройство парка им. М. Горького в 1946–1947 гг. шло сравнительно быстрыми темпами (налаживание освещения и расширение инфраструктуры), то Ботанический сад оставался без внимания на протяжении всей послевоенной пятилетки.

Особое место в повседневной жизни г. Куйбышева играла набережная р. Волги. В мае 1949 г. начались работы по обустройству пляжа: его длину увеличили до 200 м, произвели намыв песка (20 000 м²). Бульвар по ул. М. Горького был благоустроен за счет посадки 346 деревьев, 2 978 кустарников и установки изгороди вдоль пляжа [9, оп. 2. д. 86. л. 12].

К 1950 г. количество зеленых массивов и насаждений в городе достигло 6705 га [7, с. 74]. После войны остро встала проблема облагораживания новых районов города – Кировского и Молотовского. Здесь были необходимы не только зеленые насаждения, но и театры, стадионы и парки. Первое такое пространство появилось в 1949 г. рядом с клубом «Родина» [6, л. 2].

Таким образом, нельзя не отметить вклад рабочих треста зеленого хозяйства в деле благоустройства г. Куйбышева в 1946–1950 гг. Им удалось не только воплотить в жизнь задачи послевоенной пятилетки, но и заложить перспективы облагораживания и расширения городского пространства.

Библиографический список

1. Волжская коммуна. 1945. 16 мая.
2. Волжская коммуна. 1947. 5 ноября.
3. Волжская коммуна. 1948. 17 марта.
4. Волжская коммуна. 1948. 20 марта.
5. Волжская коммуна. 1949. 19 июня.
6. Волжская коммуна. 1949. 17 июля.
7. Ловягин Н.В. Город Куйбышев за 50 лет Советской власти: цифры и факты. Куйбышев, 1967.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2379.
9. ЦГАСО. Ф. Р-3456.

Т.С. Губанова

Самарский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 1970-Х ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Позднесоветский период характеризуется как противоречивый в гендерном отношении. С одной стороны, в публичном дискурсе раскрывается идея достигнутого «равенства» мужчин и женщин через отождествление

понятия равенства с понятием равного доступа к труду. С другой стороны, различия в социальных ролях, статусах, доступе к власти, образе жизни говорит о противоречивости данного подхода к пониманию гендерного равенства в СССР. Противоречия гендерных контрактов в советском обществе исследуют И.Тартаковская [6], А.Темкина, Е.Здравомыслова [3], Н.Пушкарева [5].

Выявить характерные для конкретного периода гендерные стереотипы (распространенные в обществе убеждения о специфике поведения мужчин и женщин) можно, обратившись к анализу содержания школьных учебников, поскольку система образования – важный инструмент воспитания и пропаганды. Сюжеты повседневной жизни, как правило, были отражены в материале учебников по предметам, развивающим речевую и читательскую культуру у младших школьников (1-4 классов) – так называемых книгах для чтения. Именно на их материале можно сформировать некоторое представление о наличии или отсутствии в советском обществе гендерной сегрегации труда, распределения домашних обязанностей и социальных ролей. Так, иллюстрации, изображающие процесс выполнения подростками ежедневных бытовых функций (мытьё посуды, уборка дома, приготовление еды и т.п.) достаточно часто включают в себя образы как девочек, так и мальчиков. Тем не менее, процесс приготовления пищи с образами мужчин/мальчиков, как правило, не связывается [1, с.135].

Выполнение деятельности, связанной с каким-либо техническим творчеством или ремонтом, часто соотносится с образами мужскими. Именно мальчики и мужчины на иллюстрациях занимаются инженерными расчетами, изготавливают и ремонтируют предметы быта [1, с.148-149]. Очевидно, что это связано с особенностями преподавания предмета прикладного характера, известного большинству советских школьников как «Труд». Гендерная сегрегация при проведении этих уроков не ограничивалась лишь физическим разделением групп по половому признаку, а также подразумевала преподавание курсов разной направленности. В методическом пособии по преподаванию «обслуживающего труда» в школе автор сначала говорит о том, что «в процессе трудового обучения элементы электротехники и машиноведения в принципе даются в одинаковом объеме девочкам и мальчикам» [8, с.1-8]. Затем, раскрывая содержание предмета, автор употребляет феминитивы («школьницы» и «ученицы»), когда речь идет об обучении шитью и кулинарии.

Мальчики и девочки в советских учебниках исследуемого периода наделяются разными качествами: к примеру, девочки представлены, как правило, более аккуратными и старательными, а мальчики – неряшливыми и менее ответственными. В рассказе «Про Лену Фокину» С. Могилевской сказано, что девочку уважают в классе не только потому, что она отвечает на одни пятерки, но и потому что она самая аккуратная, «воротничок и манжеты всегда белоснежные, накрахмаленные». Следующий за данным

текстом в этом разделе рассказ «Кляксы» С. Баруздина повествует о мальчике, который снова получает «двойку» [4, с.145]. На этом примере мы снова можем наблюдать разделение гендерных ролей и конструирование моделей поведения как девочек, так и для мальчиков. Данное наблюдение кажется нам особенно важным. Л.В. Штылева, специализирующаяся на проблеме гендера в образовании, на предмете исследования гендерных отношений в постсоветской России, замечает, что учителя в принципе по-разному общаются с мальчиками и девочками в одном и том же контексте школьного образования [10, с.100]. Есть все основания предполагать, что модели взаимодействия учителей и учащихся в 1970-х гг. не отличались от современных в серьезной степени в вопросе стереотипизации.

Необходимо также подчеркнуть и традиционно существующую в школьных учебниках диспропорцию частоты упоминаний женских и мужских образов. Это касается, прежде всего, текстового материала, что подтверждает гендерный анализ учебников по истории [2; 8; 9]. В этих и других учебниках женские образы чаще всего связаны с образами материнства, в то время как мужские – с образами воина, а не отца.

Таким образом, гендерный анализ советских школьных учебников позволяет прийти к выводу о содержащихся в них гендерных стереотипах, которые отражают представления о закономерно различающихся социальных и бытовых функциях мужчин и женщин/мальчиков и девочек. В то же время, учебники по разным предметам содержат информацию о равенстве прав мужчин и женщин и трактуют вопрос женской эмансипации как проблему, решенную в советском социалистическом обществе.

Библиографический список

1. Васильева М.С., Горбушина Л.А., Никитина Е.И., Оморокова М.И. Родная речь. Книга для чтения в третьем классе. М., 1974.
2. Голубева Т.С., Геллерштейн Л.С. Рассказы по истории СССР для 4 класса. Учебная книга. М., 1971.
3. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 96-138.
4. Индеева Р.М., Исачкова В.Г. Книга для чтения. Учебник для 2 класса школы слабослышащих. М., 1979.
5. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок. URL:<https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html> (дата обращения 28.07.2022).
6. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М., 2005. 368 с.
7. Федосов И.А. История СССР. Учебное пособие: 8 класс. М., 1974.
8. Фомина Н.К. Обслуживающий труд в школе. IV-VI классы. Пособие для учителей. М., 1972.
9. Фураев В.К. Новейшая история (1917-1939 гг.). Учебник для девятого класса средней школы. М., 1975, 1976, 1979.
10. Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М., 2008.

**Н.Т. КУКУШКИН – РУКОВОДИТЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА «СЕВЕРНЫЙ КЛЮЧ»:
ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В изучении истории страны в целом и истории нашего края важную роль играют биографические исследования, раскрывающие вклад многих талантливых и ярких личностей в развитие региона. Николай Тимофеевич Кукушкин – легенда самарского агропромышленного комплекса, сумевший своим трудом и своей активной жизненной позицией сплотить команду единомышленников, и вместе с ней добиться высоких результатов и вывести свое свиноводческое хозяйство «Северный ключ» в ведущие предприятия страны.

Николай Тимофеевич Кукушкин родился в 1935 г. в селе Оськино Инзенского района Ульяновской области. В 1962 г. окончил зоотехнический факультет Ульяновского сельскохозяйственного института.

Его трудовая деятельность началась с должности главного зоотехника в совхоз «Мирный» Приволжского района Куйбышевской области. Там он проработал пять лет, после чего был назначен старшим зоотехником по свиноводству Куйбышевского областного управления сельского хозяйства. В то время по инициативе первого секретаря обкома Владимира Орлова был создан областной трест свиноводческих хозяйств «Свинопром». Н.Т. Кукушкину предложили занять должность главного зоотехника совхоза «Пионер» в Шигонском районе.

В своем интервью Маргарите Кумировой он говорил, что считает те полтора года в «Пионере» одними из самых ценных для себя, потому что именно здесь он начал получать передовой опыт разведения свиней. Хотя «Пионер» был свиноводческим хозяйством, но, по его словам, никто не знал тонкостей дела. Пришлось начинать с нуля, «уткнуть нос в производство и выполнять то, что требовала наука» [3]. К процессу обучения он приобщал и других специалистов. Вместе с ними ездил учиться в совхоз «Комсомолец» Кинельского района – на тот момент самое крупное свиноводческое хозяйство области. Освоение передового опыта сказывалось на эффективности производства, на поголовье и привесах, формировало позитивное отношение рабочих к введению новшеств.

В 1969 г., замечая успехи молодого, хорошо подготовленного, со значительным личным опытом работы специалиста, руководство треста предложило ему возглавить совхоз «Северный Ключ» в селе Савруха Похвистневского района. К этому времени он уже имел большой потенциал знаний в специальности и психологии людей. В.С. Феофанов, главный технолог Куйбышевского треста «Свинпром», пишет: «Способность хорошо видеть

и понимать отношение к делу любого рабочего и специалиста сближала его чаще всего с людьми государственно мыслящими» [5].

При первом знакомстве с «Северным Ключом» Н.Т. Кукушкин был удовлетворен четкой специализацией всех подразделений, в частности по животноводству, но его поражала низкая продуктивность свиноводства при наличии качественных кормов, отсутствие жесткой исполнительской и технологической дисциплины [2]. Предприятие под руководством Н.Т. Кукушкина было модернизировано и приобрело свое фирменное лицо. В.С. Феофанов пишет о том, что многие восторгались технологией производства свинины совхоза «Северный Ключ», а собиралась она по крупицам прежде всего пытливым и рациональным умом Кукушкина [5]. Прежде чем добиться высоких результатов, Николай Тимофеевич ездил по крупным свиноводческим комплексам страны, чтобы перенять опыт и подобрать для своего хозяйства подходящую технологию. За основу была взята передовая организация содержания свиней в совхозе «Лузинский» Омской области [4].

Н.Т. Кукушкину нужны были грамотные специалисты, которые могли бы подстроиться в ходе перестройки совхозной экономики под новую технологию. Он считал, что специальные знания нужно «насаждать», поэтому стал бесплатно обеспечивать рабочих учебной литературой. Процесс получения образования стал постоянным, с еженедельной сдачей экзаменов. Он сам постоянно учился и совершенствовался [3]. Совместно с народным академиком, новатором сельского хозяйства Т.С. Мальцевым была разработана новая технология совхозного производства, которая ежегодно приносила высокую урожайность полей.

Предметом особой заботы Н.Т. Кукушкина всегда была производительность труда. В конце 1990-х гг. рабочий «Северного Ключа» производил в год продукции в 4-5 раз больше, чем в среднем по сельскому хозяйству области [5]. По мнению Николая Тимофеевича, задача приобщения к труду заключалась в том, чтобы заинтересовать людей тем, чем они занимаются [3]. По его инициативе была введена традиция празднования «Голубых огоньков», где подводились итоги и лучших специалистов материально вознаграждали. Николай Тимофеевич оставил пост директора «Северного Ключа» в 1999 г. в возрасте 64 лет.

Таким образом, проведенный анализ источников и литературы позволяет выделить основные этапы профессиональной Н.Т. Кукушкина, определить его вклад в экономическое развитие не только Самарского региона, но и страны в целом. Николай Тимофеевич руководил «Северным Ключом» в течение 30 лет. В своей практической деятельности он ориентировался на экономические методы хозяйствования, большое внимание уделял вопросам внедрения в сельскохозяйственное производство достижений науки и передовой практики, что способствовало высокорентабельному ведению хозяйства и решению важнейших экономических задач в развитии региона и страны в целом.

Библиографический список

1. Гладышева Г. «Несовременный русский» Николай Кукушкин // Похвистневский вестник. 1998.
2. Кукушкин Н.Т. «Северный Ключ»: опыт реконструкции. Куйбышев: Кн. изд-во, 1984.
3. Кумирова М. Секреты серьезного человека, или Кредо Николая Кукушкина // Родники земли Похвистневской. 2016. С. 7-22.
4. Окружнов А. Так и живем: Очерки. Самара, 2001. С. 19-20.
5. Феофанов В.С. Дела и люди (Из истории развития свиноводства Самарской области). Самара, 2001. С. 49-55.

П.В. Плешкова

Самарский национальный исследовательский университет

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ В 1990-Е ГОДЫ

Российская реклама, представляющая собой значимое социальное явление, на всех этапах ее развития отличалась самобытностью и имела ряд особенностей, которые оказали влияние на формирование рекламной индустрии в нашей стране.

Опираясь на специфику российского менталитета, специалисты разрабатывали методы и способы рекламирования, которые во многом отличались от зарубежных и могли удовлетворить потребности и ожидания населения нашей страны.

С восстановлением рыночных отношений в России в конце 80-х гг. XX в. для рекламы наступило новое время, она стала быстро возрождаться. За последние десятилетия отечественная реклама прошла сложный путь развития, на который у зарубежных специалистов ушло несколько десятилетий. В развитии российской рекламы в рассматриваемый период можно выделить три этапа: информативный, творческий и прагматический. Все они были отмечены не только крупными достижениями в области собственно рекламного дела, но и связанными с ним изменениями в общественной жизни, политике и культуре [6, с. 65].

Период 1990-х гг. привнес значительные изменения в сферу отечественной рекламы [5, с. 26]. Огромный толчок развитию рекламной индустрии дало появление независимых СМИ. В газетах стали размещаться первые рекламные объявления. В 1991 г. на первом коммерческом телевизионном канале «2 x 2» стала регулярно выходить в эфир ТВ-реклама, начали работу частные радиостанции, по которым транслировалось много радиорекламы. С 1990 г. стала появляться первая неоновая реклама на крышах домов [3, с.12].

В Москве, а затем и в регионах России были созданы первые совместные рекламные предприятия, свои филиалы стали открывать зарубежные

рекламные агентства. На первом этапе развития российского рекламного рынка доминировала реклама иностранных производителей, однако постепенно на рекламный рынок стали выходить российские компании, прежде всего банки и финансовые группы [4].

Развитие экономики России позволяло рекламному рынку использовать самые современные виды рекламы: реклама в Интернете, реклама на крупноформатных дисплеях на улицах, кинореклама [4]. Серьезным вкладом в становление цивилизованного рекламного рынка стало принятие в 1995 г. Федерального закона «О рекламе» и установление связей с международными рекламными организациями [5, с. 29].

Интенсивное развитие сети Интернет существенно трансформировало коммуникативные процессы и сформировало почву для возникновения интернет-рекламы [7, с. 28], которая начинает прочно закрепляться наряду с телевизионной.

Следует отметить, что российская реклама уже в период своего становления не просто копировала западные рекламные продукты. Российские дизайнеры учитывали особенности своего национального потребителя и в большинстве случаев стремились создавать рекламные обращения, базируясь на отечественных принципах.

К концу 1990-х гг. реклама стала своеобразным индикатором, отражавшим важнейшие социальные процессы [1]. В России характерными темами, к которым обращалась в этот период социальная реклама, стали борьба со СПИДом и алкоголизмом, пропаганда семейных ценностей, стимулирование рождаемости, оказание помощи детям-сиротам, инвалидам, беженцам, пострадавшим от природных и техногенных катастроф, межнациональных конфликтов, профилактика чрезвычайных ситуаций, борьба против насилия в семье и т.д. [1].

Начиная с 2002 г. Россия входит в пятерку стран-лидеров, жители которых чаще других смотрят рекламу по телевизору: в среднем каждый россиянин просматривал 74 рекламных ролика в день, что было в 2 раза больше, чем в Англии [8, с. 44]. Этот факт говорит об интенсивном развитии именно отечественной рекламы, на тот момент превышающей иностранные показатели.

Таким образом, в период 1990-х гг. в России начинается бурное развитие рекламы. Российский рекламный рынок начал складываться одновременно с хозяйственными рыночными отношениями в экономике. В стране появились первые рекламные предприятия. На первом этапе преобладала реклама иностранных предприятий, но потом на рынок стали выходить отечественные производители, а также отечественные рекламные агентства. С началом развития Интернета формируется рынок интернет-рекламы, который становится все более масштабным и влиятельным. Формирование российской рекламы было тесно связано с национальными особенностями потребителей. Значительное место в формирующемся российском

рекламном рынке занимала социальная реклама, направленная на решение наиболее острых вопросов, волнующих общество.

Библиографический список

1. Бочарова Е.В. Коммерческая интернет-реклама в российском обществе: социальная среда формирования и социальная эффективность. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/kommercheskaya-internet-reklama-v-rossiiskom-obshchestve> (дата обращения: 13.11.2022).
2. Василенко И.А. Реклама семейного образа жизни в современном российском обществе : социологический анализ. Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Барнаул, 2009 [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/reklama-semeinogo-obraza-zhizni-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve> (дата обращения: 13.11.2022).
3. Васкова Н. Из истории рекламы // Юный художник. М., 1996. № 10.
4. Коробейникова К.А. Реклама в Интернете: инновационные форматы и оценка эффективности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011 [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/reklama-v-internete-innovatsionnye-formaty-i-otsenka-effektivnosti> (дата обращения: 13.11.2022).
5. Мудров А.Н. Основы рекламы: хрестоматия. М., 2010.
6. Музыкант В.Л. Реклама в действии: история, аудитория, приемы. М., 2007.
7. Песоцкий Е. Современная реклама. Теория и практика. Ростов-на-Дону, 2003.
8. Реклама: практика и теория. Воронеж, 2011.

ОНЛАЙН СЕКЦИЯ ПЛАТОНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

В.В. Левченко

Омский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ АРХЕТИПЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О МОСКОВСКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Понятие ориентализм зародилось в начале XIX века и несло в себе следующее содержание: наука об изучении стран востока, причем, здесь не обошлось без европоцентризма, который на тот момент был актуален, как никогда. Данная наука требовалась для того, чтобы европейцы смогли доказывать свою исключительность, без которой европоцентризм не возможен. Дополнительно, восток делился на две категории: классический т.е. Арабские страны, Китай, Индия, Япония и восток условный, Россия.

Одно из наиболее ранних проявлений концепции ориентализма можно встретить в произведениях античных авторов, таких как Аристотель. В произведении Аристотеля «Политика», где делаются первые попытки обосновать правовое неравенство между людьми, автор четко определяет правовое положение «Господина» и «Раба», цель первого управлять, второго – повиноваться. Утверждение превосходства одних является и утверждением неполноценности других или то, что приписывается рабам недопустимо для господ, то есть должно подавляться в них и бессознательно проецироваться во вне как негативные качества, приписываемые рабам. Жители полисов не имеющие прав назывались метэками, к ним часто относили иностранцев или отпущенных на волю рабов. Гражданами – полноправными жителями полисов считались только эллины, а все народы жившие за пределами Эллады считались варварами. Так, сравнивая разные виды царской власти Аристотель пишет: «Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия» [1, с. 143].

Важной особенностью ориентализма можно выделить некую типологию географических и этнокультурных понятий «Запад-Восток» или более раннее «Эллины-Варвары», под последним можно увидеть некую универсальную форму для восприятия мира европейским человеком. Противоположность же этих понятий, существующих только в связке друг с другом дает нам право говорить о психологическом аспекте данной проблемы или

выражаясь языком Юнга «вторжении архетипов в сознательную жизнь человека». Так можно утверждать об архетипе варварства как о теневого архетипе Европы, который проецировался на народы Востока.

Переходя к предмету нашего исследования, коим является Московское централизованное государство в представлении иностранных путешественников XVI XVII век, поскольку интерес иностранцев к Московии сформировался именно в данный период, а в XVIII веке МЦГ меняет свой статус на империю. Основные тезисы, которые будут взяты на вооружение в нашей работе: 1. Архетипичность мышления иностранцев. 2. Определенный пафос в суждениях в отношении Московитов. Московское централизованное государство, было неизвестно для европейских государств, прежде всего потому что сферы интересов обеих систем никак не пересекались. Попытки контактов европейских держав начались с середины XV века, в следствии того, что силу стала набирать Османская империя, представлявшая большую угрозу для Европы. Европейские царства в следствии выше упомянутых событий стали задумываться, как оградить себя от данной угрозы. Основную роль играло духовенство, ведь опасность состояла не только в нарушении целостности европейского мира, но и в насаждении чужеродной религии. Вследствии этих событий, в МЦГ стали наезжать послы, оставляя в своих записках впечатления о царящих там порядках. Все основные стереотипы, касающиеся Московского централизованного государства, сложились уже в начале XVI века, после путешествия Контарини [2]. Самое интересное состоит в том, что развеивать их никто не спешил, напротив, европейцы старались укрепить тот негативный образ, который уже существовал. Причины подобного поведения можно выделить две: 1) политическая причина; 2) социальная.

Первая причина обусловлена враждой МЦГ с соседними государствами, такими, как Польша, соответственно попытка очернить порядки царящие на территории данного государственного образования могли повлечь за собой активные действия военного характера со стороны сильных европейских держав. Вторая причина заключалась в том, что европоцентризм активно формировался, в следствии этого все страны находящиеся вне европейского пространства априори являются варварскими и ничего особенного из себя не представляют.

Посещая Москву иностранцы погружались в быт русского люда, многие его черты были не понятны приезжим, поскольку все происходящее интерпретировалось согласно особенностям Европейского менталитета. Не следует забывать о том, что Московиты считались варварами, которые не способны создать цивилизованное общество. Один из аспектов, который бросался в глаза, продукты питания и употребление спиртных напитков: Флетчер писал о том, что едят они много лука и чеснока, капусты и иных овощей: Главный напиток их мед, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом» «Как женщины, так и мужчины пьют их до

неумеренности и излишества, так что не в состоянии ни ходить, ни стоять: оттого многие из них и умирают скоропостижно...» [3, с. 102].

Особенно, европейцев удивляло то, что русские пьют не только вечером, но и утром, а также послеобеденный сон для них считался неординарным явлением, которое не укладывалось в европейское представление о собственном времяпрепровождении. Еще один момент, который отмечали путешественники, русская лень и инертность, из-за которой они до сих пор и не стали цивилизованными. Английский подданный Джильс Флетчер в своем сочинении «О Русском государстве» пишет: «Россия некогда называлась Сарматией. Название свое переменяла она (по мнению некоторых) от раздробления на разные мелкие, но самостоятельные, области, независимые и неподвластные одна другой, ибо слово «роз» на языке русском значит то же, что и разъединить или разделить» [3, с. 9]. Так же Флетчер упоминает теорию происхождения «русских» от племени Росоланов. В образовании «Северной Сарматии» он подчеркивает роль Юрика, Синеуса и Трувора. Позже Миллер, Байер и Шлецер на основе норманского происхождения Юрика вывели теорию о «нормандском происхождении русской государственности» и вытекающей из этого неспособности славян образовать собственное государство.

Помимо этнического происхождения Флетчер отмечает и особенности географического ландшафта, перечисляя главные он упоминает Днепр как западную границу, отделяющую Московию от Литвы, дальше он упоминает Дон как «древнюю границу между Европой и Азией» [3, с. 12], что явно указывает на азиатское расположение России. Не менее азиатским он описывает и происхождением Москвы: «Халдеец Бероза в своей пятой книге рассказывает, что Немврод (который в других светских сочинениях именуется Сатурном) послал Ассура Малая, Мосоха и Магога в Азию, чтоб они основали там поселения, и что Мосох основал их и в Азии, и в Европе. От него, вероятно, и город, или скорее река, на коей он построен, получили название Москвы. Эта догадка объясняется климатом и положением Москвы» [3, с. 18].

Другой характерной чертой России по мнению Ф. является рабство: «Можно поистине сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина, или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ, и это вообще, не только в отношении к царю, но и его дворянству, главным чиновниками всем военным, так что если бедный мужик встретится с кем-либо из них на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головою оземь, так точно, как он преклоняется пред изображениями своих святых» [3, с. 50].

Эти и другие примеры иллюстрируют восприятие России через архетип варварства, который является теньвым архетипом для Европейской ментальности, берущей начало еще во времена Древней Греции в противополо-

тавлении эллины-варвары. Наглядным проявлением архетипа тени можно также считать и развитие ориентализма с его постоянной репрезентацией Востока как противоположности Запада.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. М., 1984. 384 с.
2. Контарини А. Путешествие в Персию // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991.
3. Флетчер Дж. О государстве русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С.14-152.

В.В. Солдатенкова

Пензенский государственный университет

ГЕНЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ О НАБОРЕ РЕКРУТОВ 1766 ГОДА: ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНИЕ

Во второй половине XVIII в. вооруженные силы России комплектовались на основе рекрутской повинности, обеспечение которой было одной из важнейших задач, стоящих перед государством. Основным нормативным актом, регулирующим вопросы, связанные с рекрутчиной, в данный период времени, являлось «Генеральное учреждение о сборе рекрутов 1766 года».

Целью данной работы является анализ вышеупомянутого законодательного акта, сопоставление его с наиболее ранними документами, регулирующими отправлением рекрутской повинности. Отметим, что первый рамочный нормативный акт, регламентирующий сбор рекрутов, появился в ходе военной реформы П.И. Шувалова в 1757 г., когда в действие было введено «Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут» [1, с. 23].

Опираясь на текст Генерального учреждения 1766 г. представляется возможным составить общую картину отправления рекрутской повинности в России в XVIII в., выявить изменения в регламентации рекрутчины. На основе данного исторического источника также возможно проследить трансформацию политики правительства в различных сферах общественной жизни.

Рекрутской повинности по учреждению 1766 г. подлежали те слои населения, которые были положены по последней ревизии в подушный оклад [3]. Наряду с этим в документе указывается та часть населения, которая освобождалась от рекрутчины, т.е. оговаривается некая система льгот и изъятий.

Замена рекрутских повинностей деньгами допускалась лишь для мастеровых людей заводов и фабрик, не имеющих приписанных и купленных

фабрикантами деревень, которые обязаны были за каждого следуемого с них рекрута платить по 120 руб. [2, с. 123].

Отметим, что приведенные выше меры позволяли государству решать ряд весьма важных внутриполитических задач. Во-первых, у государства появилась возможность комплектовать армию элементами, наиболее интегрированными в русское общество, что обеспечивало большую сплоченность вооруженных сил. Во-вторых, вышеупомянутые мероприятия не давали и без того скудно обеспечиваемому трудовыми ресурсами промышленному сектору терять ценных работников, что в свою очередь оказывало существенное влияние на развитие промышленности.

Говоря о распределении обязанностей по выставлению рекрутов, отметим, что владельцы деревень должны были ставить рекрутов с определенного числа душ, как за свои деревни, так и за приписанных людей и крестьян своих деревень. Отдельное место в Генеральном учреждении 1766 г. занимает запрет на покупку и продажу рекрут в течение трех месяцев со дня объявления указа о наборе [3]. Данная мера была введена ввиду того, что ранее помещики практиковали продажу своих крестьян в рекруты за чужих, получая за это немалые деньги, чем доводили принадлежавшее им податное население до разорения [2, с. 123].

Отдельное внимание в учреждении уделяется дворянам, которые не имели достаточного количества душ для выставления одного рекрута. Они были вынуждены объединяться и платить складочные деньги тому помещику, который согласно жребию, должен был поставить рекрута за других. Складочная цена была определена в 120 руб. [2, с. 123].

Отметим, что в Генеральном учреждении 1766 г., были даны антропометрические данные предполагаемых рекрутов. Так надлежало принимать на военную службу положенных в подушных оклад дворовых людей и крестьян годных к военной службе от 17 до 35 лет и ростом не меньше 2 арш. 4 верш.

По учреждению 1766 г. разрешается замена отданных в службу их сыновьями, братьями или племянниками. В тоже время в документе упоминаются факторы, которые препятствуют замене солдат на их родственников, в их числе: срок службы меньше 8 лет, нежелание самого солдата возвращаться в крестьянское зависимое состояние. Замена совсем запрещалась, в случае, если за время службы солдата «прогоняли сквозь строй» [2, с. 126].

Правила относительно порядка провожания собранных рекрут к полкам, обучения и назначения для препровождения их конвоя, в большинстве случаев остались прежние и дублировали статьи учреждения 1757 года. Однако некоторые изменения, касающиеся вышеупомянутых положений, все же произошли. Например, деньги и имущество, остающееся после умерших рекрут разрешено было употреблять на их погребение, а затем, в случае если наследников не окажется, причислять к госпитальной сумме и употреблять на содержание больных рекрут. По документу 1757 г. деньги

умершего рекрута передавались церкви [4]. В этом изменении видны стремления государства снизить процент потраченных государственных средств на содержание больших рекрут. В данном положении также прослеживается изменение политики государства по отношению к церкви [2, с. 127].

В заключении стоит отметить, что изданное в 1766 г. новое Генеральное учреждение о сборе рекрутов подтвердило ранее сложившийся порядок отправления рекрутчины, а также вводило новые положения, отвечающие веяниям времени. Изложенными в учреждении правилами, касающимися исполнения рекрутской повинности, руководствовались в России вплоть до начала XIX века. Так, Российская империя вступила в полосу наполеоновских войн, используя систему комплектования армии, основанную на Генеральном учреждении 1766 г.

Библиографический список

1. Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут, о командовании для приема оных конвоев, и во отвращение всяких при том неполезностей, о штрафах и наказаниях за вины, кто как в приеме, так и в отдаче неистинною поступать будет. // Полное собрание законов Российской империи в 45 томах. СПб., 1830. Т. XIV. №10786

2. Генеральное учреждение о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно также и о штрафах и наказаниях, кто, как в приеме, так и в отдаче неистинною поступать будетот 29 сентября 1766 г. // Полное собрание законов Российской империи в 45 томах. СПб., 1830. Т. XVII. № 12748

3. Иванов Ф.Н. История рекрутской повинности в России (1699 – 1874 гг.). М.: Перо, 2017. 107 с.

4. Ильенко А.К. Комплектование войск в царствование императрицы Екатерины Великой и Павла I // Столетие военного министерства 1802-1902. Исторический очерк. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. СПб.: Бережливость, 1902. С. 121-135.

Б.А. Никишин

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПАВЛЕ I КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII – XIX ВВ.

Династическая политика Дома Романовых, начиная с Петра Великого, базировалась на международном признании (укреплении авторитета династии) и установлении мира и дружбы между народами разных государств. Первостепенное значение при создании родственных связей между правящими династиями имело обеспечение преемственности престола и политическое единство государств во всех сферах жизни общества [2, с. 22–23]. Как в XVIII, так и в XIX столетии династические (равнородные) браки заключались преимущественно с представителями знатных германских ро-

дов. Важным условием при заключении брака было вероисповедование жениха и невесты: от невесты требовалось принять православие, от жениха — не препятствовать сохранению православной веры своей избранницы. В этом отношении непродолжительное царствование императора Павла I (1796—1801) прочно вписывается в династическую политику императорского дома Романовых.

Второй брак великого князя Павла Петровича с Софией Доротеей Августой Луизой Вюртембергской (в православии — Мария Федоровна), заключенный в 1776 г., упрочил положение династии, обеспечив ее мужским потомством. В этом браке у супругов родилось десять детей: четыре мальчика — Александр (1777—1825), Константин (1779—1831), Николай (1796—1855), Михаил (1798—1849) и шесть девочек — Александра (1783—1801), Елена (1784—1803), Мария (1786—1859), Екатерина (1788—1819), Ольга (1792—1795), Анна (1795—1865). Великая княгиня Ольга Павловна умерла в раннем детстве, а три младшие сестры Мария, Екатерина и Анна были выданы замуж в царствование Александра I. На царствование Павла I приходится только два династических брака старших дочерей Александра и Елены.

Судьбы Александры Павловны и Елены Павловны были во многом похожи: сестры росли вместе и с детства были неразлучны, в одно время выданы замуж и покинули родину, обе не дожили до 20 лет и скончались после тяжелых родов.

Старшая из сестер Александра Павловна могла быть выдана замуж еще в конце царствования императрицы Екатериной II. Переговоры о браке с молодым шведским королем Густавом IV Адольфом велись с 1793 г., однако не увенчались успехом. Стороны не могли сойтись в вопросе вероисповедования будущей королевы: русская сторона выступала за сохранение православия; шведская сторона считала, что будущая королева должна исповедовать католичество. Подготовка к свадьбе осенью 1796 г. и решительный отказ шведского короля от брака подкосили здоровье императрицы Екатерины II, которая скончалась от апоплексического удара 6 ноября 1796 г. [3, с. 279]. Со вступлением на престол Павла I переговоры о браке великой княгини Александры Павловны со шведским королем окончательно были прекращены.

В 1798 г. австрийский двор, который был заинтересован в союзе с Россией против Наполеона, предложил Павлу I заключить брак между великой княгиней Александрой Павловной и австрийским эрцгерцогом Иосифом. Павел I согласился при условии, что великая княгиня по брачному договору получит свободу вероисповедования.

Великая княгиня Елена Павловна была посватана Павлом I за Мекленбург-Шверинского герцога Фридриха-Людвига [3, с. 280]. Выбор Мекленбургского герцогства императором был неслучаен. Павел I рассматривал Мекленбург, как и Австрийскую империю, в качестве своих потенциальных союзников в Европе против «французской угрозы». Кроме того, не

последнюю роль в выборе жениха для второй дочери Павла I играло выгодное географическое положение Мекленбургского герцогства, располагавшегося на побережье Балтийского моря. В свою очередь Мекленбургское герцогство, погрязшее во внутривосточной борьбе, было заинтересовано в получении такого сильного союзника, каким был русский император [1, с. 224].

В октябре 1799 г. торжественно отпраздновали две свадьбы (12 октября свадьбу Елены Павловны, 19 октября – Александры Павловны). В ноябре того же года обе великие княгини навсегда покинули Россию.

Таким образом, династические браки играли важную роль во внешней политике императора Павла I и были направлены на усиление позиций России в Европе. Вместе с тем заключение династических браков с родом Романовых решало многие политические задачи, и было выгодно Австрийской империи и Мекленбургскому герцогству.

Библиографический список

1. Балязин В.Н. Романовы. Семейные тайны русских императоров. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 527 с.
2. Джабаева Т.Ч. Династические браки при Петре I как один из факторов становления России как империи // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. №4. С. 22–29.
3. Манько А.В. Брачные союзы Дома Романовых. М.: Вече, 2010. 378 с.

И.С. Румянцев

Московский государственный университет

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПАВЛОВЕ-НА-ОКЕ

Одним из наиболее тесно связанных с Нижним Новгородом центров является Павлово, входившее в состав Нижегородского уезда. Первое упоминание о поселении связано со временем Ивана Грозного. В XVII в. Павлово являлось важным центром металлообработки, особое место занимали оружейные мастера и замочники. Во второй половине XVII в. здесь была построена каменная Преображенская церковь (ныне утрачена). К сожалению, этот памятник изучен плохо, как и архитектура Нижегородских земель XVII в. в целом, в связи с этим, представляется необходимым провести анализ архитектурных форм памятника и попробовать установить есть ли у него связь с архитектурой Нижнего Новгорода.

Архимандрит Макарий датирует начало строительства Преображенской церкви 1643 г., однако это кажется маловероятным [3, с. 460]. Первые образцы узорочья проникают в Нижний Новгород только в 1649 г., а значит, столь искусно выполненные декоративные элементы Преображенской цер-

кви слишком опережали бы свое время. В работе Макария присутствует еще одна дата — 1666 г. — время освящения храма [3, с. 460]. Этот год гораздо лучше соотносится со стилистическими особенностями постройки, и, вероятно, он является временем окончания строительства церкви в Павлове. Хотя эта датировка не точная, памятник все равно является образцом стиля середины — третьей четверти XVII в.

Преображенская церковь имеет трехчастную структуру: молебельный зал, трапезная и колокольня, которая смещена к югу от центральной оси, придавая плану асимметричное очертание. С трех сторон четверик окружен галереей с динамично выступающими вперед крыльцами, а с востока к нему примыкают три низкие апсиды. Основной объем имеет двухъярусную структуру, в которой нижняя часть обхвачена галереей, а в верхней зоне проделаны широкие окна с килевидными наличниками, врезающимися в ленту карниза, служащего основанием для килевидных кокошников. Вполне возможно, что четырехскатная кровля скрывала собой второй ряд кокошников. Пять вытянутых барабанов также поставлены на базы, украшенные кокошником с каждой стороны. Все эти особенности придавали храму легкость и динамизм.

Преображенская церковь имеет богатую декорацию, которая заполняет всю поверхность фасада. Между окнами вставлены спаренные колонки, которые заполняют собой все простенки, не оставляя открытой плоскости стены. Наличники окон довольно простые и напоминают наличники церкви в Никитниках. Они также имеют профилированное килевидное завершение, лежащее на тонких колонках с дынькой посередине.

Такие элементы как спаренные колонки, говорят о высоком мастерстве зодчих и их столичном происхождении. Лента карниза с характерными нишками, кокошники и их профилировка, спаренные колонки во многом созвучны церкви Троицы в Никитниках. Но в Преображенской церкви уже чувствуется, как зодчие продвинулись дальше от стилистического решения храма в Никитниках, в частности заметно обогащение декоративных средств, потеря чувства меры и стремление полностью заполнить фасад декором.

Архимандрит Макарий упоминает, что Преображенская церковь освящена по благословию Илариона, архиепископа Рязанского и Муромского (Он имел тесные связи с Нижегородскими землями: в 1649 г. Иларион пострижен в монахи в Макарьевом Желтоводском монастыре, в 1656 г. стал архимандритом Вознесенского Печерского монастыря. Через год был вызван в Москву и рукоположен патриархом Никоном в сан архиепископа Рязанского и Муромского, а в 1667 г. произведен в митрополита) [3, с. 460]. Муром являлся крупным художественным ремесленным центром и одним из ближайших соседей Павлова, расположенного также на Оке. Эти факты наводят на мысль о возможном влиянии Муром на строительство церкви в Павлове. Попробуем проверить это предположение.

Наиболее близким в стилистическом отношении к церкви в Павлове

является собор Троицкого монастыря в Муроме (1642-1643 гг.). Действительно, оба памятника имеют множество общих черт: карниз с характерными нишками, асимметричный план с галереями, устройство барабанов глав с четырьмя узкими окнами по сторонам света. Возможно, и горка кокошников в два ряда, если Преображенская церковь все-таки имела таковую.

Таким образом, Преображенская церковь представляет собой одинокий памятник и является единственной каменной церковью XVII в. в Павлове. Несмотря на принадлежность этого центра к Нижегородскому уезду, архитектурные особенности церкви скорее тяготеет к традициям зодчества Мурома. Прямых связей с нижегородской архитектурной школой середины — второй половины XVII в. не обнаружено. Через муромские памятники Преображенская церковь отдаленно восходит к церкви Троицы в Никитниках.

Библиографический список

1. Агафонов С.Л. Горький, Балахна, Макарьев. М.: Искусство, 1987. 328 с.
2. Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. Светские основы каменного зодчества XV—XVII вв. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 272 с.
3. Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 701 с.
4. Филатов Н.Ф. Купола, глядящие в небеса. Н. Новгород: Издательство Нижегородского института экономического развития, 1996. 248 с.

М.О. Тарасов

Калужский государственный университет

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Пореформенный период ознаменовался важной вехой развития Российской Империи, в том числе и в делах социальной политики. В означенный период перед государством предстал ряд социальных вопросов, решение которых было необходимо для нормализации внутригосударственных процессов и возможности дальнейшего развития. Среди вышеназванного отчетливо проявлялась необходимость усилить поддержку самых бедных слоев населения, не способных позаботиться о себе самостоятельно.

С развитием городов росло и городское население, вместе с тем все более четко вырисовывалась проблема социальной поддержки нуждавшихся (больные, бездомные, инвалиды, дети беспризорники и т.д.). Нельзя сказать, что данные вопросы не рассматривались и ранее, но можно заметить, что применяемых мер было явно недостаточно, о чем свидетельствует явная востребованность вновь возникавших в этот период богоугодных уч-

реждений. Отметим, что в региональном масштабе означенные вопросы решались разными методами и органами. Возникший еще в XVIII столетии Приказ общественного призрения, созданный для организации и управления механизмами социальной поддержки, продолжал функционировать, но после 1864 г. в некоторых губерниях его функции частично были переданы набиравшим силу земствам.

Такое положение вещей было характерно и для Калужской губернии. 15 февраля 1869 г. Калужской губернской земской управой были приняты от Приказа общественного призрения Хлюстинские заведения, основанные в начале XIX столетия мосальским помещиком Антоном Семеновичем Хлюстиным, в числе которых: больница, психиатрическая лечебница, богадельня [1, с. 17]. Надо заметить, что в период земского управления комплексом Хлюстинских заведений, последний продолжал не только исправно функционировать, но и развивался и расширялся: «Имея вначале почти исключительно местное значение, Хлюстинские заведения после передачи их Приказом земству начали постепенно все больше и больше обслуживать в некоторых своих учреждениях нужды всей губернии» [1, с. 42-43]. Вышеприведенный пример ярко иллюстрирует практическую значимость передачи части механизмов социального регулирования в ведомство земств.

Особое место в решении социальных проблем занимали благотворительность и меценатство. Стоит отметить, что благотворительность имея в своей основе, как правило, бескорыстное желание помочь ближнему, по сути не может существовать вне государственной социальной политики, поскольку тесно связана с ней, так как большая часть движений мецената или благотворителя должна была быть согласована с администрацией (фиксация пожертвований, разрешение об открытии благотворительного учреждения, разрешение не уплачивать / снижать налоги с благотворительных учреждений). Над благотворительностью учреждался контроль со стороны государства: проверялись условия в которых могли находиться призываемые лица, производился технический осмотр помещений). Можно назвать, благотворительность механизмом урегулирования означенной проблемы, инициируемым как бы со стороны не государства а благотворителя, но действующим в определенных законодательством рамках. Аналогичным образом действовала и церковь.

В истории развития калужских богоугодных заведений ряд значимых событий пришелся на третью четверть XIX столетия. В конце 1860-х гг. город нуждался в увеличении числа действующих богаделен. В докладной записке калужского городского головы отмечалось недостаточное количество богоугодных учреждений, существующих для оказания помощи нуждающимся слоям населения [2, оп. 3. д. 1279. л. 15, 15об.]. В этот непростой период открываются новые благотворительные учреждения. 1 августа 1869 г. в городе появляется Пестриковская богадельня, а меньше чем через год,

7 мая 1870 г., начинает работать и богадельня братьев Михаила и Павла Малютиных. Надо отметить, что оба заведения функционировали за счет частных капиталов и внесли свой немаловажный вклад в развитие механизма социальной опеки. По условиям содержания призреваемых оба заведения превосходили существовавшую с 1793 г. Пятницкую богадельню, учрежденную городским обществом, первое время содержавшуюся на городские средства, а в 1837 г. перешедшую в ведение купеческого общества [3, оп. 6. д. 2074. л. 9.] и долгое время остававшуюся единственным городским заведением подобного рода. Стоит отметить, что по количеству предоставляемых мест для призреваемых Пестриковская богадельня значительно уступала Пятницкой и Малютинской. Богадельня Малютиных была сопоставима с Пятницкой и даже превосходила оную как по количеству мест для призреваемых, так и по условиям их содержания. Отдельного внимания и рассмотрения заслуживают детский приют и учебные заведения так же финансируемые за счет капиталов Малютинского банка.

Итак, пореформенный период стал ключевым в истории решения вопросов социальной помощи – общественного призрения в Российской Империи. Именно в этот период часть обязанностей по надзору в социальной сфере переходила в ведение самих подданных Российской Империи путем частичной передачи механизмов осуществления поддержки нуждавшихся земствам и благотворителям. Не исключением стала и Калужская губерния, где большая часть работы по созданию условий для решения социального вопроса легла на плечи благотворителей и частных капиталов. В то же время все вышеозначенное находилось в рамках общегосударственного надзора и социальной поддержки нуждавшихся слоев населения.

Библиографический список

1. К 100-летию Хлюстинских заведений. 1800-1909 г. Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1909.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32.

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ВОЙНА ИЛИ СЕМЕЙНАЯ ССОРА: СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН-ОБЩИННИКОВ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРОВЕДЕНИЮ МЕРОПРИЯТИЙ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Проведение Столыпинской аграрной реформы встретило заметное сопротивление со стороны крестьян-общинников. При этом, Казанская губерния, не являвшаяся центром проведения реформ [6,с.74], оказалась в

числе лидеров по числу крестьянских протестов [6, с.73]. В советской историографии это позиционировалось как противодействие крестьянства (утвержденного большевиками на роль если не союзника, то — во всяком случае — попутчика пролетариата) политике царизма, приобретавшее в начале XX века форму социальной войны в деревне [4]. Ассоциирование хуторян с кулаками-мироедами в логике этой презентации указывало на вызревание уже «второй социальной войны» [5, с.94-98].

По мнению советских исследователей, в том числе и С.М. Дубровского, в 1910 году было наибольшее число выступлений, при этом, их удельный вес в сравнении с 1905-1907 годами составлял соответственно 28,8% и 68,8%. Причиной такой значимой разницы являются новые формы непосредственно крестьянского движения после начала проведения Столыпинской аграрной реформы, которые были вызваны новыми явлениями [7, с.273]. Однако данное сравнение некорректно, поскольку реализация реформы в Казанской губернии началась только в 1910 году, следовательно, ранее не могло быть выступлений против ее проведения.

Однако выступления все-таки были, что показывает анализ архивных материалов (ГАРТ, Ф.199), в первую очередь, отчеты жандармов и пунктов унтер-офицеров.

Но также стоит отметить и содействие определенной части крестьянства проводимой государством политики, особенно, если это было им выгодно. В частности, речь идет о программе переселения за Урал. Предоставляемые правительством условия были очень заманчивыми: освобождение от налогов на долгий период времени, предоставление земли, определенной суммы, выдача по низкой цене новых сельхозорудий и само переселение за казенный счет. Неудивительно, что довольно большое количество семей изъявили желание перебраться на новые земли.

Однако правительство не предусмотрело всех проблем, которые возникли в ходе реализации программы переселения, и многие люди были вынуждены вернуться на европейскую территорию Российской империи, оставшись без всего, что не прибавило правительству симпатии в глазах простого народа. А проводимая политика в отношении земли (выделение отрубов, хуторов) еще больше накалила отношения между ними.

Начались выступления среди крестьянства, направленные, преимущественно, против нового землеустройства на условиях правительства, которые были, с точки зрения крестьян, несправедливыми, противоречили привычным традициям.

Свой протест относительно урезания общинного пахотного клина крестьяне выражали обычно мирным способом: чаще всего общества просто отказывались санкционировать выход из общины (в среднем по России число отказов составило около 68% [3, с.581]). В этом случае стремившиеся на хутора селяне писали жалобы на имя царя [1, оп. 1, д. 227, л. 17-25; 2, оп. 1, д. 4298, л. 3- 46], что иногда давало положительный результат, и об-

шина уступала. Но вышедшие из общины люди исключались из деревенской жизни: не допускались на сходы, к общественным работам, которые оплачивали земства и т.п. Кроме того, деревенские жители всячески препятствовали развитию личного хозяйства выделившихся одножителей: не пускали их скот на общинные пастбища, сжигали посевы, громили хозяйственные постройки и т.п. Примечательно, что для введения в действие общинных санкций решающее значение имел не факт выделения, а высказанное намерение. Крестьяне стремились воспрепятствовать изъятию пахотной земли из общинного фонда, однако если «столыпинские сажены» укреплялись на своих отрубках, сопротивление общества угасало. За 1907–1911 гг. было подано 2,6 млн ходатайств, а период 1912–1915 гг. – 3,5 млн., т.е. на 34,5% больше.

В конечном итоге только около трети самостоятельных хозяйств смогли стать на ноги и развиваться дальше, и неудивительно, что крестьяне в своих неудачах часто винили правительство.

Столыпинская реформа стала своего рода индикатором, который определил для крестьян невозможность и дальше существовать в том угнетенном положении, которое продолжалось на протяжении последних трех веков. Начало XX века стало пределом для народа, уставшего верить в доброго батюшку-царя и прощавшего все издевательства со стороны правительства и дворянства, и он попытался донести в привычной ему манере свои претензии, но безуспешно.

Поэтому будет правильно сказать, что крестьянское движение начала XX века, несмотря на драматические коллизии разрушения правительством морально-экономических практик, не носило антисистемного или антиправительственного характера. Скорее можно говорить о том, что крестьяне все еще пытались наладить диалог с властью, которая последовательно и целенаправленно стремилась от этой дискуссии уклониться.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 199.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 23.
3. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 599 с.
4. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд. полит. лит., 1938 с.
5. Ленин В.И. Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т.9. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1960. 579 с.
6. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
7. Першин П.Н. Аграрная революция в России. От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 576 с.

М.В. Мухина

НАРУШЕНИЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В КАЛУЖСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ОКРУГЕ

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Калужской губернии проводились 12-14 ноября 1917 года. Первые всенародные выборы не могли пройти без нарушений, которые были схожими по всем регионам.

Главным документом, регламентирующим подготовку и проведение всенародного голосования, стало Положение о выборах в Учредительное собрание. Нормативный документ разрабатывался именитыми российскими юристами и должен был учитывать интересы всех категорий граждан государства. Девятая глава первого раздела закона имеет название «Об ограждении свободы и правильности выборов» и посвящена возможным противозаконным действиям участников избирательного процесса. В зависимости от степени правонарушения предполагались наказания от выплаты штрафа до каторжных работ. Потерпевшим признавалось каждое лицо, имевшее право участвовать в выборах в Учредительное собрание [4, с. 145].

Как известно, победу в Калужском избирательном округе одержала Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). По имеющимся сведениям, именно со стороны этой партии было зафиксировано большее число нарушений избирательного законодательства. Так, председатель Солопенской избирательной комиссии Тарусского уезда 14 ноября телеграфировал окружной комиссии о прекращении голосования вооруженной силой солдат-большевиков [3, с. 387]. Согласно статье 105 Положения о выборах в Учредительное собрание подобные действия наказывались заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

Партия РСДРП(б), не имея средств для наглядной агитации, использовала в качестве агитаторов солдат, прибывших с фронта. Член Учредительного собрания от Калужской губернии большевик П.О. Логачев вспоминал, что ему пришлось наблюдать, как солдаты около помещения, где проводились выборы, встречали избирателей и агитировали за партию [2, с. 42]. В Медынскую уездную комиссию поступила жалоба от жителей Троснянской волости о том, что солдаты проводили агитацию за список № 7 — РСДРП (б) в день выборов прямо на избирательном участке [1, оп. 2. д. 4. л. 4]. Согласно статье 107 «Положения...» подобные действия наказывались арестом.

Стоит отметить, что документальных свидетельств о применении каких-либо мер наказания по отношению к нарушителям законодательства на данный момент не выявлено. Учитывая политическую ситуацию, когда все больше рычагов управления оказывалось в руках РСДРП(б), показательной является ситуация, произошедшая в Лосминской волости Юхнов-

ского уезда. Член партии большевиков Новосельцев незадолго до выборов прибыл в родной край, в день голосования расположился недалеко от избирательного участка, где агитировал и раздавал политическую литературу. Его действия имели успех, через несколько часов избирательные списки № 7 закончились. Председатель участковой комиссии ограничился лишь угрозой привлечь к ответственности.

Интерес в складывающейся политической обстановке вызывает эпизод, произошедший в Жиздринском уезде. Учительницы Т.И. Попова и А.Д. Волкова были заподозрены в покупке у учеников оставшихся бюллетеней их родителей, за что и были арестованы. На сельский сход для разбирательств были приглашены представители от Красной Подбужской гвардии. Предполагалось, что женщины имели при себе черновой список избирателей и пытались добыть избирательные записки, чтобы опустить их в подложную урну и отвезти в Жиздру, за это они могли получить тысячу рублей. Без длительных разбирательств женщин выгнали из училища, заметив, что их принимало на работу Временное правительство, а сейчас народовластие. На вакантные места были назначены две крестьянки. А.Д. Попова начала объяснять сходу особенности избирательного закона, согласно которому бюллетени не могут быть использованы посторонним человеком. Однако председатель велел отправить женщин на разбирательство в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но на следующий день женщинам удалось покинуть село [3, с. 391].

Вышеуказанные нарушения были обусловлены рядом факторов. Немалое значение имела предварительная подготовка граждан к выборам, разъяснительные лекции и беседы, которая не велась должным образом из-за отсутствия подготовленных кадров. Безусловно, определяющую роль играла политическая ситуация в данной местности. В Калуге с 17 октября находились воинские части, верные Временному правительству. Однако в сельской местности партия большевиков фактически игнорировала действующее выборное законодательство, имея на своей стороне вооруженных солдат, возвращавшихся / бежавших с фронта. Стоит отметить, что партия получила большинство голосов именно в волостях Калужской губернии, тогда как большинство голосов в городах и городских поселениях было отдано за партию народной свободы.

Библиографический список

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф-1128.
2. Зайцев И.В. Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы выборов и избирательного права. 1998. № 1. С. 28-46.
3. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / Сост. И.В. Зайцев, В.В. Луговой. Калуга, 1999. 432 с.
4. Положение о выборах в Учредительное собрание // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 9. С. 129-184.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА НАРОДНОГО
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НАРКОМЗДРАВА В 1918-1920 ГГ.**

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-78-10095.

Идея создания центрального научного института возникла в 1918 г. вскоре после учреждения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (далее – Наркомздрав, НКЗ). Сложившаяся к концу 1910-х гг. тяжелая эпидемиологическая ситуация требовала комплексного решения со стороны власти: разработки программы лечения и профилактики заболеваний, подготовки квалифицированных специалистов, просвещения населения по вопросам санитарии и гигиены [2, с. 58; 6, с. 5, 37]. Реализация данных задач на практике требовала наличия соответствующей инфраструктуры [7, с. 3]. Так, в 1918 г. Наркомздравом был предложен проект создания Государственного института народного здравоохранения (далее – ГИНЗ, институт), отвечавшего поставленным запросам [4, оп. 4. д. 21. л. 2]. Кроме того, институт стал ярким примером реализации государственных научных проектов в 1918-1920-х гг. [5, с. 170]. В контексте изучения ранней истории ГИНЗ важным представляется вопрос об организации рабочего пространства, а именно – о приобретении помещений, выделении средств на их ремонт и оплату труда рабочих. Данный малоизученный аспект иллюстрируют документы, выявленные в Архиве Российской академии наук (РАН) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

По словам директора ГИНЗ Л.А. Тарасевича, институт «устраивался и организовывался в течение трех лет (...) срок небольшой при обычном течении жизни, но значительный для вновь возникшего учреждения, созданного (...) в разгар революции» [7, с. 3]. Для качественного выполнения возложенных на ГИНЗ задач в его составе выделялись несколько профильных (или специальных) институтов¹ [9, с. 134-135]. Все решения по их административной и научной деятельности принимались Научным советом, в котором состояли заведующие институтами и члены Правления, включая директора. В свою очередь, ГИНЗ находился в ведении Санитарно-эпидемиологического отдела Наркомздрава [1, оп. 1. д. 1. л. 2-3] и содержался на государственные средства, «отпускаемые по особой смете» [9, с. 135]. Сведения о планируемых расходах собирались с каждого специаль-

¹ В первые годы работы ГИНЗ в его составе функционировали Микробиологический и Санитарно-гигиенический институты, Институт контроля сывороток и вакцины, Тропический институт, институты Экспериментальной биологии и Физиологии питания.

ного института и включались в общую смету ГИНЗ, которая затем утверждалась Научным советом и Правлением и передавалась в комиссариат.

Согласно выявленным архивным документам, в 1918-1920 гг. серьезным препятствием для работы научных институтов ГИНЗ стал недостаток помещений — в их распоряжении были лишь несколько комнат, из которых устраивали лаборатории, виварии и кабинеты [8, с. 272]. Часть институтов планировалось перевести в здание на Кудринской улице, полученное ГИНЗ в 1919 г., однако отсутствие минимальных удобств — отопления, водопровода и канализации — заставляло откладывать переезд до окончания ремонта [3, оп. 12. д. 2057. л. 31; 4, оп. 1. д. 372. л. 1]. В свою очередь на скорости ремонтно-строительных работ сказывались недостаток финансирования и материалов в условиях инфляции и товарного дефицита. Несмотря на статус «центрального учреждения страны», институту не всегда удавалось получить запрашиваемые средства в полном объеме [1, оп. 1. д. 1. л. 6-8]. Другой проблемой стала оплата труда строительных рабочих. На заседаниях Научного совета в феврале 1920 г. обсуждался вопрос о выплате строителям зарплаты и обеспечении их пайками: «поднимается вопрос о необходимости удовлетворить (...) часть персонала жалованием. Постановили: поручить Президиуму (Научного совета — В.С.) принять меры по удовлетворению жалованием персонала, хотя бы части наиболее нуждающейся» [1, оп. 1. д. 1. л. 12]. Невыплата или задержка жалования приводила к тому, что строители отказывались выходить на работу, а помещения оставались без коммуникаций и удобств. Одно из решений вопроса предложил директор Тропического института ГИНЗ Е.И. Марциновский: «институт, как работающий по эпидемиям, должен получать для своего персонала соответствующий паек (...) Имея паек, можно будет получить персонал» [1, оп. 1. д. 1. л. 17об.]. Так, обеспечение рабочих заработной платой и пайками, а также получение недостающих кредитов стали ключевыми аспектами в вопросе организации рабочего пространства ГИНЗ в 1918-1920 гг. Однако несмотря на то, что в 1920 г. часть институтов получили помещения для ведения исследовательской и практической работы, для оставшихся вопрос оставался актуальным до середины 1920-х гг.

Таким образом, решение вопроса об обеспечении ГИНЗ и его институтов финансовыми средствами для оплаты расходов, связанных с ведением ремонтно-строительных работ, играло важную роль для организации их исследовательской и практической работы в 1918-1920 гг. Данный сюжет из ранней истории ГИНЗ иллюстрируют архивные документы, выявленные в АРАН И ГАРФ: протоколы заседаний Научного совета ГИНЗ, докладные записки об организации ГИНЗ и его институтов, отчеты и материалы переписки с Наркомздравом.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 570.

2. Васильев Г.К. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-406.
4. ГАРФ. Ф. А-482.
5. Долгова Е.А., Слискова В.В. Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки» // «Стены и мосты – VI»: практика междисциплинарных исследований в истории. М., 2018.
6. Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020.
7. Научный институт народного здравоохранения (Москва). Организация, деятельность и научные труды. М., 1924.
8. Николай Константинович Кольцов. Очерки, статьи, письма, документы. М., 2021.
9. Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917-1924 гг.: сб. документов и материалов. М., 1966.

И.Н. Заводсков

Ульяновский государственный педагогический университет

ОПЫТ ОСОАВИАХИМА В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В 1927-1941 ГГ.

Особая роль в военно-патриотическом воспитании молодежи принадлежала Обществу содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахиму). Эта массовая, добровольная организация существовала в СССР с 1927 по 1948 гг.

Общество имело широкие задачи, такие как: содействие развитию авиационной и химической промышленности; развертывание оборонно-массовой работы среди трудящихся в целях укрепления обороноспособности страны, в том числе распространение военных знаний; военное обучение населения, воспитание граждан в духе советского патриотизма [1, с. 29].

Важным направлением, провозглашенном на Втором Всесоюзном съезде Осоавиахима стало работа по воспитанию и подготовке юных пионеров к обороне страны: «современные требования...выдвигают на очередь вопрос о военном, политическом, техническом и физическом воспитании будущих армейцев с пионерского возраста, что должно дать надлежащий эффект в деле допризывной подготовки и комплектования РККА» [5, с. 55].

Международная обстановка конца 1920-х, начала 1930-х годов демонстрировала рост военной опасности и угрозы безопасности страны. Уделяя внимание подрастающему поколению, руководители Осоавиахима справедливо отмечали проблемы, которые накопились в первое десятилетие советской власти в деле военно-патриотического воспитания детей и молодежи. Основными сложностями с которыми сталкивались в этом направ-

лении выступали: отсутствие единого органа, который бы руководил и изучал работу по военно-патриотическому воспитанию детей; отсутствие доступной, дешевой литературы, наглядных пособий и мелкокалиберного оружия; недостаточность средств на работу кружков, лагерей и организации военных игр для детей; недостаточность привлечение молодежи к массовым мероприятиям, таким как, маневры, игры, пробные тревоги [5, с. 55].

Анализ накопившихся проблем и возможных путей их решения, вылился в конкретные рекомендации по внедрению методов военно-патриотической подготовки молодежи. Все они были направлены на разностороннюю работу, которая позволила бы достигнуть цели. Реализация намеченных планов предполагалась через организованные группы детей и молодежи – пионерию и комсомол. Для этого требовалась разработка таких мероприятий внутри Осоавиахима, формат, которых позволил бы принимать в них участие детворе.

Школа оставалась основным проводником воспитательных идей, в том числе в сфере военного воспитания, поэтому военная подготовка в школе I ступени должна была быть внедрена в первую очередь. Помимо этого требовалась и подготовка детей в сети военнизированных лагерей, в которых работали кадры преимущественно из состава демобилизованных пионерских и комсомольских работников, подготовленных на средства Осоавиахима. Готовилась и выпускалась понятная детям военная литература, наглядные пособия [Например: 2, 3, 4], изыскивались средства на эти цели Осоавиахимом, через профсоюзные, хозяйственные и другие организации [5, с. 56].

Реализация решений II Всесоюзного съезда Осоавиахима вылилась в создание и функционирование кружков военных знаний в школах, военных уголков, снабжение военной литературой и выступления перед школьниками военных специалистов с интересными докладами на военную тему. Помимо этого, популярность приобрели экскурсии в военные части местных гарнизонов [1, с. 38].

Отдельным направлением выступило – обучение школьников стрельбе, стали проводится соревнования, а в 1932 г. был учрежден нагрудный знак «Ворошиловский стрелок». Этот знак вручался за выполнение нормы I ступени и усложненные нормы II ступени [1, с. 40]. Естественно, учреждение нагрудного знака и соревновательный характер, привлекло в ряды стрелков, новых школьников, расширив движение за право получить такой значок.

В предвоенные годы спортивные соревнования школьников приобрели особый размах. В 1939 – первой половине 1941 гг. в подобных соревнованиях приняло участие более 1 млн. учащихся [1, с. 40].

Деятельность Осоавиахима по подготовке детей и молодежи к защите Отечества в 1927–1941 гг. была разносторонней, к ней активно привлекались комсомольские и пионерские организации. Формы и методы военно-

патриотического воспитания совершенствовались, но главной его частью оставалась оборонно-массовая работа. Поэтому основными формами явились: функционирование военных кружков для детей, проведение военнизированных лагерей и игр, организация соревнований по военно-прикладным видам спорта, получение оборонных значков.

Библиографический список

1. Воспитывать патриотов Родины. О проблемах военно-патриотического воспитания молодежи и населения в период с 1922 г. по начало XXI в. Авторы: А.П. Волков, руководитель авторского коллектива, А.Ф. Агарев, А.В. Азарова, С.В. Галдобина, С.Н. Долгов, В.Н. Малиц, А.А. Немерюк, В.В. Прилуцкий, И.А. Смирнов, А.В. Федоров, Ю.А. Юдахин. Вступительная статья С.А. Маева. Рязань: Русское слово, 2011.
2. Единый курс стрельб Осоавиахима (ЕКС-ОАХ-35). М.: Гос. воен. из-во, 1936.
3. Пособие для подготовки к сдаче норм «Готов к ПВХО». Ростов-на-Дону: Азчериздат, 1936.
4. Программа для кружка военных знаний 1-й ступени. М.: Из-во Осоавиахима, 1929.
5. Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. М.: Изд-во «Осоавиахим», 1930.

А.В. Ломакин

Санкт-Петербургский государственный университет

СОВЕТСКИЙ МАССОВЫЙ ПРАЗДНИК КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕНИНГРАДА 1953–1964 гг.)

Первомай и годовщины Великой Октябрьской социалистической революции были главными праздниками СССР на протяжении всего периода его существования. Тем не менее, научная традиция изучения этих торжеств еще не сложилась, хотя в последние годы особое внимание обращают на себя работы Е.В. Барышевой, рассматривающей повседневные практики и ритуалы советского общества, его политическую историю в контексте праздничного календаря 1920–1930-х годов [1]. В данной статье, на источниковой базе документов областной партийной организации КПСС и горисполкома Ленинграда, будут рассмотрены некоторые особенности праздничной коммуникации в период «оттепели» (1953–1964 гг.).

Массовые праздники (Первомай и годовщины Великой Октябрьской социалистической революции) использовались государством сразу в нескольких целях, в том числе для демонстрации успехов советского общества. Немецкий историк М. Рольф характеризует их как «смотры достижений» [2, с. 93]. В радиотрансляциях с майских и ноябрьских демонстраций четко прослеживается соответствующая риторика: праздник служил отлич-

ным способом подчеркнуть успехи советской техники (в 1958 г. диктор с гордостью рассказывал про сооружение в Ленинграде первого в мире атомного ледокола «Ленин» [5, оп. 5. д. 73. л. 55]), науки (достижения в использовании «мирного атома» [5, оп. 5. д. 73. л. 63]), строительства (массовое доступное жилье — характерная примета «оттепели») [5, оп. 5. д. 73. л. 76] и т.д. В праздничных речах также подчеркивалось единство и сплоченность советского общества, которое сравнивалось с большой семьей [5, оп. 2. д. 4528. л. 63].

Праздники служили и средством трудовой мобилизации общества. Предприятия и учреждения брали на себя обязательства выполнения и перевыполнения плана к торжественным датам. Во время шествий всегда транслировалось, кто возглавляет колонну, назывались фамилии передовиков и их конкретный вклад в развитие науки/техники/городского хозяйства по отдельным районам (в 1953 г. среди «лучших людей Ленинграда» звучали имена преподавателей и студентов ВУЗов, рабочих, инженеров [5, оп. 2. д. 4528. л. 22-28] и т.д.). Это должно было показать ленинградцам, что власть знает и чтит таких же простых людей, как и они сами: их знакомых, соседей, коллег по работе, прославивших себя трудовыми достижениями. И, должно быть, многим действительно хотелось оказаться на месте этих героев труда, чтобы их имя также прозвучало на весь город.

Центральное место в массовых торжествах занимала политическая пропаганда. Праздничные лозунги, которые всегда предварительно утверждались местными партийными властями, служили действенным средством актуализации политического момента. Так, одним из главных лозунгов празднования 1 Мая в 1953 г. было выполнение решений XIX съезда КПСС, а центральным сюжетом являлась «забота партии и правительства о трудящемся человеке» [3, оп. 25. д. 2257. л. 4-5]. В 1956 г. Ленинградский обком КПСС утвердил следующую тематику: «Все силы на выполнение решения XX съезда КПСС», «Трудящиеся Ленинграда в борьбе за осуществление программы постепенного перехода от социализма к коммунизму» [4, оп. 92. д. 210. л. 30-33] и др. Лозунги отражали официальные задачи партии в развитии государства на ближайший период.

В приуроченных к торжественным датам мероприятиях находило отражение и одно из ключевых событий «оттепели» — десталинизация. Так, к празднованию 39-й годовщины революции проводилась «реконструкция» памятных табличек на зданиях: с них было убрано имя И.В. Сталина [4, д. 204. л. 29]. Сама годовщина прошла с использованием минимума портретов вождя и упоминаний о нем. Тем самым рядовым гражданам демонстрировалась перемена политического курса страны, связанная с секретным докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС.

К особой форме коммуникации можно отнести мероприятия по созданию атмосферы всеобщего благополучия: украшение города, иллюминация, организация предпраздничной торговли. Городские власти распоря-

жались завезти в магазины дефицитные товары [3, оп. 25. д. 2257. л. 14]. Также именно к майским и ноябрьским праздникам проводились ремонтные работы, убирались дворы, город приводили «в порядок» [3, оп. 37. д. 418. л. 4].

Таким образом, массовые праздники 1 Мая и 7 Ноября служили специфическим способом коммуникации советской власти с обществом. Через организацию праздника транслировались как общие (характерные и для 1920-х–1930-х годов) идеи сплоченности общества, единства народа и партии, так и актуальные трудовые задачи, достижения советского государства, политические события. Также именно к торжеству власти стремились создавать атмосферу всеобщего благоденствия, достатка и порядка, которая должна была служить благоприятным фоном для считывания транслируемых идей, их адекватного восприятия.

Библиографический список

1. Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

2. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7384.

4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24.

5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 293.

А.И.Павленко

Московский городской педагогический университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ В 1992–1993 ГОДАХ

Взаимодействие и взаимовлияние власти и общества являет собой общественно-политический процесс, который формирует не только образ государства, но и векторы и приоритеты развития страны. После распада СССР Российская Федерация начала свое развитие в условиях политического противостояния исполнительной власти с российским парламентом, которое во многом повлияло на состояние общества. Страна погрузилась в социально-политический хаос, выход из которого виделся политикам пo-разному. В то же время общество начало долгий путь адаптации к жизни при капиталистической системе. Для кого-то это было время свободы и «возможности дышать полной грудью» [5], для других же людей период 1992–1993 гг. нарушил все жизненные планы и поставил перед собой вопрос выживания [6]. В данной статье рассматривается проблема взаимоот-

ношений и взаимовлияния власти и общества в условиях социально-политического кризиса после распада СССР в 1992–1993 гг.

Расслоению общества способствовала социально-экономическая политика Правительства РФ. Приватизационные мероприятия, либерализация экономики, призванные сделать всех равноправными собственниками бывшей государственной социалистической собственности, нанесли непоправимый ущерб гражданскому обществу. Большинство населения попросту не смогло сориентироваться в быстро развивающихся событиях в экономике. К тому же гиперинфляция уже в 1992 году достигла 2508,8% [9], которая «сжирала» формально растущие доходы населения. Граждане, понимая свое бедственное положение, поначалу обменивали выданные приватизационные чеки на деньги, чтобы купить товары первой необходимости, но к концу 1993 года ваучер стал приравняться 3 бутылкам водки. По существующим подсчетам, уровень жизни в стране упал в 3 раза по сравнению с 1991 годом [3, с.169]. По сути, выгодоприобретателями политики Егора Гайдара и Бориса Ельцина стали те граждане, который не были обременены заботами о своем выживании.

Говоря о социальной политике Правительства РФ, можно сказать, что она носила вспомогательный характер, но совершенно недостаточный при молниеносном движении к капиталистическим отношениям. Резко обнищавшему населению не хватало государственной поддержки, чтобы поддерживать даже минимальный уровень жизни. Например, осенью 1992 года свыше 65% населения страны имело крайне низкие доходы страны или находилось за чертой бедности [2, с.1]. Неслучаен самый масштабный отклик населения на беспрецедентные социально-экономические изменения – снижение рождаемости и превалирование смертности впервые с времен Великой Отечественной войны [7, с.7]. Обществу были созданы условия, которые не удовлетворяли потребности в расширении семей. И если в отношении трудоспособного населения РФ можно говорить о молодости и наличии физических сил для адаптации к суровым условиям перехода к рыночной экономике, то пенсионеры были поставлены на грань выживания. Соотношение пенсионного пособия по сравнению с США изменилось с 1:2 в 1991 году к 1:15 в 1992 году [1, с.3]. Все это говорит о крайней неэффективности проводимой политики, которая, по сути, создала социальную катастрофу.

Несмотря на серьезные изменения в жизни общества, вызванные политической борьбой и неконтролируемой либерализацией экономики, общество оставалось вне политики и в основе своей безмолствовало. Только два раза активисты массово призывали общество противостоять властям, чтобы получить шанс выйти из социально-экономического кризиса. Первый раз листовки распространялись перед референдумом 25 апреля 1993

года [10], второй раз после выхода указа Б.Н. Ельцина №1400 осенью 1993 года [4]. Но агитация не привела общество к сплочению и выработке ответной стратегии на обнищание народных масс и разграбление страны.

Оппозиционные силы находились в состоянии постоянной борьбы с исполнительной властью на политическом поприще, однако в силу своей разобщенности противники Бориса Ельцина были обречены на поражение [8, с.163]. Несмотря на призывы создать единую организацию для борьбы с Президентом оппозиция не смогла также объединить общество. Этому свидетельствуют митинги 1992-1993 гг., на которые собирались представители противоположных взглядов на развитие страны.

Можно заключить, что период 1992-1993 гг. демонстрирует весьма болезненный переход от социализма к капитализму, сложность которого была обусловлена характером общественно-политического процесса. Народные массы и политики были формально объединены общими государственными границами, но оказались разобщены на почве социально-экономической политики Правительства РФ.

Библиографический список

1. Аргументы и факты. №15. 24.04.1992.
2. Аргументы и факты. №35. 16.09.1992.
3. Голотик С.И., Елисеева Н.В., Карпенко С.В., Россия в 1992-2000 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. №3. 2002. С. 164-203.
4. Конституция Е.Б.На – кровь, насилие и несправедливость народа! [листовка]. Б.м., 1993 // Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ), ОСК. Коллекция листовок. Шифр НП 4/422. Инв.№1060029.
5. Павленко А.И. Интервью с Субботиной Е.А. [аудиофайл]. Муром, 04.09.2022 // Личный архив автора.
6. Павленко А.И. Интервью с Шаниной Т.В. [аудиофайл]. Муром, 04.09.2022 // Личный архив автора.
7. Российская Федерация в цифрах в 1993 году : краткий статистический сборник / Гос. Ком. Рос. Федерации по стат. (Госкомстат России). М.: Респ. информ.-издат. центр, 1993-1994. 382 с.
8. Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987-1996) / Под ред. Проф. В.И. Топина. М.: ГПИБ России, 2005. 312 с.
9. Таблица уровня инфляции по месяцам в годовом исчислении [электронный ресурс] URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (Дата обращения: 05.09.2022 г.)
10. 25 апреля – Всенародный Референдум. Москвичи! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. Шифр НП 4/424.

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

В.Д. Иудин

Санкт-Петербургский государственный университет

«ТОРПАРСКИЙ ВОПРОС» В ФИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Зарождение «торпарского вопроса» традиционно принято увязывать, одной стороны, с занявшим многие десятилетия процессом складывания сословной структуры финского общества, с другой – со сложившейся в годы существования Великого герцогства Финляндского системой взаимоотношений между шведской державой и финской землей, сводившейся к попыткам нарастить объем посевных площадей и компенсировать демографические потери за счет «колонии» королевства и приведшей, во многом, к формированию двух категорий арендаторов земли – «лампуоти» и «торпари». Введение в отечественную историографическую традицию этих наименований коррелирует с переводом монографий финских исследователей В. Расила – «Этап урегулирования вопроса о фермере» (1970) и А. Сойнинена – «Наше старое сельское хозяйство» (1974) [5, с. 103-104]. Видный советский и российский историк Л.В. Суни (1932-2022) в одной из новейших своих работ отметил, что эти категории уже имели полноценное место в финской социально-экономической жизни первой четверти XIX века [5, с. 103-104]. Если «лампуоти» представляли собою зажиточных лиц, имевших бюргерское или дворянское происхождение, то «торпари», не будучи даже крестьянами, арендовали землю вследствие отсутствия собственного надела. Другое отличие «торпарей» от «лампуоти» состояло в том, что последние арендовали земли со всеми постройками, инвентарем, сельскохозяйственным имуществом; первые же довольствовались лишь наделом [5, с. 103-104].

Начало исследованию «торпарского вопроса» в финской традиции было положено исследователем шведского происхождения Акселем Варреном (1814-1885) в монографии «*Torparissa Suomessa*» («Торпари Финляндии») [1, с. 181]. Варрен показал в своем труде подлинную подноготную «торпарского вопроса», которая носила отнюдь не материальный, а сугубо юридический характер и сводилась, в частности, к отсутствию договорной основы. Последняя была введена лишь в 1901 году. Весьма определенно высказался относительно положения «торпарей» и историк шведского происхождения И. Ирье-Коскинен (Форсман) (1830-1903), который приравнял последних к рабам [5, с. 106]. Эти точки зрения вполне уместно считать прямой предтечей концептуальных построений XX – начала XXI вв. в финс-

кой историографической традиции, к числу которых надлежит отнести работы Э. Карху, М. Клинге, Х. Мейнандера. Менее известными являются труды А. Сойнинена, В. Расила, Э. Ютикаллы, Т. Миллинтауса К. Калейнена, А. Куустеры; их издание пришлось на 50-е – 80-е гг. прошлого столетия.

Видный финский и карельский исследователь Э.Г. Карху (1923-2008), отделяя крестьян от «безземельных», ввел финский термин, обозначающий первых – «*talonpoika*» (что переводится как «сын усадьбы») [2, с. 21]. Акцент, содержащийся в основе этого понятия, был отнесен им к собственническому статусу крестьян, который и являлся межой, отделявшей первое от наименований категорий «безземельных» – *mdkitupalaiset* («малых арендаторов») и *loiset (irtolaiset)* («бродяг» – финских «пауперов»), относящимся к самым обездоленным категориям сельского населения. Категория «торпарей» вписывалась им в один ряд с представителями двух вышеуказанных: произвол помещика, по мнению Карху, нивелировал преимущества первых перед последними [2, с. 21-22]. Вместе с тем, Карху дал весьма любопытную характеристику положения «торпарей», указав на предоставленное им государством разрешение заниматься разработкой лесных и заболоченных земель [2, с. 21], что свидетельствует об осведомленности автора относительно законодательных инициатив 1902 года, ставших результатом работы учрежденной при участии Н.И. Бобрикова комиссии о «безземельных». Особое внимание уделил «торпарскому вопросу» известный финский историк М. Клинге (р.1936), который выявил данные о динамике численности «торпарей»: если в 1750 году она достигала 5000 человек, то к 1895 году соответствующий показатель увеличился в 14(!) раз [3, с. 112-113]. Клинге полагал, что «торпарская система» питала и поддерживала, в значительной мере, и шведскую, и российскую экономики [3, с. 112-113]. Современный финский исследователь Х. Мейнандер (р.1960), не акцентируя внимания на «торпарском вопросе», вскрыл влияние сельской инфраструктуры на общее состояние хозяйств и показатели урожайности [4, с. 112]. Его работа стала, в этом отношении, попыткой концептуального обобщения в области сельской социально-экономической жизни автономии.

В заключение надлежит отметить, что «торпарский вопрос» занял в финской историографии особое место, что обусловлено, во-первых, зафиксированной в источниках актуальностью ононого в шведскую и имперскую пору; во-вторых, особенностями исследовательских ракурсов, тесно связанных с частными сюжетами социально-экономической истории Финляндии. Накопленный в финской историографии потенциал исследования «торпарского вопроса» позволяет пролить свет на подлинное состояние социально-экономической жизни имперской Финляндии.

Библиографический список

1. Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии: время управления Н.И. Бобрикова. М.: Книга по требованию, 2012. 524 с.
2. Карху Э.Г. История литературы Финляндии, XX век; отв. ред. М. Э. Куусинен; Акад. наук СССР, Кар. фил., Ин-т яз., лит. и ист. Л.: Наука, 1990. 607 с.
3. Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Изд. дом «Коло», 2005. 616 с.
4. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты; пер. со швед. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 248 с.
5. Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.

В.В. Евпалов

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ПРОВИНЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Теме провинции посвящено немало статей и научных исследований, число которых в последнее время растет. Дополняются данные о провинции историческими и другими областями знания. В систематизированном виде знания о провинции обогащаются благодаря исследований Л.В. Кошман, Д.С. Лихачева, Б.Н. Миронова, Н.А. Иванова, В.П. Желтова, А.В. Головнева и силами других исследователей. Однако системный и теоретический концепты провинции для дальнейших историографических исследований не был получен, что затрудняет дальнейшие исторические исследования провинции.

И как было показано в историографическом исследовании теоретическая особенность исследования провинции является ее междисциплинарность [3, с. 66], что можно поменять форму исследования с исторической науки на иную.

Значимость данной статьи заключается в анализе историографических исследований провинции, что позволит уточнить понятия провинции. Это даст возможность расширить и углубить теоретически уже имеющийся материал. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения полученных результатов в разработке законодательных актов российской провинции. Ведь в настоящее время с его запросами от государства и вызову из вне, изучение провинции поможет избежать проблем, которые имели место в российской истории в н. 90-х гг. [6, с. 387].

В устоявшееся традиции отечественной историографии правомерно предлагают изучать провинцию в российской истории с XVI в., когда государство встало на путь централизации, когда провинция зародилась из дихотомии метрополии-периферия. А особое географическое положение го-

сударства позволяет выдвинуть гипотезу, что развитие провинции имело под собой уникальные условия и социальный контекст.

Важно отметить, что в российской и мировой историографии существует множество подходов к определению провинции, но обосновано использовать концепцию разделения взаимодействия провинции и метрополии на: российское, древнегреческое, римское, древнекитайское и европейское. Можно заявить, что римское, европейское и древнекитайское понимание провинции носило в целом потребительский характер, а российская и древнегреческая практика имеет епархиальный и гуманистический характер [5, с. 46]. Фактический материал данного тезиса подтверждается политикой Б. Годунова в походе на Югру [3].

Под епархией следует понимать равную, ценную административную единицу, которая управляется из определенного центра власти.

В дальнейшем, XVIII в. в истории российского государства, как полагал историк В.О. Ключевский, можно выделить период колонизации [4, с. 50]. Обращаясь к анализу политических практик российских правителей, можно разглядеть попытки по отчуждения власти от привычного центра. Так русские правители зачастую стремились обосноваться вне своей страны, чтобы держать ее как метрополию. Иван IV переносил резиденцию из Москвы в Александров, Петр I в созданный им город, Павел из Петербурга в Гатчину, большевистское правительство вернуло снова столицу в Москву.

XIX в. для многих жителей Земли стал тяжелым, с точки зрения экзистенции обычного человека, кульминацией которого стали слова английского предпринимателя Сесила Родса: «Я убежден, что мы первая раса на земле и что чем больше места мы заселяем, тем это лучше для человеческой расы» (пер с англ.) [7, с. 58]. В Российской империи, в свою очередь, проводилась гуманистическая политика в отношении своих колоний.

В XX в. СССР встал на путь культурного империализма [1], идею которого сформулировал отечественный ученый А.В. Головнев. Согласно этой концепции, центр (метрополия) доминирует за счет того, что транслирует свои культурные конструкции в культурное пространство провинций. Трансляция реализуется главным образом двумя путями: через систему образования и через массовую культуру.

Обосновано говорить, что данная парадигма отношения к провинции характерна и для XXI века. Анализ современной российской истории позволяет показывать, что из-за процессов глобализации и из-за внутреннего кризиса 90-х гг. епархиальная парадигма перестала быть доминирующей.

Суммируя результаты исследования, удалось прийти к выводу, что отличие от европейской практики метрополии к центру, в истории российского государства провинция рассматривалась как цель, а не средство.

Библиографический список

1. Головнев, А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2015. 592 с
2. Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. Технология развития: настольная книга. М.: “Издательство. Ладыя”, 1995. 240 с.
3. Евпалов В.В. К проблеме изучения российской провинции // Платоновские чтения: XXVII Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2022.
4. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987.
5. Хаусхофер К. О геополитике. Москва: Мысль, 2001.
6. Шашонков П. А. Политика высших органов государственной власти РФ в отношении российских регионов осенью 1993 года материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции, Ижевск, 13 апреля 2021 года. Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2021. С. 387-394.
7. Rhodes, Cecil. The Last Will and Testament of Cecil John Rhodes, with Elucidatory Notes, to which are Added Some Chapters Describing the Political and Religious Ideas of the Testator / Stead, William Thomas. London, 1902. p. 58

А.А. Дмитриев

Ульяновский государственный университет

ИДЕЯ «НЕОПЛАТНОГО ДОЛГА» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРЕД КРЕСТЬЯНСТВОМ

Русское крестьянство находилось в очень бедственном положении на протяжении многих веков, плоды труда, пожинаемые крестьянством, узурпировались дворянством. Зарождающаяся интеллигенция не могла не заметить обстоящую вокруг ситуацию, столь чудовищное социальное расслоение высших слоев с низшими. Начавшаяся эпоха просвещения вдохнула идеи свободы равенства и братства, и вместе с тем осознание благодарности перед крестьянством, породило идею «неоплатного долга» перед теми, чей труд и жизни были принесены в жертву, ради становления интеллигенции.

Значительный толчок в этом направлении произвел конец Отечественной войны, сражаясь вместе и превозмогая противника. Интеллигентное дворянство начало обращать внимание на крестьянство, ведь до сей поры крестьянство было в глазах дворян лишь «невежественным и безнравственным скотом» [1, с. 176]. Стыдившееся своего происхождения русское дворянство, начинает снова возвращаться к своему народу происходит воззвание к народным мотивам, творчество начинает обретать народный характер.

Массовый порыв приходится на вторую половину XIX века, появляются все возможные статьи, интеллигенция создает их вопреки угрозам со

стороны властей. Появляются идеи, что за эту жертву нельзя заплатить деньгами, к примеру статья Д.И. Писарева гласила: «Я взял в займы чужой труд теперь надо же уплачивать этот долг. А чем его уплачивать? Деньгами, что ли? Очевидная нелепость... За труд можно платить только трудом» [2, с. 117-119]. Интеллигенция начинает выковывать идею свободы для русского крестьянства, для последующей передачи ее владельцу.

Происходит разделение среди среды интеллигенции на западников и славянофилов. Сама идея преобразования русского народа становилась краеугольным камнем споров, стоит ли игнорировать многовековые традиции или же строить на западноевропейской основе новое общество, доходило вплоть до споров о словах, которые надлежит использовать калькированное «развитие» или автохтонное «умоделие» [3, с. 373].

Останавливаясь на славянофилах, мы приходим к тому, что они в центр всего ставят крестьянина, человека истинно трудящегося. Сама их идея основывается на дружном взаимоотношении между сословиями. Славянофилы подверглись критике со стороны другой части интеллигентного общества, якобы они хотят низвести всех под крестьянина. На что А. И. Кошелев замечал, что их целью было изучение крестьянина чтобы найти в нем его нужды и характерные черты для дальнейшего их развития [4, с. 91].

Переходя к западникам, желание сделать крестьян подобно себе передать им культурные достижения стало их основной идеей. Становление должно происходить через отмену крепостного права, дарование прав личных и гражданских прав всему народу.

Подводя вышеперечисленное, можно сказать, что идея «неоплатного долга» была основополагающей среди интеллигенции во всех течениях, не взирая на политические и другие аспекты жизни ее представителей. Даже сам генезис интеллигенции, сформулированный П.Л. Лавровым, гласил: «В силу своего высокого нравственного развития «критически мыслящие личности» начинают сознавать, что современная цивилизация и культура созданы «ценой крови, страданий и труда миллионов» [5, с. 220-226].

Библиографический список

1. Герцен А. И. О романе из народной жизни России // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954-1966. Т. 13.

2. Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955-1956. Т. 3. С. 117-119.

3. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. 2-е изд. Москва : Высшая Школа, 2003. 431 с.

4. Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. М., 1991.

5. Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934-1935. Т.1. С. 220-226.

6. Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции: монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 357 с.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XIX В.

Русской Православная Церковь со второй четверти XIX в. сыграла важную роль в повышении уровня образования и духовности всего населения. Если ранее уровень просветительской деятельности зависел от близости населенного пункта к крупному монастырю или инициативности приходских священнослужителей, то в середине XIX века была создана централизованная система религиозного просвещения, доступная всем слоям населения. Каждый житель, несмотря на свой статус и материальное положение, получал возможность чтения как религиозных, так и научных книжных изданий. Государство было заинтересовано в повышении уровня образования населения, поэтому, невзирая на слабое материальное обеспечение и нехватку квалифицированных кадров, с каждым годом количество учебных заведений становилось все больше.

В первой половине XIX века начальной ступенью духовного образования была церковно-приходская школа, созданная для обучения крестьянских и мещанских детей. Но в этот период она не получила широкого распространения. Так, к 1841 году было создано 2700 церковно-приходских школ, в которых обучалось 25 тысяч учеников. К середине века это число увеличилось: в 1851 году насчитывалось 4713 школ с 93350 учениками. За следующее десятилетие в связи с подготовкой отмены крепостного права и разработкой других реформ число школ увеличилось до 18587, где обучалось 320350 учеников [2,с.81].

18 января 1862 года Александр II утвердил решение Совета Министров, согласно которому Церковь могла открывать церковно-приходские школы. Похожее разрешение получило и Министерство народного просвещения, которое занималось распространением начального образования. Кроме этого, Церковь и Министерство должны были сотрудничать, оказывая помощь друг другу. Но каждое учреждение считало, что контроль над начальным образованием должен принадлежать только им.

В 1864 году была принята земская реформа, которая разрешала земствам заводить свои начальные школы. Таким образом, с 60-х годов в стране существовали три типа начальной школы – церковноприходская, министерская и земская [1,с.477].

Церковные школы начали быстро распространяться, за 1862 и 1863 их было уже около 14000. Но из-за невозможности конкурировать с земскими школами, они стали закрываться. И через 10 лет их осталось всего около 4000. После издания «Правил о церковно-приходских школах» Синод разослал епархиальным архиереям циркуляр о всемерном поддержании и

«попечении» церковно-приходского образования. При Синоде был учрежден специальный Училищный совет для заведования этими школами. В церковно-приходских школах преподавали не только священнослужители, но и светские лица, среди которых были учителя. К 1884 году на территории Российской империи насчитывалось около 7700 церковно-приходских школ, в которых обучалось более 180 тысяч учеников [3, с.412].

Библиографический список

1. Никольский Н.М. История Русской Церкви. Минск, 1990.
2. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840 по 1890-91 гг. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1897.
3. Цыпин В.А. История Русской Церкви (Синодальный период). М.: Изд-во Учеб. ком. Русской православной церкви, 2004.

А.И. Пичугина

Самарский национальный исследовательский университет

А.М. КОЛЛОНТАЙ: ОПЫТ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Александра Михайловна Коллонтай — яркая личность своей эпохи, интерес к которой не ослабевает и в наши дни. Являясь важной политической фигурой своего времени, Александра Коллонтай в рамках революционного и дипломатического пути оказала значительное влияние на развитие советской России.

Формирование этой незаурядной личности началось с ранних лет. Родившись 19 марта 1872 г. в Петербурге в знатной дворянской семье генерала М.А. Домонтовича, А. Коллонтай с детства поражала взрослых обостренным чувством справедливости и чуткостью по отношению к другим. Она отличалась сильным характером, целеустремленностью, интересом к учебе [5, с. 12]. Именно в юности у Александры Коллонтай под наставничеством домашней «нигилистки» Марии Страховой складывается народническое мировоззрение [7, с. 340].

Семейная жизнь с Владимиром Коллонтаем у Александры Михайловны не сложилась, и она погрузилась в те идеи, которые привлекали ее с юных лет. В 1898 г. Коллонтай уезжает за границу. В Англии она изучает рабочее движение и вскоре, познакомившись с Г.В. Плехановым, вступает в ряды социал-демократов [4, с. 63]. Завязав знакомства по всему миру с политиками разных направлений, Александра Коллонтай возвращается в Россию, чтобы заниматься женским вопросом, который займет в ее жизни одно из важных мест. Так можно охарактеризовать период формирования этой личности.

Александра Михайловна Коллонтай вела активную общественно-политическую деятельность в период нарастания революционного движения в

России. После событий Кровавого воскресенья, 9 января 1905 г., она активно занимается антиправительственной пропагандой: печатает листовки, организует митинги [7, с. 343]. Но вскоре из-за уголовного преследования она вынуждена была покинуть Россию на 8 лет [3, с. 36].

Вернувшись в марте 1917 г. из эмиграции видным деятелем международного рабочего и женского движения, Александра Коллонтай окончательно примыкает к большевикам и, применяя свой незаурядный ораторский талант, находится в самом центре событий в переломный для страны момент. Именно в этот период ее назовут «валькирией революции».

С приходом большевиков к власти Коллонтай получает пост Народного комиссара общественного призрения и создает Отдел по охране материнства и младенчества для обеспечения медицинской поддержки будущим матерям за счет государства. Она разрабатывает важные декреты, посвященные равенству супругов в гражданском браке, разводу по первому требованию супругов, предоставлению прав незаконнорожденным [1, с. 140].

В начале 1920-х гг. Александра Михайловна создает женотдел ЦК РКП(б) для борьбы за равноправие между женщиной и мужчиной, ликвидации женской неграмотности, информировании о новых условиях труда и организации семьи [2, с. 54].

В 1921 г. положение Коллонтай меняется. Она возглавляет «рабочую оппозицию», раскритикованную В.И. Лениным, и в 1922 г., благодаря знанию языков и наличию прочных связей по всей Европе, отправляется на дипломатическую службу.

Александра Михайловна будет представлять свою родину в Норвегии, Мексике, Швеции. Занимая этот пост более 20 лет, она решила огромное количество дипломатических задач. Наиболее важные из них: нейтрализация влияния гитлеровской Германии на скандинавские страны, смягчение шведской позиции в период советско-финской войны 1939 г. и посредничество в переговорах о выходе Финляндии из войны [6, с. 104].

В 1945 г. Александра Михайловна вынуждена покинуть пост посла по состоянию здоровья. 9 марта 1952 г. Коллонтай ушла из жизни. Однако имя ее не было забыто. Образ этой женщины, которой восхищались и которой боялись, образ «валькирии революции» навсегда остались в истории. О ней написано много книг, поставлены спектакли, сняты фильмы. Кроме того, имея яркий литературный дар, она оставила огромное публицистическое наследие.

Таким образом, Александра Михайловна Коллонтай, безусловно, является одной из самых ярких фигур эпохи Великой российской революции и советского периода в целом. Она внесла значительный вклад в продвижение революционных идей в России, Европе и США, вела успешную и эффективную деятельность в политической и социальной сфере, особенно в решении «женского вопроса», добилась значительных успехов на дипломатической службе, способствуя укреплению международных позиций и влияния СССР.

Библиографический список

1. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. М., 2001.
2. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) / Пер. с англ. М., 2010.
3. Иткина А.М. Революционер, трибун, дипломат: страницы жизни А.М. Коллонтай. М., 1970.
4. Коллонтай Александра Михайловна (1872-1952) // Сизенко А.Г. Великие женщины великой России. Ростов н/Д., 2010.
5. Млечин Л.М. Коллонтай. М., 2013.
6. Рымко Е.П. Мадам Коллонтай // Современная Европа. 2004. № 4.
7. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Пер. с англ. М., 2004.

В.С. Волкова

Самарский национальный исследовательский университет

ЖЕНЩИНЫ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Династия Романовых с самого начала ее существования оказывала значительное влияние на многие процессы, происходившие как в Российском государстве, так и за рубежом. Во многом именно благодаря династии Романовых закладываются основные общественные и государственные институты, формируются черты национального характера в их неповторимом своеобразии. Традиционно проблемы данного периода рассматривались преимущественно со стороны внутренней и внешней политики, иностранного влияния, личностных характеристик императоров. Именно поэтому так важно взглянуть на этот непростой для России период с «женской стороны».

Мария Федоровна Романова (1847-1928), предпоследняя русская императрица, жена императора Александра III, мать последнего русского царя Николая II, прожила 81 год, из них 52 – в России, была цесаревной 16 лет, императрицей – 11 лет, прожила 28 лет в счастливом браке, и за это время в семье родилось шестеро детей [3, с. 208]. Одетая государыня всегда была очень скромно, без какой-либо модной вычурности, и лишь то, что ее лицо было сильно нарумянено, выдавало известное кокетство [7]. Она вела активную благотворительную деятельность: покровительствовала искусству, живописи [1, с. 92]. Мария Федоровна нечасто вмешивалась в большую политику, но в решающие моменты никогда не скрывала от сына своего мнения. Так, в 1915 г., когда Николай II решил стать во главе армии, она уговаривала его отказаться от своего решения. Категорически возражала Мария Федоровна и против заключения сепаратного мира с Германией [2].

Императрица Александра Федоровна (1872-1918) была шефом нескольких полков. Она стремилась стать «настоящей помощницей во всех отно-

шениях» своему самодержавному супругу. Став русской царицей, она стремилась «возлюбить Россию выше своей первой родины» [1, с. 106]. Императрица была высокая, стройная, с царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными грустными глазами — она выглядела настоящей Царицей [2]. Императрица занималась благотворительной деятельностью. К началу 1909 г. под ее покровительством состоялось 33 благотворительных общества. Множество людей постоянно получали поддержку от императрицы, в том числе и денежную [4]. Вместе со своей семьей и приближенными она была убита в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

Великие княжны, дочери Николая II, Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, были совершенно разными, каждая со своим характером. Татьяна — единственная, с кем в переписке Александра Федоровна говорит о делах, о войне, даже о том, что мучает Царицу лично, — о распускаемой против нее клевете. Когда Татьяна попросила прощения в том, что резко сказала о Германии, забыв, что это родина ее матери, Государыня ответила ей: «Я абсолютно понимаю чувства всех русских и не могу одобрять действия наших врагов. Они слишком ужасны, и поэтому их жестокое поведение так меня ранит, а также то, что я должна выслушивать. Как ты говоришь, я вполне русская, но не могу забыть мою старую родину» [6]. Во время правления Николая три из великих княжон достигли того возраста, когда могли уже вступить в брак. Все они были убиты в Ипатьевском доме 17 июля 1918 г.

Великая княгиня Елизавета Федоровна в 1884 г. вышла замуж за великого князя Сергея Александровича Романова и стала российской княгиней. В 1891 г., после нескольких лет размышлений, она приняла православие. На протяжении своей жизни занималась делами милосердия: основала Санкт-Петербурге Елисаветинскую общину сестер милосердия. Ей принадлежит важная роль в развитии музеев, художественных, музыкальных и театральных союзов [5]. Именно благодаря ее трудам создан приют для престарелых театральных деятелей. Во время войны она также не осталась в стороне. Были организованы склад пожертвований для военных и бесплатное размещение раненых. После отречения Николая II от престола она писала: «Я испытывала глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, а не когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть» [5].

Таким образом, за период конца XIX — начала XX вв. Россия прошла сложный и драматический путь, конечной точкой которого стало разрушение империи, гибель правящей династии и коренные изменения в стране. Значительную роль в сложных социальных процессах играли личные качества каждой женщины из династии Романовых, их вклад в благотворительность, в культурную жизнь страны. Каждая из них отличалась неповто-

римым набором личностных качеств, и почти каждой из них пришлось пережить жизненные трагедии: смерть мужа, распад страны, а иногда и мученическую смерть. При всем несходстве судеб этих женщин общим для них были православная вера, любовь к семье, к своему отечеству.

Библиографический список

1. Боханов А.Н. Судьба императрицы. М., 2016.
2. Вырубова А.А. Страницы моей жизни: Романовы. Семейный альбом. М., 2016 [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/virubova_anna/stranitsi_moeu_gizni_romanovi_semeyniy_albom.html (дата обращения: 10.11.2022).
3. Жукова Е.В. Российские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. Ростов-на-Дону, 2002.
4. Максимова Л.Б. Александра Феодоровна // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/64450.html> (дата обращения: 15.10.2022).
5. Максимова Л.Б. Елисавета Феодоровна // Православная энциклопедия. М.: - Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/189843.html> (дата обращения: 10.11.2022).
6. Переписка Императрицы с дочерью Татьяной [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2015/06/14/1415> (дата обращения: 11.11.2022).
7. Романова М.Ф. Замуж за императора. Дневник жены Александра III. М.: Алгоритм, 2017 [Электронный ресурс] URL: http://benua.su/book_3_g16_4 (дата обращения: 10.11.2022).

В.В. Ткачев

Иркутский государственный университет

КУПЕЧЕСТВО БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ МУЗЕЕВ И ПРОВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В музеях Иркутска собраны уникальные и редкие предметы искусства, этнографии, которые послужили основой для проведения более глубоких исследований отдаленных территорий Иркутской губернии, Забайкальской области, окрестностей Байкала. Сохранившиеся материалы в архивах сообщают то, что представители купеческого сословия активно участвовали в организации учреждений культуры, науки, образования, деятельности объединений в городах Байкальского региона на рубеже XIX – XX вв. Так постепенно музеи и картинные галереи становятся центрами научной, культурной, художественной жизни для жителей разного поколения. Таким образом, данная работа направлена на то, чтобы изучить деятельность купечества Байкальской Сибири в процессе создания музеев и проведения художественных мероприятий, изучить особенности развития городской среды во второй половине XIX – начале XX вв. [3, с. 240].

Вспоминая высказывания известного немецкого ученого Якова Штерна в издании «Влияние общественных условий во все отрасли культурной жизни» (1905), которое читали многие жители городов Сибири, можно говорить о степени доступности художественных мероприятий и значении культурных учреждений для горожан. Так автор отмечал в своих разделах, что «цель культуры — поощрение и поднятие всеобщего благосостояния посредством человеческой деятельности. Но культурное движение только тогда может приблизиться к этой цели, если оно вступит на верную дорогу, а это случится только тогда, если люди знают пути, которые ведут к этой цели — знание, и если они желают пойти по ним — мораль» [9, с. 2].

В событиях художественной жизни участвовали как специалисты разных научных направлений, так и начинающие ученые, которые не определились с отраслью знания, сибирская интеллигенция, представители купеческого сословия. При их участии учреждения постоянно развивались, изменялись подходы работы [4, с. 35]. Состав коллективов музеев постепенно пополнялся ведущими учеными, педагогами, общественными деятелями, коллекционерами, художниками. Достаточно вспомнить деятельность Г.Н. Потанина, В.А. Комаровского, А.П. Богословского, которые не только предлагали идеи, но и эффективно реализовывали их в целях культурного развития сибирского общества. Также музейную работу поддерживали купцы: А.М. Сибиряков, В.П. Сукачев, М.Д. Бутин и многие другие [5; 6, с. 95; 7, с. 93; 8, с. 14].

В создании музеев участвовала общественность, которую представляли известные коллекционеры, купечество. Собиратели редких и ценных предметов участвовали в составлении проектов будущих учреждений, формировании фондов и оформлении экспозиций, выставок. В результате организации диалога с учеными отмечалось важность музеев в просвещении и приобщении жителей к отечественному и мировому культурному наследию. Так Владимир Платонович Сукачев писал Всеволоду Ивановичу Вагину в письме от 30 июля 1900 г.: «Большое спасибо за доброе слово по поводу моего предложения устроить в Иркутске картинную галерею. В настоящее время изготовленные по моему заказу копии разбросаны по частным квартирам или в тех случаях, когда размеры их слишком велики — остаются в галереях. С этой целью осенью этого года я намерен объявить при Обществе петербургских художников конкурс на постройку специального здания» [1, л. 14].

Другим примером может служить то, как по инициативе общественности и власти создавался музей, как научный центр. 17(29) ноября 1851 г. в Иркутске объединяются общественные силы в одной организации (Сибирского отдела Императорского русского географического общества), которая начинала проводить комплексную собирательскую и исследовательскую работу. Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность отдела и музея. Устраивались воскресные лекции, на которых пояснялось содержа-

ние коллекций. Лекторами выступали такие известные ученые, как В.И. Подгорбунский, Д.А. Клеменц, Д.П. Першин и другие [2, оп. 1. д. 603. л. 6].

Таким образом, активная просветительская работа представителей купеческого сословия, таких как А.М. Сибиряков, В.П. Сукачев, М.Д. Бутин, была направлена на реализацию выставочных проектов, которые способствовали определению направления в экономическом, культурном развитии городов на рубеже XIX – XX вв. В результате продолжительной работы деятелей искусства, коллекционеров, купечества Байкальской Сибири были созданы уникальные собрания живописи, скульптуры, книг, редких монет, минералов и т.д. Для жителей Иркутской губернии и Забайкальской области были открыты общедоступные библиотеки и публичные музеи.

Библиографический список

1. Архив Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Дело по истории Иркутского областного художественного музея.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293.
3. Иркутский край. Четыре века : история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : ВостСибкнига, 2012. 880 с.
4. Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: Архитектур.-этнограф. Музей «Тальцы», 2002. 334 с.
5. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 91–93.
6. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1995. 192 с.
7. Шахеров В.П. Города Сибири в дореформенный период: учеб. Пособие. Иркутск: изд-во ИГУ, 2013. 185 с.
8. Шахеров В.П. Иркутск купеческий : история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Изд. дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
9. Штерн Я. Влияние общественных условий во все отрасли культурной жизни: научное издание. С-Петербург: Тип.-лит. С.М. Муллера, 1905. 24 с.

С.А. Козлова

Самарский государственный институт культуры

ОЖИДАЯ ВЫСОКИХ ГОСТЕЙ: САМАРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ О “ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТНОСТЯХ” МОЛОДОЙ ГУБЕРНИИ

В 1851 г. на обширных плодородных землях по левому берегу Волги была образована Самарская губерния [5, с. 90]. В 1857 г. начальнику этой губернии К.К. Гроту из Императорского Русского географического общества (РГО) поступила просьба предоставить сведения для путеводителя к поездке великого князя Константина Николаевича, являвшегося председателем этого общества. Исполнение этого поручения Грот возложил на Н.А.

Воронова, служившего чиновником в его администрации, а тот сумел подготовить рукопись богатого историко-краеведческого содержания: статистического, географического, этнографического. Опубликована она была только в наше время [1].

Данный труд остается первоклассным источником об эпохе, когда Самарская губерния родилась и со всей страной оказалась на пороге Великой Реформы 1861 года. Дело в том, что к волжским достопримечательностям относили не только памятники истории, архитектуры, природы, но и этнические и региональные особенности населения, его хозяйство и торговлю [6, с. 106].

«Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» разбито на два раздела. Первый называется «Очерк Самарской губернии в историческом, этнографическом и статистическом отношениях», а второй – «Замечательнейшие местности по берегу Волги в пределах Самарской губернии».

Гидрографический обзор в первом разделе рукописи дает нам представление о впадающих в Волгу притоках. В следующем разделе Воронов приводит краткие очерки истории колонизации края и этнического состава населения, развития хлебопашества и скотоводства. Акцент делается на северной части Заволжья с двумя городами Самарою и Ставрополем (ныне г. Тольятти). Южная часть была менее заселенной, в ней кочевали калмыки и киргизы, а первыми оседлыми жителями стали солевозчики, которые основали Покровскую слободу и старообрядцы, которые расселились по реке Иргизу.

Более подробное повествование посвящено территории южного Заволжья, занятой поселками иностранных переселенцев. Она предстает в изложении Воронова как компактный «обширный прибрежный участок земли», который занимает «сплошной слой колонистского населения» [1, с. 42]. Автор повествует о времени и условиях водворения колонистов в Поволжье в 1760-е гг. Со временем численность жителей в 66 колониях на территории Самарской губернии составила 83,5 тыс. чел.

Приведя общий обзор колоний, Воронов сделал отдельные очерки двух из них, которые являлись важными волжским пристанями: Привальной (ныне с. Привольное) и Екатеринштадта (ныне г. Маркс). Так, Екатеринштадт имел цветущий вид и был более похож на чистый городок, нежели на сельскохозяйственное поселение. Многие здания здесь были каменными, а площадь украшал памятник Екатерине II [1, с. 57].

По мнению Воронова, особенно замечательными пристанями обладали также Покровская слобода Новоузенского уезда, села Балаково Николаевского уезда, Екатериненское и Васильевское Самарского уезда, Хрящевка Ставропольского уезда. Среди них самой замечательной предстает в рассказе Воронова Покровская слобода. Она раскинулась на пространстве более двух верст, в ней имелось более 1,5 тыс. домов и разных общественных

строений, в том числе каменных. На базар приезжали многие торговцы из Саратова и других мест. Кроме торговли, жители занимались хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, ремеслами, из которых особое внимание Воронова привлекло изготовление местными женщинами шерстяных ковров «весьма хорошего достоинства» [1, с. 61].

Интересно указание на наличие в слободе женской школы. Ее устроила государственная крестьянка Авдотья Гавришева, этой школе лично помогал губернатор К.К. Грот, много заботившийся о развитии народного образования, особенно женского [3, с. 20]. Имелись также мужское училище, богадельня, салотопенные, маслобойные, кирпичные, пивоваренные заводы.

Балаково Воронов описывает как «огромное торговое село» в котором находится 371 дом, салотопенные и кирпичные заводы, водяные мельницы. Для мальчиков в Балакове есть училище с 40 учениками и ремесленное заведение, в котором 20 детей «обучаются кузнечному, кожевному и овчинному мастерствам» [1, с. 65]. Имелось здесь и женское училище. Балаково принадлежало удельному ведомству, которое управляло собственностью императорской фамилии и с 1850 г. стало открывать в своих поволжских имениях школы не только для мальчиков, но и для девочек [4, с. 130].

Однако из всех вышеописанных ни одна пристань по удобству торговли не могла сравниться с двумя самарскими пристанями на реках Волге и Самаре, которые протекали близ самого города, а во время половодья вода подходила вплоть к хлебным амбарам, откуда грузили зерно. Самара была главным местом, куда свозился хлеб со всего Заволжского края. Лесная пристань здесь также была самая значительная в нижнем течении Волги. Река Самара была запружена многими платинами для устройства мельниц, дающих владельцам значительную прибыль. В городе и его уезде еще имелись суконные, винокуренные, салотопенные заводы. Описал Воронов также учебные заведения Самары, посетовав на то, что среди них женских, но рассказал об усилиях по их устройству [1, с. 75-76]. Как известно, вскоре в 1858-1859 гг. действительно в Самаре открылись первые школы для девочек [2, с. 258-259].

Земли Самарского Заволжья в основном стали заселяться оседлыми жителями лишь начиная с XVIII в. Несмотря на сравнительно небольшой срок освоения, они были богаты примечательными местностями, которые могли привлечь внимание путешественников и гостей, причем самых высокопоставленных. «Описание» этих замечательных мест, составленное по распоряжению самарского губернатора в 1857 г., может многое поведать как об истории Самарского края и окрестных земель, так и об их состоянии в середине XIX века, когда в России начиналась эпоха преобразований.

Библиографический список

1. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб.: РНБ, 2015. 118 с.
2. Артамонова Л.М. Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международ. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2015. Ч. I. С. 253-261.
3. Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20-24.
4. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара: Слово, 2020. Т. 1. (2-е изд., испр. и доп.). 480с.
5. Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII -первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 75-92.
6. Смирнов Ю.Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 104-110.

А.А. Чаплыгина

Самарский государственный институт культуры

«ПРОСВЕЩЕННОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО» САМАРСКОГО КРАЯ В КАНУН ВЕЛИКИХ РЕФОРМ И РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Модернизационный скачок, который произошел в России в XIX в., выразился не только в экономической, административной, судебной и военной областях. Он неминуемо затронул и сферы культуры, общественной деятельности, повседневности. О том свидетельствовали рост интереса к российским местностями со стороны властей и стимуляция областных исследований местной общественности. Данный процесс поддержали научные организации. Из последних наиболее действенным и эффективным являлось Русское географическое общество (РГО), учрежденное в 1845 г. [9, с. 59]

Образованные и реформистски настроенные российские чиновники внесли значительный вклад и в подготовку модернизационных преобразований, и в развитие регионоведения. К «просвещенному чиновничеству», несомненно, относились К.К. Грот и Н.А. Воронов, служившие в молодой Самарской губернии, образованной в 1851 г. [2, с. 253].

Николай Алексеевич Воронов родился в 1830 г. Его отец был небогатым чиновником в Изюмском уезде Слободско-Украинской (Харьковской) губернии и рано умер, оставив без средств многочисленную семью. Мать Николая сумела добиться в 1837 г. принятия сына на казенный счет в Александрьевский сиротский институт в Москве, который тот окончил в

1850 г. Из 24 выпускников этого года он был признан первым по успехам в учебе [1, с. 9-10].

Эти успехи давали право юноше ходатайствовать о приеме на службу в одно из центральных ведомств. Воронов подал прошение в Министерство внутренних дел, был принят и зачислен в департамент общих дел [1, с. 10].

Вскоре из малозначимого департамента общих дел, он был переведен в Хозяйственный департамент, который возглавлял Н.А. Милютин, впоследствии один из ведущих деятелей Великих реформ. В подчинении у него находилось немало способных молодых чиновников, ставших впоследствии видными государственными деятелями, достигшими высоких ответственных должностей. Среди них был Константин Карлович Грот [5, с. 142].

Знакомство с Гротом оказалось определяющим для карьеры Воронова. В 1853 г. Грот был назначен исполняющим должность самарского гражданского губернатора. Грот предложил Воронову должность младшего чиновника особых поручений при себе, и тот отправился в Самару [1, с. 12].

Н.А. Милютин и К.К. Грот, равно как и многие другие отечественные государственные деятели этого периода, были членами РГО, круг интересов которого не ограничивался рамками географии, а включал и вопросы экономического, статистического, естественнонаучного исследования России. По этой причине многие его члены, занимая видные административные посты в различных регионах, привнесли существенный вклад в общее культурное развитие русской провинции. Для Грота пребывание в РГО было особенно важным, поскольку он занимал там должность казначея, которая была общественной и неоплачиваемой, но давала возможность установить ценные деловые связи и показать свои способности высокопоставленным сановникам.

В Самаре к деятельности РГО приобщился и Воронов, став составителем статистико-географического и историко-этнографического «Описания Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей». Рукопись более полутора столетий хранилась в Научном архиве РГО, а в 2015 г. ее подготовили к печати и опубликовали сотрудники Российской национальной библиотеки и Самарского университета [3, с. 176].

Рукопись имеет интересную историю. В январе 1857 г. вице-председатель РГО генерал М.Н. Муравьев обратился к губернатору Гроту с просьбой предоставить данные о Самарской губернии для подготовки к намечавшейся поездке по Волге великого князя Константина Николаевича [7, с. 31].

К апрелю того же года «Описание» было закончено. Его отправили в Санкт-Петербург на имя нового вице-председателя РГО адмирала Ф.П. Литке, бывшего воспитателя великого князя Константина Николаевича. В письме, которым сопроводил отправку рукописи в Петербург К.К. Грот, употреблено обозначение «путеводитель», хотя Воронов назвал

свой текст «Описанием», выходя за рамки простого перечня достопримечательностей и насыщая его статистическими и этнографическими сведениями [8, с. 105].

Воронов выступил, прежде всего, составителем сводки различных донесений, отчетов, справок, полученных из губернских, уездных, городских органов власти и местного самоуправления. Наряду с богатой информацией интересны трактовки, которые дает Воронов, поощряемый Гротом. Успешное освоение Самарского края в рукописи объясняется, в первую очередь, широкой и вольной крестьянской колонизацией. В тексте, обращенном к члену императорской фамилии и его окружению, звучала похвала в адрес «свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами, как они жили в старине, сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободою сельскою жизнью» [1, с. 88]. Через несколько месяцев после завершения рукописи Воронова, на губернском дворянском собрании в январе 1858 г. сам Грот открыто и однозначно призвал к поиску путей «замены обязательного труда вольным», то есть к отмене крепостного права [4, с. 29].

Воздействие на труд Воронова со стороны Грота ярко проявилось также во внимании в этом тексте к культурно-просветительским начинаниям в этом крае. Ко многим из них губернатор был лично причастен [6, с. 253].

Предполагавшееся путешествие великого князя не состоялось, путеводитель для него не был издан. Константин Николаевич не смог побывать на Волге, так как началась разработка Великой реформы и он стал одним из главных сотрудников своего брата Александра II [5, с. 26].

Основной движущей силой тех преобразований была прогрессивная часть администрации – «просвещенное чиновничество», в состав которой входили К.К. Грот и Н.А. Воронов. Оно сознательно готовило почву для предстоящих реформ, понимая их необходимость. Одним из организующих и объединяющих центров для этой части российской управленческой элиты являлось РГО.

Библиографический список

1. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). Санкт-Петербург: РНБ, 2015. 118 с.

2. Артамонова Л.М. Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международ. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2015. Ч. I. С. 253-261.

3. Артамонова Л.М. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3-1. С. 176-179.

4. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б., Тюрин В.А. и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара: Слово, 2020. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. 480 с.

5. Моргунов Я.В. Роль самарских чиновников в зарождении научного регионоведения: Н.А. Воронов и его современники // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всерос. научно-методолог. семинара. Самара: СГИК, 2015. С. 141-146.

6. Скобликова Е.С. К датам 200-летия со дня рождения братьев Я.К. Грота и К.К. Грота // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5(106). С. 252-256.

7. Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 28-39.

8. Смирнов Ю.Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 104-110.

9. Смирнов Ю.Н. Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара: СГАКИ, 2013. Ч. 2. С. 57-65.

В.И. Серебряков

*ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»*

РОССИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ В 1864–1871 гг.

К середине XIX века два европейских государства – Италия и Германия не имели политического единства. Если с первой в силу ее географической отдаленности и отсутствия совместных интересов в Петербурге не очень активно контактировали, то с многочисленными германскими королями, князьями, герцогами и маркграфами династия Романовых имела тесные династические связи. Кроме того, Пруссию и Россию связывали внешнеполитические интересы, а именно заинтересованность в противостоянии революционным движениям на континенте, а также польский вопрос, беспокончивший периодически каждую из держав.

Если в 1840–1850-е гг. Российская империя в споре между Австрией и Пруссией за первенство в германском мире поддерживала монархию Габсбургов, то после вступления на престол в Петербурге Александра II в 1855 г., а в Берлине Вильгельма I в 1861 г., между двумя странами наметилось сближение. Большую роль в сближении двух стран сыграла Петербургская миссия в качестве посланника в России знаменитого Отто фон Бисмарка в 1859–1862 гг. [3].

В 1863 г. в российской части Польши произошло восстание, встревожившее правящие круги в Берлине. Назначенный в 1862 г. на пост министра-президента Пруссии Бисмарк выступал за активную позицию в дан-

ном вопросе, в ходе переговоров с Петербургом выразив желание поучаствовать в подавлении восстания, если его участники пересекут государственную границу королевства Гогенцоллернов. В том числе благодаря поддержке из Берлина России удалось избежать вмешательства Великобритании, Франции и Австрии, тем самым, не оказавшись перед лицом объединенной коалиции как в годы Крымской войны [4].

В Петербурге оценили поддержку со стороны Берлина в непростые 1853–1856 и 1863 гг. Глобальная дипломатическая ситуация в Европе сложилась к 1864 г. следующим образом: Великобритания была занята преимущественно колониальной политикой; Франция вела противоречивую внешнюю политику, то получая дивиденды, как после франко-итало-австрийской войны 1859 г., то испытывая унижения, как в случае с мексиканской колониальной авантюрой; Австрия все более утрачивала позиции великой державы и, что не менее важно, территорию. Интересы Пруссии и России принципиально не сталкивались, налицо было благожелательное расположение друг к другу правителей, в интересах Петербурга для решения важнейшей на тот момент задачи – отмены нейтрализации Черного моря – был конструктивный диалог между двумя странами. Российский канцлер А.М. Горчаков и его прусский коллега Бисмарк стремились всеми дозволенными способами следовать национальным интересам собственных держав.

Для Пруссии они заключались в необходимости объединить Германию под собственной эгидой, вероятнее всего силовым путем, следуя лозунгу Бисмарка о том, что «великие вопросы времени решаются железом и кровью» [1, с. 46]. Однако в Берлине понимали, что для этого необходимы не только готовность собственных вооруженных сил, не только внутреннее согласие в рамках самого королевства к столь неоднозначному, «братоубийственному» шагу, но, что важнее, позиция остальных великих держав.

В ходе трех войн за объединение Германии, как прекрасно и убедительно продемонстрировал отечественный историк В.С. Дударев, главной дипломатической задачей Бисмарка было обеспечить благожелательный нейтралитет именно со стороны России [2]. Вопреки распространенным в историографии клише по поводу выгоды для Петербурга такой позиции ради того, чтобы с помощью Пруссии впоследствии отменить нейтрализацию Черного моря, дело обстояло несколько иначе. А.М. Горчаков и Александр II пристально следили за развитием событий в германском мире. Именно из Петербурга прозвучал призыв решить вопрос насчет спора между Австрией и Пруссией против Дании за Шлезвиг и Гольштейн на международной конференции. Именно Россия призывала вскруженные успешным разгромом пруссаками Австрии «умерить аппетиты» в рамках контрибуции. На завершающем этапе объединения Германии под эгидой Пруссии, а именно в ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. российский император и канцлер неоднократно выступали против излишней жестокости

германских войск и их аннексионистских планов. Думается, рано или поздно, Россия самостоятельно сумела бы, без поддержки Пруссии, отменить условия Парижского мира 1856 г.

Таким образом, можно констатировать, что в Петербурге всегда поддерживались активной позиции в ходе войн Пруссии за объединение Германии. Она обуславливалась не стремлением помочь Пруссии в обмен на подобную услугу с ее стороны, а исключительным следованием национальным интересам собственной страны, как их на тот момент понимали в руководстве империи. К слову, признавал это и сам «железный канцлер» Бисмарк, безуспешно впоследствии заявлявший о некоем долге России перед Пруссией за позицию последней в годы Крымской войны и Польского восстания 1863 г.

Библиографический список

1. Власов Н.А. Отто фон Бисмарк. Путь к вершинам власти. СПб.: Евразия, 2019.
2. Дударев В.С. Бисмарк и Россия 1851-1871 гг. СПб.: Алетейя, 2021.
3. Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка. М.: Изд. В. Секачев, 2022.
4. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1957.

Д.А. Черкасов

*ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»*

ПЕРИПЕТИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III В 1881–1894 ГГ.

Вступление в 1881 г. на российский престол императора Александра III оказало заметное влияние на характер и направление отечественной внешней политики. В отличие от отца, Александра II, в значительной мере из-за родственных связей с дядей, кайзером Вильгельмом I, а также вследствие государственных интересов страны в тот период времени активно сотрудничал сначала с Пруссией, а позже и с единой Германией. Новый самодержец не верил в существование дружбы в международных отношениях на уровне государств, к тому же было известно о его антипатии к немцам, сохранявшейся на протяжении всей жизни. По утверждению историка О. Барковец, неприязнь «значительно усилилась под влиянием Марии Федоровны, с детства усвоившей традиционную неприязнь датчан ко всему германскому» [1, с. 171]. Несмотря на личные взгляды, император понимал, что им не место в дипломатических отношениях, поэтому стремился активно защищать интересы России во внешней политике.

Сближение Германии и Австро-Венгрии поставило перед Александром III две задачи: 1) поддержки с Берлином должного уровня дипломатических отношений; 2) поиска союзников для вероятного противостояния двум германским державам. Для того, чтобы успокоить официальные берлинские круги относительно дальнейшего направления российской политики министр иностранных дел Н.К. Гирс по указу царя осведомил канцлера Бисмарка о соблюдении всех соглашений, заключенных Александром II с Вильгельмом I [3, с. 197].

Несмотря на то, что он предпочел бы заключить двусторонний договор с Берлином, новый российский самодержец в июне 1881 г. согласился на продление Союза трех императоров, согласившись на контакты с Веной. Большие надежды на это соглашение возлагал российский посол в Берлине П.А. Сабуров. После первого испытания на прочность – восстания в Боснии и Герцеговине в январе 1882 года – Александр III вновь засомневался в целесообразности союза с Берлином.

Тем не менее, 15 марта 1884 г. в Берлине был подписан протокол о продлении Союза трех императоров. В следующем году благодаря поддержке Вены и Берлина Турция вынуждена была закрыть проливы Дарданеллы и Босфор на фоне обострения российско-британских отношений. В итоге это позволило избежать войны с Англией.

Однако в 1886 г. между периодической печатью России и Германии развернулась настоящая «газетная война» из-за так называемого Болгарского кризиса. Бисмарка подозревали в желании направить внешнюю политику России на Балканы, однако российским император не поддался на уловку, которая, по мнению историка А.А. Корнилова могла вызвать «России с Австрией, а может быть, и окончательную порчу наших отношений со всей Европой» [2, с. 415].

Стремясь нормализовать отношения с западным соседом, Александр III отправил в Берлин личного друга Бисмарка, П.А. Шувалова. Последний предложил Германии сделку: российский нейтралитет во время войны Германии с Францией в обмен на признание исключительного права России на влияние в Болгарии и нейтралитет в случае захвата Россией проливов Босфор и Дарданеллы. Однако дальше консультаций дело не пошло. Тем не менее, в июне 1887 г. был подписан русско-германский договор, получивший название «перестраховочного». Он обеспечивал обоим партнером благожелательный нейтралитет другой стороны в случаях, если одна из них подвергнется нападению третьей страны. Оценивая соглашение, крупный британский историк А.Дж.П. Тэйлор констатировал: «Договор «перестраховки» был обманом по отношению к русским, или, точнее, по отношению к Александру III, обманом, в котором приняли сознательное участие Гирс и братья Шуваловы. Александр II был человек беспечный и мягкий; но, пожалуй, было ошибкой так шутить с Александром III» [3, с. 335].

После смерти в 1888 г. Вильгельма I отношения между двумя странами постепенно ухудшаются вследствие взаимной неприязни Александра III и нового кайзера Вильгельма II, мечтавшего о мировом господстве, что, несомненно, не устраивало российскую сторону. Ситуацию осложнила отставка Бисмарка в 1890 г., который был обвинен в стремлении сохранить конструктивный диалог с Россией. Для Александра III стало очевидно, что в Берлине не желают больше иметь Россию союзницей, что выразилось в отказе продлить двусторонний договор. Для царя не было секретом, что в германском генштабе разрабатываются планы по военному вторжению в Россию. Не видя другой альтернативы, Александр III вопреки неприязни согласился на сближение с Францией. С его смертью в 1894 г., за исключением отдельных периодов времени, наблюдалось неуклонное ухудшение российско-германских дипломатических отношений. В итоге два государства схлестнулись в смертельной схватке 1914–1918 гг., в которой погибли оба.

Библиографический список

1. Барковец О.И. Неизвестный император Александр III: Очерки о жизни, любви и смерти. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
2. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: «Высшая школа», 1993.
3. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза 1879-1885. М.: Наука, 1974.
4. Тейлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

А.В. Жигалов

Самарский национальный исследовательский университет

РАССТРЕЛ ДЕМОНСТРАЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА – ЗАКОНОМЕРНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Одна из важнейших задач любой науки, в том числе исторической – выявлять закономерность процессов, формулировать законы по которым они происходят. Изучая факт расстрела мирной демонстрации жителей Санкт-Петербурга 9 января 1905 года мы пришли к выводам, изложенным в данной статье. Через всю мировую историю (история России не является исключением) красной линией проходит процесс угнетения и эксплуатации одних индивидов другими. Цель данного процесса: одна группа индивидов вынуждает другую группу обрабатывать (т.е. затрачивать жизненное время и ресурсы организма) в их пользу. В результате группа доминирующих индивидов многократно повышает качество своей жизни в ущерб качеству жизни трудящихся, которые зачастую не могут удовлетворить даже

минимальные физиологические потребности. Также доминирующая прослойка («высшее общество», «элиты») имеет тенденцию к продлению продолжительности жизни, тогда как продолжительность жизни эксплуатируемых доноров снижается. Подробные исследования по данному вопросу содержатся в трудах Ф. Энгельса, Л. Уайта, Б. Урланиса, В. Барулина, Ю. Бромлея.

Однако в настоящее время в гуманитарной науке сложилась тенденция как бы «не замечать» этого важнейшего обстоятельства. Мы же в свою очередь, подробно рассмотрев условия жизни трудящихся и сравнив с уровнем жизни «августейших особ», дворянства и крупной буржуазии начала XX века, пришли к выводу, что для осуществления эксплуатации создается ряд соответствующих условий, благодаря которым доминирующие индивиды вынуждают доноров отдавать свою энергию в их пользу и такая социальная структура находится какое-то время в равновесии. Выделим данные условия.

1) Законодательство, определяющее статус индивида, его обязанности и права которое позволяет привилегированным индивидам безразмерно обогащаться, угнетая и эксплуатируя других людей, т.е. выжимать из них необходимую энергию в свою пользу (в рассматриваемый нами период это законы определяющие сословную принадлежность индивидов и законы легализующие капиталистический гнет). А также законы, передающие данное право по наследству.

2) Регуляция экономических отношений. Капиталистическая формы эксплуатации – разделение общества на обладателей имущества (капитала) и пролетариат. Сюда входят трудовые отношения, уровень заработной платы трудящихся и др. Частная собственность, объективно, является инструментом эксплуатации (ибо без живой человеческой энергии она мертва и не принесет пользы эксплуататорам), а трудящимся устанавливается такая плата, чтоб они только поддерживали свое существование и не могли выйти из зависимости от хозяев.

3) Органы принуждения к соблюдению данного законодательства (полиция, жандармерия, армия, тюрьмы и т.д.).

4) Психологическое подавление. Сюда входит: обман; отношение «высших» сословий к «низшим» с соответствующей манерой обращения; жалкие бытовые условия трудящихся также создают ощущение «приниженности»; устрашение. В исследуемый нами период устрашение производилось различными видами мистификаций, угроза тюрьмой, ссылкой, военной службой, угроза физическим уничтожением в случае несоблюдения установленных порядков – данный пункт сыграл главную роль в событиях 9 января.

5) Идеологическая подоплека, формирующая в индивидах соответствующее мировоззрение – что именно так, а не иначе должны жить люди, что это естественно и «богоугодно».

6) Стравливание людей различных национальностей и конфессий с целью отвести гнев народных масс от реальных угнетателей. На данном этапе российской истории это активно практиковалось. Не случайно даже гапоновская организация называлась «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга».

7) Легализованное физическое уничтожение эксплуатируемых индивидов. Как правило акция проводится в случае активного неповиновения и сопротивления созданным «высшим обществом» порядкам.

Перечисленные нами условия эксплуатации варьируют по степени интенсивности в зависимости от сложившихся обстоятельств и степени развития общемировой культуры. Поэтому, вопреки заявлениям современных историков (И.М. Пушкарева считает, что причина трагедии в обычном для России «недомыслии власти, бюрократической неразберихе, неумении властных структур координировать свои действия и принимать четкие и однозначные решения» [1, с. 173]) мы должны констатировать, что избиение людей 9 января было организовано специально с целью устрашения народных масс, чтоб условия, созданные для поддержания сложившихся порядков самодержавного правления и эксплуатации продолжали удерживали данную социальную структуру в равновесии. По нашему мнению, сама демонстрация не являлась результатом провокации, но власти, без сомнения, воспользовались удобным случаем для проведения экзекуции. Однако объективная реальность, благодаря общемировой эволюции культуры вышла на новый уровень. Изменился мировоззренческий аспект среди широких слоев общества. И акт расстрела мирной демонстрации вызвал взрыв возмущения не только среди трудящихся, подвергшихся расстрелу, но и в подавляющей части людей во всем мире.

Библиографический список

1. Первая революция в России: взгляд через столетие / Рос. АН, Ин-т рос. истории; отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. Москва: Памятники ист. мысли, 2005. 602 с.

П.Ю. Ильинова

Владимирский государственный университет

ЮЖНО-АЗИАТСКИЙ «ТРЕУГОЛЬНИК ПРИМАКОВА»: РФ-ИНДИЯ-КИТАЙ. ОСОБЕННОСТИ, СВЯЗИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Период конца XX – начало XXI века ознаменовался формированием нескольких идей по вопросу приоритетных направлений взаимодействия между государствами во всем мире в постбиполярный период. Стратегическое и экономически выгодное сотрудничество было всегда важным век-

тором развития между государствами. Зимой 1998 г. Е. М. Примаков прибыл с официальным визитом в Дели, и на нем озвучил концепцию о взаимовыгодном потенциале «треугольника» между Россией, Индией и Китаем. Поначалу данная идея была воспринята скептически. Китайские и индийские власти придерживались принципа независимости в вопросах проведения своей внешней политики. Однако, с течением времени данная теория начала постепенно реализовываться на практике.

Не стоит забывать об официальных документах, которые закрепляют российско-индийские отношения в области сотрудничества, таковым является «Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 11 октября 1993 г.» [1]. Первостепенным и основополагающим документом в области сотрудничества между Россией и Китаем считается «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 28 февраля 2002 г. А между Китаем и Индией были подписаны меморандумы. С момента подписания данных документов, страны заключили еще пакет документов в области международного сотрудничества. По большей части стратегия взаимодействия отражается в деятельности международных организаций таких как ШОС и БРИКС. Благодаря этим союзам страны могут решить вопросы экономического, политического и финансового характера.

На сегодняшний день можно четко проследить несколько моментов: во-первых, это стабильное экономическое сотрудничество со странами Азии, между государствами происходит постоянный внешнеторговый оборот; во-вторых, постепенно наращивается военно-стратегический потенциал между странами, что позволяет говорить об укреплении положения стран на международной арене; в-третьих, на постоянной основе проходят встречи глав государств, на них обсуждаются проблемные вопросы, возможные угрозы и риски, а также концепции дальнейшего взаимодействия. Все вышечисленное позволяет нам говорить о том, что Россия, Индия и Китай спустя двадцать лет добились существенных результатов на практике в области международных отношений. Отмечается ярко выраженный принцип фрагментации. Заключается это в том, чтобы проходило постепенное налаживание и сотрудничество в одних сферах, не зная на то, что по другим вопросам наблюдаются разногласия или сложности реализации.

Особую роль хотелось бы уделить экономической сфере т.к., по данным таможенной службы, внешнеторговый сектор РФ увеличился по экспорту и импорту с дружественными странами в несколько раз [3]. В списке присутствуют страны Европы, Азии, Африки, Америки и Океании. Рассматривая статистические показатели торговли с КНР в период с 2020 по 2021 гг. наблюдается положительная динамика: экспорт увеличился на 28,5%, а импорт на 24,4. Отрицательное сальдо торгового баланса указывает на превышение импорта над экспортом.

Рассматривая количественные данные внешнеторгового оборота между Россией и Индией, стоит отметить положительное сальдо по сведениям за 2020 и 2021 гг. Экспорт товаров из России превышает импорт, что говорит о профиците торгового баланса. В процентном соотношении в торговых взаимоотношениях между Россией и Индией отмечается прирост: по экспорту – увеличение на 36,5%; по импорту – увеличение на 21,8%. Что говорит о положительных темпах роста товарооборота. Квартальные отчеты за 2022 год не были размещены на официальных сайтах, поэтому можно лишь только спрогнозировать дальнейшие перспективы и проблемы сотрудничества в области торговли. Общий годовой товарооборот можно будет проследить лишь в 2023 г. Индия не входит в топ-10 основных стран-покупателей. Однако, наблюдается положительная динамика в дальнейшей ретроспективе.

Таким образом, в дальнейшей перспективе Россия и дальше будет поддерживать связь с Индией и Китаем. По поводу взаимодействия трех стран до сих пор ведутся дискуссии, будущее трудно предсказать, но всегда можно попробовать спрогнозировать несколько вариантов развития. Здесь можно отметить принцип взаимной выгоды, однако возникающие угрозы и рост напряженности позволяет говорить о возможных трудностях. Несмотря на сложившийся кризис после пандемии COVID-19 и геополитическое переустройство в мире стоит рассчитывать на мультипликативные эффекты в области торгово-экономического сектора по взаимному согласию Индии, Китая и России. В качестве одной из задач перед РФ стоит оценка и анализ производства в регионах страны, за счет этого можно будет определить ряд товаров для импорто-замещения. Это может быть не только вывоз минерального сырья, но и других позиций, которые будут представлять интерес и значимость для непосредственных партнеров. Международное сотрудничество ведет к стратегической стабильности не только в Азии, но и во всем мире.

Библиографический список

1. Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 11 октября 1993 г.: [Электронный ресурс]. 2022. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884900> (дата обращения: 11.11.2022).

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 28 февраля 2002 г.: [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=201012707&collection=1 (дата обращения: 15.11.2022).

3. Официальный сайт Таможенной службы РФ [Электронный ресурс] –URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg> (дата обращения: 19.11.2022).

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVIII Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 9–10 декабря 2022 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л.Н. Законовой*

Подписано в печать 28.02.2023.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,8. Гарнитура «Newton».
Тираж 100 экз. Заказ № 131

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.